

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

Г. А. КОМАРОВА

**ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ:
междисциплинарное взаимодействие
этнографии и этносоциологии**

МОСКВА 2012

*Работа выполнена при поддержке
РГНФ в рамках проекта № 10-01-00105a*

Рецензенты:

Член-корр. РАН - Ю. В. АРУТЮНЯН

Д. и. н., проф. - М. Н. ГУБОГЛО

Комарова Г. А.

Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии (1960 – 80-е гг.) / М.: ИЭА РАН, 2012. - 193 с.

ISBN 5-89930-137-6

Издание представляет собой очередной выпуск серии «Отечественная этнография/этнология как практика междисциплинарных исследований». Книга посвящена опыту междисциплинарной интеграции отечественной этнографии и этносоциологии – научного направления, возникшего во второй половине XX века на стыке этнографии/этнологии, социологии и других научных дисциплин. Предназначается для широкого круга ученых, преподавателей, студентов и всех интересующихся этнографией, этнологией, социальной и культурной антропологией, историей науки и различными отраслями социогуманитарного знания.

ISBN 5-89930-137-6

© Г. А. Комарова, 2012

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1 ПРЕДТЕЧА ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В СССР.....	40
1.1. Предыстория отечественной этносоциологии	40
1.2. Причины возникновения этносоциологии в СССР	42
Глава 2 ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ	
 ЭТНОСОЦИОЛОГИИ	47
Глава 3 АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ	
 ЭТНОСОЦИОЛОГИИ	57
Глава 4 ГРАНИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ	
 ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОГРАФИИ И	
 ЭТНОСОЦИОЛОГИИ	76
4.1. Опыт взаимного использования методик в научной практике	76
4.2. Специфика интердисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов	87
4.3. Обновление комплексной проблематики и тематическое взаимообогащение исследовательского поля	101
4.4. Междисциплинарная кооперация этнографов и этносоциологов в проведении научных исследований.....	108
4.5. Статистико-этнографические исследования в отечественной этнографии	119
Глава 5 ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ	
 СООБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166
БИБЛИОГРАФИЯ	168
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	190

ВВЕДЕНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ – ПОЛЕ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

*Никакая наука не может развиваться,
не зная собственной истории*
Б. М. Фирсов

Проблема интеграции и взаимовлияния не только отечественной, но и в целом мировой этнологии и смежных с ней дисциплин имеет давнюю историю. И она очень непроста: специалисты то разграничивают предметы исследований, пытаюсь поделить исследовательское пространство, то заимствуют друг у друга знания и методы. Но главное, в чем прогрессивные ученые, выступающие за расширение этнографической практики и зон междисциплинарных исследований, единодушны, – это понимание «силы антропологического подхода», позволяющего исследователю «увидеть вещи в их взаимоотношении вместо того, чтобы рассматривать их по отдельности» (Keith 1963:24; Comaroff and Comaroff 1992:48). Такой подход, на мой взгляд, особенно важен для комплекса социогуманитарных наук и, прежде всего, для социокультурных антропологических исследований.

Опыт междисциплинарных исследований в отечественной этнографии велик и разнообразен. И он уже достаточно широко представлен в целом ряде публикаций (С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров 1972; Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева 1981; Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов 1999, 2007; Ю.В. Бромлей 1973, 1977; 1981; Ю.В. Бромлей, О.И. Шкаратан 1969, 1978; С.И. Брук 1964, 1978; С.И. Брук, В.И. Козлов, М.Г. Левин 1963; С.И. Брук, М.Г. Рабинович 1964; Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин 1976; М.Н. Губогло 1979, 1984, 2004, 2012; Р.Ш. Джарылгасинова, А.Р. Садокова 1995; Л.М. Дробижева 1976, 2001, 2004, 2006; Н.А. Дубова 2011; В.И. Козлов 1973, 1982, 1994, 2006; В.И. Козлов, А.Н. Ямсков 1989; Г.А. Комарова 1980, 1985, 1989, 2002, 2004, 2005, 2008, 2009, 2010, 2011; И.С. Кон 1983, 1992, 2006, 2007; М.М. Кром 2006; П.И. Пучков 2007; С.В. Соколовский 1993, 2003; В.С. Степанов 2006, 2007; В.А. Тишков 1993, 1995, 1996, 1997, 2001, 2007; В.А. Шнирельман 1984, 1989, 1991; А.Н. Ямсков 2006; Яницкий 2002 и др.). Необходимо упомянуть о целом ряде концептуально важных коллективных сборников, изданных в Институте этнографии АН СССР в 1960–80-х гг. и посвященных новаторским междисциплинарным исследованиям

Сектора общих проблем, Сектора по изучению истории первобытного общества, Сектора этноэкологии, Сектора этнографии народов Севера и ряда других научных подразделений ИЭ АН СССР, а также их коллег из других городов и регионов страны.

Большой интерес представляют мемуары выдающихся ученых (В.А. Александрова, В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, Е.П. Бусыгина, С.И. Вайнштейна, В.Р. Кабо, И.С. Кона, М.Г. Рабиновича, С.А. Токарева, Д.Д. Тумаркина, К.В. Чистова и др.), активно и плодотворно разрабатывавших в эти годы междисциплинарный подход в отечественной этнографии/этнологии/антропологии. Следует также высоко оценить работы всех тех представителей нашего профессионального сообщества, которые нашли время и силы, чтобы, оглянувшись назад, интересно, живо и вместе с тем достойно и академично описать, оценить, проанализировать состояние нашей науки в прошлом и наметить пути её дальнейшего развития. Существуют уже десятки текстов, различных в жанрово-стилевом отношении, но объединенных стремлением авторов не столько рассказать о своем времени и о себе, сколько осознать в постсоветских условиях себя и своих современников, участников и свидетелей достижений и трагических потрясений XX века; определить не только свое место на стыке веков и на сломе эпох, но и показать роль и предназначение своей любимой науки, которой многие из них посвятили всю свою жизнь. Подобные научно-мемуарно-публицистические исследования дают возможность думающему читателю выявить четкие ориентиры в предлагаемых обстоятельствах и выстроить координаты в новых трансформационных процессах.

Важную и актуальную работу проводит В.А. Тишков, создавая серию интервью с известными учеными, в том числе родоначальниками различных междисциплинарных направлений в отечественной этнографии. «Эти интервью – своего рода попытка саморефлексии в рамках собственной дисциплины... Так как я исповедую своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным инновациям, для меня, – пишет В.А. Тишков, – всегда оставалось одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и воздание должного вклада в науку представителей старшего поколения. Именно по этой причине мною были выполнены серии разговоров-интервью с выдающимися представителями отечественной этнологии» (Тишков 2001:17). В его книге «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами» речь идет не «только о науке этнографии, которую сегодня более адекватно называть этнологией и социально-культурной антропологией» (Тишков 2001:6). Участники интервью размышляют также и о смежных с ней науках и междисциплинарных научных направлениях: о физической антро-

пологии и археологии (С.А. Арутюнов, С.И. Вайнштейн), этномузееведении (Е.П. Бусыгин, Т.А. Жданко, Л.П. Потапов), этногеографии (С.И. Брук, Е.П. Бусыгин), этнодемографии и этнической картографии (С.И. Брук), этнофольклористике (К.В. Чистов), этнолингвистике (С.А. Арутюнов, Т.А. Жданко, К.В. Чистов, В.А. Тишков), этнофармакологии (Л.П. Потапов), этносоциологии (К.В. Чистов, В.А. Тишков) и т.д. Книга В.А. Тишкова содержит ценный фактический и теоретический материал, к которому могут обращаться не только этнографы/этнологи/антропологи, но и представители других социально-гуманитарных наук, исследователи, работающие в одном общем пространстве, которое обозначается такими ключевыми понятиями, как человек, социум, культура.

Однако в целом в постсоветские годы внимание большинства российских этнографов/этнологов к проблеме междисциплинарного подхода в научном исследовании заметно уменьшилось. В итоге научные направления, возникшие на стыке отечественной этнографии и смежных с ней наук, ныне уже не занимают столь существенного положения в предметной области современной социально-культурной антропологии, как это было во второй половине XX века. К тому же развитие целого ряда междисциплинарных направлений практически угасло после ухода их основоположников и родоначальников из жизни, а их учеников – из науки. А ведь, как утверждал Ж. Жорес, «сохранение традиции – это не сохранение пепла, а поддержание огня».

Междисциплинарность исследования как в методологии, так и в обращении к результатам самого широкого круга авторов, в наши дни трудно обнаружить из-за специфической цеховой организации научной жизни. В результате количество научных трудов, освещающих проблему междисциплинарности в этнографии, резко сократилось. А работ, посвященных возникновению, развитию новых гибридных научных направлений, вопросам продвижения современных исследовательских практик смежных дисциплин, активному диалогу и дискуссии между представителями разных наук, научных направлений, школ и подходов, и особенно, опыту и судьбе междисциплинарной интеграции этнографии со смежными науками и формирования на их основе новых научных направлений, в сегодняшней российской этнологической науке практически нет. Редкое исключение составляют коллективные сборники, посвященные юбилеям известных российских ученых – основателей того или иного междисциплинарного направления в отечественной этнографии/этнологии (Губогло 2004; Дубова, Ямсков 2004; Губогло, Дубова 2011; Гучинова, Комарова 2011).

И все же хотелось бы еще раз особо подчеркнуть тот факт, что среди отечественных профессиональных этнографов всегда были (и, надеюсь, всегда будут) ученые, чьей принципиальной позицией служит междисциплинарность в области социальных наук, чей энтузиазм, открытость и увлеченность всячески способствуют расширению поля междисциплинарных исследований. Отечественная этнография традиционно сопряжена с историей, археологией, физической антропологией, демографией, лингвистикой и другими родственными науками, а её лучшие представители всегда считали, что «этнография – дисциплина, обладающая огромным тематически разнообразнейшим материалом, может и должна служить источником для ряда различных отраслей науки» (Косвен 1946: 227). Развитие междисциплинарных научных направлений в отечественной этнографии было предметом постоянной заботы академического руководства. С.П.Толстов, бывший с 1943 по 1965 гг. директором головного (главного) в СССР академического учреждения – Института этнографии АН СССР, призывал «...развивать те отрасли науки, которые связаны с этнографией и позволяют представить происхождение и жизнь народов». Неслучайно ещё в годы его руководства «институт стал этим славиться» (Тишков 1995: 94). Ведущие сотрудники ИЭ АН СССР в начале 1960-х гг. отмечали, что «этнография, сохраняя определенную специфику методики, вносит свой вклад в разрабатываемое комплексом обществоведческих наук понимание процессов, происходящих в общественной жизни современных народов». Они были убеждены, что в советской науке «...имеется не только методологическая, но и конкретно-историческая основа для сотрудничества и координации усилий обществоведов различных специальностей» (Альтман, Куманев 1964: 252-253).

Ю.В. Бромлей, пришедший на смену С.П.Толстову и руководивший ИЭ АН СССР с 1966 по 1990 гг., разделял мнение о том, что: «специфика предмета этнографии приводит к тому, что у неё нет зон, разделов знания, которые не пересекались бы с какой-либо из смежных наук, позволяющих углубить познание этнически особенного» (Бромлей, Шкаратан 1969:18). Ю.В. Бромлей и его единомышленники считали, что «поскольку познавательные задачи этнографии требуют исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народа, а всех сфер, в которых находит проявление этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приёмов изучения общества, созданных в различных науках» (Бромлей, Шкаратан 1969:7). В целом, в советской этнографии тех лет господствовало представление о том, что «все крупные обществоведческие проблемы наших дней являются комплексными» (Бромлей, Шкаратан 1969:3).

Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии с науками социогуманитарного цикла, формирование и развитие на их основе таких новых научных направлений, как этническое картографирование, этнодемография, этноэкология, этнография детства, этноэкономика, этнолингвистика, этнопсихология, этностатистика, этносоциология, этнохореография и т.д., особенно активно шла в 60-80-е годы минувшего века. Можно было бы приводить многочисленные примеры того, как в эти годы большинство сотрудников ИЭ АН СССР постоянно соприкасались с междисциплинарностью в этнографии/этнологии. Вся атмосфера и научная жизнь в институте тех лет были пронизаны идеями междисциплинарного подхода, а любая обществоведческая проблематика требовала комплексных исследовательских подходов.

Мне, этнографу по университетскому образованию, посчастливилось общаться и работать со многими из тех известных ученых, кто стоял у истоков, формировал и развивал различные междисциплинарные научные направления в советской этнографии. Это были не только этнографы, но и социологи, историки, археологи, антропологи, географы, востоковеды, философы, математики, лингвисты, фольклористы, психологи и многие другие специалисты, которых объединяла любовь к этнографии и преданность науке. В подавляющем своем большинстве это – широкообразованные профессионалы, талантливые эрудиты, интересные глубокие личности. И я неоднократно убеждалась, в том числе и на собственном опыте, насколько интересной и плодотворной может быть кооперация исследователей с разным базовым образованием, но прошедших общий путь становления того или иного междисциплинарного направления, создававших единую научную школу и долгие годы плодотворно работавших над совместными интердисциплинарными проектами.

Особое место в этом ряду, на мой взгляд, в 1960–80-е годы принадлежало этнической социологии. Это междисциплинарное направление, возникшее в конце 1960-х гг. на стыке относительно молодой в СССР конкретной социологии и традиционной этнографии, оказало наиболее существенное влияние на развитие этнографической науки рассматриваемого периода. Именно об этом и пойдет речь в книге: она рассказывает о междисциплинарном взаимодействии отечественной этнографии и этносоциологии в 1960–80-е годы. Это своеобразная попытка напомнить хотя бы о некоторых пока еще не очень давних, но уже многими забываемых страницах истории отечественной этнографии/этнологии. По мнению В.А. Тишкова, «нынешняя и будущая наука будут развиваться по другим траекториям и в других условиях, но для вступивших в новый век исследователей прожитое XX столетие остается таким же значительным, ибо

многие из нас были не только участниками свершившегося советского научного мегапроекта, но и коллегами, друзьями и учениками тех, о которых идет речь в данном труде. Тем самым не только отдается «дань прошлому», сохраняется память о ярких именах и судьбах, но и утверждается сегодняшний день нашей науки, а, возможно, и её будущее» (Тишков 2004: 690-691). И эту работу я рассматриваю, прежде всего, как возможность вспомнить имена тех больших ученых, кто, посвятив всю свою жизнь науке, не ограничивался повторением пройденного в ней, а постоянно раздвигал ее границы, расширяя старые и создавая новые исследовательские поля. В этой книге говорится о достижениях и заслугах перед отечественной наукой основателей, организаторов, представителей междисциплинарных исследовательских направлений в советской этнографии 1960–1980-х гг. В ней упоминаются многочисленные коллеги, с которыми мне посчастливилось общаться и о вкладе которых в становление и развитие разных научных направлений я пытаюсь рассказать; названы десятки ученых из самых разных республик, ныне уже – самостоятельных государств, а также различных городов, научных центров бывшего СССР.

В процессе подготовки книги мною был опубликован ряд статей, посвященных обсуждаемой тематике (Комарова 2005; 2005а; 2008; 2009; 2009а; 2011). Интересно, что реакция коллег по научному сообществу на эти публикации, как правило, сводилась к двум типам: а) одобрение значимости и актуальности темы исследования; б) претензии по поводу недостаточного отображения личного вклада (коллеги) в то или иное научное направление. Самыми типичными вопросами были три вида: 1) «Почему не все мои работы указаны в библиографии?»; 2) «Почему ничего не говорится о международных проектах 1990-2000-х гг.?»; 3) «Почему моя фамилия стоит после Т., ведь я начала разрабатывать эту тему раньше?» Чтобы избежать в дальнейшем подобных претензий, я прошу всех уважаемых читателей, нашедших время и силы дочитать введение до этих строк, обратить внимание на то, что 1) данная работа ограничена хронологическими рамками 1960–80-х гг., когда процесс формирования междисциплинарных научных направлений в отечественной этнографической науке шел особенно активно, поэтому в ней описываются научные события (полевые экспедиции, научные исследования, этносоциологические, статистико-этнографические и др. обследования; защита диссертаций, выпуск книг, статей, коллективных сборников и т.д.), происходившие именно в эти годы; 2) многочисленные фамилии участников тех или иных событий, а также авторов научных трудов приводятся в тексте в алфавитном порядке; 3) основная задача работы не состояла в том, чтобы создать скрупулезную летопись такого яркого междисциплинарного на-

правления, возникшего в этот период в лоне отечественной этнографии, как этносоциология. Главная цель заключалась в том, чтобы на примере взаимодействия этнографии и этносоциологии показать процесс взаимовлияния и опыт интеграции отечественной этнографии и различных междисциплинарных научных направлений, столь характерный для 60–80-х гг. минувшего XX века.

Книга носит название *«Опыт интеграции»* неслучайно. Социология знания различает несколько порядков знания. Лишь один из них – академический – имеет отношение к науке. Его фрагментация означает принадлежность к отдельным научным школам, учреждениям, авторам, а интеграция знания – это не только обобщение концепций, теорий, методологии и т.д., но и способы организации пространства коммуникативного взаимодействия в научном сообществе, в том числе и коммуникативная методология интеграции фрагментированного знания.

Хотелось бы надеяться, что издание хотя бы в малой степени послужит междисциплинарному образованию представителей различных дисциплин социогуманитарного блока и, прежде всего, молодых членов нашего профессионального сообщества. Ведь «...отсутствие такого образования для этнографов (или как минимум его недостаточная развитость и распространение) и есть... основное препятствие на пути к продуктивным исследованиям в нашей науке» (АФ 2005:26). В связи с этим уместно напомнить слова классика отечественной этнографии С.А. Токарева: «Для понимания задач этнографии как науки, важен правильный взгляд на взаимоотношения её со смежными науками и – ещё более – умение правильно сочетать данные этих наук. В принципе все признают необходимость тесной увязки этнографического материала с данными археологии, антропологии, лингвистики, письменной истории. Но одно дело – признавать, а другое – уметь практически применять, разрабатывать, комбинировать материал этих смежных, но самостоятельных наук. Для этого надо его, прежде всего, хорошо знать, а это требует незаурядной эрудиции одновременно в нескольких науках. Помимо этого самый метод сочетания данных, заимствованных из разных наук, требует особой разработки. Все это по плечу только деятелям передовой науки, а не людям академической рутины» (Токарев 1999:86).

В заключение хотелось бы поблагодарить Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробилеву, Н.А. Дубову, М.Н. Губогло, Э.-Б.М. Гучинову, В.П. Иванова, А.Д. Коростелёва, И.М. Кузнецова, В.К. Малькову, Л.В. Остапенко, Э.А. Паина, С.С. Савоскула, С.В. Соколовского, Г.Р. Столярову, В.А. Тишкова, Л.А. Тульцеву, Л.С. Христюкову, В.Д. Шарова, В.А. Шнирельмана, А.Н. Ямскова за профессиональную и дружескую поддержку,

высококвалифицированные советы и полезные рекомендации в моей работе; также всех тех коллег по научному сообществу, кто и сегодня сохраняет, развивает и приумножает традиции междисциплинарного комплексного подхода в современной этнологии. Искренне благодарю д.и.н. Н.И. Новикову, к.и.н. Л.В. Остапенко, к.и.н. Н.Д. Пчелинцеву – своих коллег по проекту РГНФ № 10-01-00105А «Отечественная этнография/этнология как практика междисциплинарных исследований», в рамках которого была выполнена эта работа. Глава V подготовлена в рамках проекта 6.5 по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Книга представляет собой очередной выпуск серии «Отечественная этнография/этнология как практика междисциплинарных исследований». Первый выпуск этой серии (Г.А. Комарова «Этнография детства: междисциплинарные исследования») вышел в 2010 году.

Особую признательность я выражаю известным ученым, патриархам нашей науки, великим «трем китам» отечественной этносоциологии, благодаря которым она сформировалась, развивалась и существует сегодня. Это член-корреспондент РАН, проф. Юрий Вартанович Арутюнян, д.и.н., проф. Михаил Николаевич Губогло и д.и.н., проф. Леокадия Михайловна Дробижева. Я благодарна им за то, что, невзирая на огромную занятость, они нашли время и силы для участия в опросе, проводимом в рамках вышеуказанного проекта его исполнителями среди основателей, родоначальников, а также активных участников различных междисциплинарных направлений, возникших в лоне отечественной этнографии/этнологии во второй половине XX века. Совместное интервью Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и М.Н. Губогло, посвященное 45-летию возникновения отечественной этносоциологии, публикуется ниже.

СИЛА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

(совместное интервью член-корр. РАН, проф. Ю. В. Арутюняна, д. и. н., проф. М. Н. Губогло и д. и. н., проф. Л. М. Дробижевой)

Отечественная этническая социология (этносоциология) отметила в минувшем году 45-летие. Это междисциплинарное направление, возникшее в 1966 г. в Институте этнографии АН СССР на стыке этнографии и ряда смежных наук, имеет свою интересную, познавательную и очень богатую историю. Между тем, в постсоветские годы внимание большинства российских этнографов/этнологов к проблеме междисциплинарного подхода в научном исследовании стало по разным причинам угасать. Интердисциплинарные научные направления ныне уже не занимают столь су-

щественного положения в предметной области современной социально-культурной антропологии, как это было во второй половине XX века. Этносоциология, как и многие другие междисциплинарные направления отечественной этнографии/этнологии, также переживает сегодня непростые времена. Ныне считается «хорошим тоном» подвергать без разбора суровой критике всё, что происходило в отечественной науке в советские времена. Безусловно, профессиональная критика в любом деле нужна и полезна. Но именно профессиональная конструктивная критика с учетом того исторического контекста, тех исторических реалий, в которых происходило формирование и развитие того или иного нового научного направления. Чтобы объективно оценить состояние той или иной науки, обязательно нужен взгляд в прошлое. При этом важно не просто всестороннее изучить и описать важнейшие достижения междисциплинарного подхода в этнографии, а исследовать опыт взаимовлияния и показать грани интеграции отечественной этнографии/этнологии второй половины XX века и междисциплинарных научных направлений, возникших на стыке ее и ряда смежных наук. С этой целью следует, во-первых, оценить те исторические реалии и тот социальный контекст, в которых происходило формирование и развитие того или иного научного направления; во-вторых, уделить особое внимание научным методикам, разработанным в дополнение к традиционным этнографическим методам представителями тех междисциплинарных направлений, чьи достижения общепризнанны и проверены научным сообществом; в-третьих, выявить и изучить факторы, позволяющие сохранять и развивать накопленный опыт, методологию и научные идеи междисциплинарного знания. При этом крайне важно не попасть под ложное обаяние разочарованных в объяснительной силе социальных наук и в запале не «выплеснуть ребенка вместе с мыльной водой»: не растерять накопленный опыт, методологию, научные идеи, сохранить школу.

Знание истории формирования и развития междисциплинарных научных направлений, учет и использование опыта научной интеграции и междисциплинарной кооперации ученых в проведении совместных научных исследований, их взаимного использования методик в научной практике и т.п. сегодня, на мой взгляд, как никогда актуальны. И это особый жанр, для воплощения которого оптимально сочетание беспристрастного академического анализа научных трудов, результатов фундаментальных исследований с воспоминаниями и размышлениями их авторов – основателей междисциплинарных направлений в этнографии, бесценными свидетельствами как о самом ученом, так и о современной ему эпохе.

Именно такие известные ученые, яркие представители отечественного научного сообщества принимают участие в предлагаемом вашему вни-

манию совместном интервью. Это патриархи отечественной этносоциологии: член-корреспондент РАН, профессор, советник Президента РАН, зав. группой этносоциологии ИЭА РАН **ЮРИК ВАРТАНОВИЧ АРУТЮНЯН** (далее – **Ю.А.**); доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра по изучению межнациональных отношений ИС РАН **ЛЕОКАДИЯ МИХАЙЛОВНА ДРОБИЖЕВА** (далее – **Л.Д.**); доктор исторических наук, профессор, руководитель ЦИМО ИЭА РАН **МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГУБОГЛО** (далее – **М.Г.**).

Галина Комарова (далее – Г.К.) Что означает для Вас наука: профессия, призвание или...?

Ю.А. Наука для меня сейчас – профессия.

Л.Д. Это жизнь и призвание.

М.Г. Романтический образ жизни и вместе с тем рациональный способ выживания, самоутверждения, самоконструирования и самоопределения, способ оправдания доверия молдавских и сибирских земляков и родственников, страсть к физическим и духовным путешествиям (в узком и в широком смысле) в поисках старины и истины, обращение к экзотике и справедливости в решении возникающих проблем, стремление оправдать свое существование на земле, быть полезным своему народу, семье, помогать и нравиться друзьям и подругам.

Г.К. Каким был Ваш путь в науку?

Ю.А. После окончания аспирантуры при Институте истории АН СССР я остался там работать в качестве научного сотрудника. С тех пор этой деятельностью занимаюсь постоянно.

Л.Д. В пору студенчества у меня были прекрасные преподаватели: В.М. Селунская, П.А. Зайончковский, Е.Н. Городецкий, в аспирантуре – Э.Б. Генкина, Ю.А. Поляков. Они сделали для меня науку привлекательной и необходимой частью жизни. Я была рекомендована в аспирантуру, но трудовую жизнь начала с преподавания в Технической школе, а потом через год поступала в аспирантуру. Проходила ее в Институте истории, там же защитила кандидатскую диссертацию и была оставлена на работу. Это были 1960-е годы, когда после XX съезда КПСС многое пересматривалось и в истории и в политике. В институте обсуждались острые темы – о реальных последствиях коллективизации, смыслах культурной революции. СССР был государством, в котором русские составляли 51 %. Вопросы регионального и этнического разнообразия имели существенное значение для развития страны. Вышло так, что в институте не было ученых, которые занимались бы так называемой «предсовременностью». И нас, молодых, подключили к изучению этого периода, меня, в частности, к ис-

следованию национальных проблем. Я работала под руководством очень интересного ученого и человека академика М.П. Кима. Это он сказал тогда, что «у нас развитой социализм до Московской кольцевой дороги». М.П. Ким поддерживал все толковые новые начинания, порой рискуя своим авторитетом. Я работала под его крылом, и он разрешил мне заниматься социологией. Без материалов социологических исследований изучать современность было невозможно.

В социологии в это время начался период ее реанимации и мы, молодые ученые, имели возможность получить новые знания. Я слушала лекции Б. Грушина, Ю. Левады, В. Ядова, начала использовать данные социологии для написания исторических текстов. А потом стала проводить самостоятельные исследования. Но социология – такая наука, занятие которой требует больших **коллективных** усилий, особенно для проведения репрезентативных исследований. В конце 60-х годов в Институте этнографии директором института Ю.В. Бромлеем, который знал о тенденциях развития науки за рубежом, был создан Отдел этносоциологии. Ю.В. Бромлей пригласил руководить им Ю.В. Арутюняна, он был одним из первых историков, начавших проводить социологические исследования. Именно в Институте этнографии начали готовить и проводить крупные, репрезентативные для целых регионов, социологические исследования для изучения социальных и этнических изменений. В Институте этнографии были для этого условия, поскольку для него Академия наук выделяла специальные экспедиционные средства. Чего, кстати сказать, в то время не имели социологи. Ю.В. Бромлей пригласил ведущих социологов и из Ленинграда: О.И. Шкаратана, И.С. Кона, а, впоследствии, Г.В. Старовойтову. Так сложилось, что Ю.В. Бромлей стал возглавлять и Научный совет по национальным проблемам при Отделении общественных наук Президиума АН СССР. Я была ученым секретарем Совета, и Ю.В. Бромлей предложил мне перейти из Института истории в Институт этнографии. Это был для меня непростой шаг. Но то, что здесь работал **коллектив** под руководством Арутюняна, облегчило мое решение. Этнография была третьей наукой, которую мне пришлось изучать, а потом еще пришлось осваивать знания социальной психологии и, в какой-то мере, высшей математики (с последней, однако, дружбы у меня не получилось). Таким был мой путь в науку.

М.Г. Путь в науку начинался с первого курса, когда, будучи студентом историко-филологического факультета Кишинёвского государственного университета, я был избран в состав Совета Научного студенческого общества КГУ и выступил на XII научной студенческой конференции 30 марта 1959 г. с докладом «К вопросу о болгаро-гагаузских военных фор-

мированиях в войне 1806 – 1812 гг.», а также подготовил курсовую работу, посвящённую «Культу волка в кочевом прошлом гагаузов». Следующий доклад «Об этногенезе западносибирских татар» на 3-м курсе МГУ был сделан по полевым материалам, собранным во время этнографической экспедиции в Тобольский район Тюменской области. Экспедиция кафедры этнографии работала под руководством Г.Е. Маркова. Сегодня, согласно итогам многолетних исследований Н.А. Томилова, отчасти его предшественников и последователей, установлено, что в этнической истории западносибирских татар важную роль сыграли процессы межэтнического смешения, в котором принимали участие угорские, самодийские, тюркские и, в определённой мере, монгольские этнические группы и этнокультурные элементы. Однако тогда обнаруженные мной, начинающим этнографом, примеры этнического самосознания, когда в одной и той же татарской деревне жители одной улицы называли себя татарами-ясачными, на соседней улице – татарами-юмышлы, а на той и другой или на третьей – сартами, производило потрясающее впечатление. Этим обусловлен мой интерес к процессам этнического смешения, с которым я прожил свою сознательную жизнь.

Г.К. Кто были Ваши учителя и кумиры в науке?

Ю.А. Кумиры – Эйнштейн, Павлов. Учителем в какой-то мере можно назвать К. Маркса, который дал верный анализ обществу своего времени, но, как это почти неизбежно в обществоведении, абсолютизируя, как оказалось, переживаемые процессы, недооценил их мозаичность и возможность глубоких перемен.

Л.Д. Своими учителями я считаю историков – П.А. Зайончковского, В.М. Селунскую, Э.Б. Генкину, Ю.А. Полякова, М.П. Кима, социологов – В.А. Ядова, Ю.А. Леваду, Н.И. Лапина, И.С. Кона, Б. Грушина, О.И. Шкаратана, в этносоциологии – Ю.В. Арутюняна.

М.Г. Первой учительницей, привившей любовь к истории, была заслуженная учительница РСФСР Постовалова Ульяна Илларионовна (преподавательница истории в Каргопольской средней школе Курганской области), с которой я переписывался в течение 40 послешкольных лет и позволил себе часть этой переписки опубликовать. Первыми научными руководителями в КГУ были Иван Иванович Мещерюк, читавший на 1-м курсе лекции по Отечественной истории, Виссарион Константинович Тотров – проректор Кишинёвского государственного университета (курс «Общей этнографии») и Николай Григорьевич Корлэтяну (курс «Молдавский язык»). Светлой памяти И.И. Мещерюка и Н.Г. Корлэтяну я с благодарностью посвятил 10-й том серийного издания «Курсом развивающейся Молдовы». Научным руководителем дипломной работы, а затем и канди-

датской диссертации на кафедре этнографии МГУ, был Г.Е. Марков. В годы работы в Институте этнографии сильное влияние на меня оказали Ю.В. Бромлей, Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева. В тюркологических исследованиях моим кумиром и наставницей была Анна Степановна Тверитинова, выступившая оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, посвящённой тюркологии и балканистике. Вместе с Н.А. Баскаковым и А.Ф. Миллером, с которыми я поддерживал творческие связи, она входила в 1960-е годы в первую пятёрку крупнейших тюркологов и османистов Советского Союза.

Г.К. Кем Вы считаете себя: историком, социологом, этносоциологом или...?

Ю.А. Социологом, точнее, на данном этапе этносоциологом.

Л.Д. Себя я считаю этносоциологом.

М.Г. Этнографом по базовому образованию, по душевному притяжению и продуманному выбору. Этносоциологом – по счастливому стечению обстоятельств, по профессиональной деятельности, занявшей около 40 лет жизни и позволившей сделать профессиональную карьеру. Этнополитологом, построившим себе подобно восточному обычаю, мавзолеей из 130 томов, представляющих источниковую базу этнической мобилизации, которая, в частности, сыграла противоречивую роль в судьбе бывшего СССР. С одной стороны, она была результатом и одновременно причиной роста этнического самосознания, с другой – оказалась в ряду локомотивов сепаратистских тенденций. Тюркологом, приоткрывшим несколько страниц этнической истории, языка и культуры гагаузского народа. Социолингвистом, впервые разработавшим, в отличие от традиционной социолингвистики, программу этносоциологического изучения языковой ситуации и инструментарий: по замеру (фиксации) языковой компетенции (в какой мере знают языки при дву- и многоязычии); речевого поведения (на каком языке разговаривают, читают, пишут в разных сферах коммуникаций); отношения к языку (attitude) как к ценности и народному достоянию.

Г.К. Что привело Вас в социологию? Что побудило Вас заняться социологией?

Ю.А. Хотелось понять нашу действительность, попытаться оказать влияние на нашу социальную жизнь.

Л.Д. В социологию меня привело два обстоятельства. Я изучала современность. Без социологических исследований понять ее нельзя. Второе – то, что эта наука, если ей заниматься профессионально и честно, позволяет получить наиболее адекватные знания о реальности.

М.Г. В социологию привело наличие вакансии в Институте этнографии АН СССР весной 1966 г., когда директор ИЭ Ю.В. Бромлей создал новый сектор с громоздким и неуклюжим названием «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР» под руководством Ю.В. Арутюняна. Меня, выпускника исторического факультета МГУ, в этносоциологию привело присущее конкретно-социологическим методам свойство подходить к изучаемым объектам и процессам с позиций историзма, ощущения этнографических явлений и этноязыковых ситуаций как звена в развитии человечества и с позиций Его Величества – «Числа».

Г.К. *Какой была предыстория возникновения этносоциологии в лоне отечественной этнографии?*

Ю.А. Реально говоря, предыстории не было. Активно занимаясь в 1960-е годы реанимацией социологии, в первую очередь сельской, я заинтересовался вопросом о социальной обусловленности этнических процессов, о том, как проявляются социальные интересы различных групп населения в этнической жизни и национальных отношениях. Поэтому, когда меня пригласил к себе директор Института этнографии Ю.В. Бромлей, который хотел осовременить этнографию, и предложил организовать в рамках Института соответствующий сектор, я согласился. Какое-то время это сочеталось у меня со «служением сельской социологии», но вскоре этносоциальные проблемы приобрели безусловную монополию в моем сознании и в моей деятельности. Так было задано появление, по существу, нового направления или, как принято стало считать, новой дисциплины – этносоциологии.

Л.Д. В отечественной этнографии своей предысторией мы считаем деятельность М.М. Ковалевского, работы которого по оценкам считаются лучшими эмпирическими исследованиями в социологии того времени; а также исследователей Русского географического общества, ученых, использовавших в своих работах комплексный материал из этнографии, антропологии, таких как Д.Н. Анучин, В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг; статистические источники – К.И. Арсеньев, С.Н. Велецкий; исследователей, которые занимались изучением этнического самосознания, таких как П.И. Кушнер (Кнышев). Но главное это, конечно, наследие ученика М.М. Ковалевского П. Сорокина, ведь первые его исследования как раз были выполнены по изучению этнических групп – зырян. Им была составлена известная Программа поиска эмпирических данных (65 индикаторов, многие из которых не устарели и теперь). Но основные темы, которые меня привлекают – идентичности, этнические и межэтнические установки, национализм, социальное неравенство, предупреждение

межэтнических напряжений и конфликтности, – изучались в социологии, политической и социальной психологии. А разработка этих тем начата была в американской социологии работами У. Томаса и Ф. Знанецкого и Чикагской школы.

М.Г. Предыстория этносоциологии начинается главным образом в сфере теории от работ Питирима Сорокина и его влиятельных книг, посвященных факторам, масштабам, каналам, итогам, моделям социальной стратификации, политической и профессиональной культуре и структуре общества, влиянию мотивации на поведение и психологию человека и на стабильность общества. В первых этносоциологических проектах прослеживаются следы социологии села румынского социолога Дмитрия Густа, болгарской традиции по разработке истории знаменитых личностей, выходцев из того или иного поселения, американских штудий по адаптации польских мигрантов в американскую реальность, постулаты изучения мигрантов в загребском журнале «Sociologija Sela». Важную роль в осознании необходимости и значимости статистики и конкретно-социологических обследований в этнографических исследованиях сыграла серия трудов профессоров исторического факультета МГУ В.З. Дробижева и И.Д. Ковальченко по применению количественных методов в исторической науке. В эмпирическом плане толчком к этносоциологии послужили конкретно-социологические исследования национальных отношений, проведенные в середине 1960-х годов А.И. Холмогоровым, социологической лабораторией философского факультета МГУ под руководством И.М. Слепенкова и Ю.В. Арутюняна, социолингвистические опросы народов Севера, Дальнего Востока и Сибири, организованные по инициативе В.А. Аврорина, и изучение языковых ситуаций в зарубежных странах по трудам коллективов, которыми руководили Л.Б. Никольский и Г.В. Степанов, а также социологические исследования, проведенные коллективом исследователей под руководством В.А. Ядова, в том числе изданная под его редакцией книга «Человек и его работа».

В творческом плане лично для меня важную роль в профессиональной самоидентификации сыграли организация первого этносоциологического опроса в сентябре 1965 года в болгарском селе Твардице и в гагаузском селе Бешалма (Молдавская ССР) по анкете, разработанной Л.М. Дробижевой и состоящей из 20 вопросов о состоянии межнациональных отношений, а также пилотажный опрос в 1967 г. в Лаишевском районе ТАССР по анкете, разработанной под руководством Ю.В. Арутюняна. Полвека, разделяющие мои исследования по анкете Л.М. Дробижевой и опросному листу Ю.В. Арутюняна, не мешают мне

видеть в них эмбрионы будущего методико-инструментального арсенала советской этносоциологии, которая изначально формировалась скорее как этносоциология повседневности, чем социальной и этнической общности. В становлении этносоциологии важную роль играли не только освоение мирового и отечественного опыта, но и попытки найти свою «тропу», следование по которой происходило нередко методом «проб и ошибок». Изначально этносоциология складывалась как форма коллективного накопления массового материала и индивидуального его освоения и осмысления. Собирали материал в ходе крупномасштабных опросов по принципу «все за одного, один за всех», готовили публикации «один в ответе за всех, все за одного». Вместе (команда Ю.В. Арутюняна) мы учились разрушать «стену непонимания» и/или преодолевать «заговор молчания» между «науками о реальной повседневности» и «науками о социологии значения». Однако, в отличие от ряда сегодняшних новомодных историй повседневности, мы, с одной стороны, не отказывались от фиксации и запоминания фактов, событий, фонов и ситуаций микро- и макросреды, биографий личностей и лидеров, придающих значимость своей этнической и социальной идентичности, с другой стороны – фиксировали ежедневное бытие в обширном круге вещей от мира мыслимых и осязаемых явлений и предметов, с третьей – стремились осознать, что именно зафиксированные в «Опросных листах» явления повседневной жизни означают, какой они имеют смысл? Так, в частности, рождалась триада в изучении, например, этноязыковой ситуации, когда принимались в расчёт не только уровень знания языков при двуязычии и многоязычии, но и речевые, поведенческие, оценочные установки, а также их социальные, социокультурные и политические смыслы. Непременное правило этносоциологических штудий состояло в том, чтобы увязывать реальный мир вещей с миром их значений. В зачаточной форме это выглядело как дрейф от модернизма к постмодернизму.

Г.К. Как сложился Ваш профессиональный путь в этносоциологии?

Л.Д. В этносоциологии длительный период, практически до конца 1980-х, я работала в проектах Ю.В. Арутюняна, вела темы этнического самосознания и межэтнических отношений. В 90-е годы вела самостоятельные международные проекты по проблемам этнической идентичности, национализма, межэтническим отношениям, проблемам социальной дифференциации этнических групп. Читала лекции по этносоциологии при Центре социологического образования в Институте социологии. В этом институте являлась членом Научного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, участвовала в методологических семинарах.

В 2000 г. я перешла работать в Институт социологии РАН (была выбрана директором). Здесь я получила возможность изучать этносоциальные проблемы в еще более широком социальном контексте и ближе работать с профессионалами в методологии и методике социологических исследований. В этом институте был создан Отдел этносоциологии, а впоследствии, в 2005 г., Центр исследования межнациональных отношений, куда входят еще 4 подразделения института, работающие по проблемам этнических миграций, диаспор, культуре потребления. Как руководитель отдела и центра я имею возможность работать и получать информацию по достаточно широкой тематике.

М.Н. Профессиональный путь в этносоциологию складывался на основе базового этнографического образования, полученного на кафедре этнографии МГУ, участия в этнографических экспедициях, организованных преподавателями этой кафедры, и знакомства с первыми социалингвистическими обследованиями языковой ситуации народов Сибири и Дальнего Востока, проведенными под руководством чл.-корр. АН СССР В.А. Аврорина.

Г.К. *Какие из Ваших научных идей и работ в области этносоциологии наиболее ценны для Вас лично; какие получили признание научной общественности?*

Ю.А. Для меня наиболее ценной представляется идея органической связи социальных и собственно этнических процессов. Думаю, что такой подход достаточно осознан и научной общественностью. Об этом можно судить, в частности, по объему публикаций в научной печати и откликам на них. С конца 1960-х годов было выпущено немалое число книг и статей, в том числе в исторических, этнографических и социологических журналах, где данная идея последовательно обосновывалась на базе масштабных этносоциологических исследований.

Л.Д. В отечественной этносоциологии практически первой я стала изучать межэтнические отношения на личностном уровне. Когда я докладывала результаты наших первых исследований, используя термин «этнические установки» на Конференции в Ленинграде в 1969 году (если мне не изменяет память) из зала меня спросили: «Какие это установки партии Вы имеете в виду?». Мы впервые показали, что «дружба народов», декларируемая в советское время, на личностном уровне, т. е. людьми, воспринимается по-разному. Научное направление, которое на Западе называлось социологией межэтнических отношений и было достаточно развитым, в России впервые мы начали разрабатывать в Институте этнографии в комплексе других социальных проблем. В первой же нашей работе «Социальное и национальное» (1972 г.) я сформулировала вывод о том, что харак-

тер межэтнических отношений (дружественный, нейтральный, негативный) зависит решающим образом от **конкурентности** в социальной сфере (возможностей социальной мобильности для конкретных национальностей) и **ситуативных факторов**. Признаваемым фактором в советское время (как и сейчас) считается широта культуры, знания о других. Но мы установили, что негативные установки могут быть и среди вполне образованной интеллигенции, если она попадает в **ситуацию** конкурентных отношений или ущемления ее интересов, понимаемых достаточно широко. Уже тогда можно было показать, и это было доказано, что межэтнические отношения в полиэтнической среде не лучше, как тогда официально утверждалось, а сложнее, особенно в период усиления контактности. Это подтверждается и в постсоветское время в условиях высокого иммиграционного притока. Впервые в отечественной социологии и этнологии мы стали изучать этническую идентичность не просто как причисление себя к какой-то общности, а как когнитивные представления, эмоциональные переживания и регулятивные компоненты. Определили индикаторы, позволяющие изучать и определять уровни этнической идентичности.

В проекте «Национальное самосознание, национализм и предупреждение конфликтов» (1994–1996) мы вместе с С.В. Рыжовой и Г.У. Солдатовой разработали типы этнической идентичности – норма, этноцентризм, этнодоминирующая идентичность, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм, амбивалентная идентичность («Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990 годов», М., 1994, сс. 14–19). Впоследствии эти типы мы представили в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов» (М., 1996) и в учебнике «Этносоциология» (М., 1998), затем эта типология вошла в книгу Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» (М., 1998), на которую ссылаются чаще. Важно, что эта типология была разработана не интуитивно и умозрительно, а на основе отработанных индикаторов и проверки их эмпирическим путем. После этого уже некорректно стало утверждать, что рост этнической идентичности ведет к межэтническим напряжениям. Важно, какой по типу идентичности. Дорогим же достижением было и установление того факта, что даже высокий уровень этнической идентичности, если она нормальная, то не ведет к негативным, враждебным межэтническим установкам. Это было установлено еще в исследованиях 1994–1996 гг. Впоследствии к такому же выводу пришли и психологи в исследованиях Н.М. Лебедевой по толерантности. С наших этносоциологических работ 90-х годов в отечественной науке начались изменения представлений о национализме. После Г. Кона, Э. Геллнера, Л. Тринфельда, Э. Хобсбаума,

Р. Суни мы стали изучать национализм не в трактовке советских учебников и даже не в неомарксистской трактовке, а в том виде, как это явление понималось в мировой науке в 80-х годах прошлого столетия. Изучали идеологию, политику, в том числе практику – законодательную и реальную, а также установки людей в республиках. На Западе были известны выводы о разном национализме – этническом, гражданском, восточном, западном, культурном, экономическом. На нашем постсоветском пространстве я выделила 4 типа национализма: те, что можно было отнести к классическим образцам, стремящимся к «завоеванию власти», паритетный национализм, при котором есть готовность к разделению и удержанию власти, экономический национализм и защитный (это может быть и культурный, и территориальный, и другие по содержанию идей и политики). Любой национализм может быть более мягким (участники называют его либеральным, демократическим и т. п.) и радикальным (экстремистским и подобным). Короче говоря, национализм объясним, чаще всего, критикуем, и главное надо понять, что он разный. И это очень важно с точки зрения не только политики, но и понимания чувств людей, их психологических состояний. Как видим, трактовка национализма остается актуальной и по сей день. Хотя включение в эту тематику всегда несет угрозу непонимания, и это многие чувствовали на себе, в том числе, и я.

Были и другие идеи, которые не остались незамеченными, например, разработка социальных и культурных дистанций, изучение которых в трактовке Ф. Барта привело меня к выводу о том, что маркерами границ могут быть не только культурные феномены, но и политические ценности, социальные интересы. Почти «пробила» я в среду политиков и конфликтологов вывод о том, что именно **относительная** депривация, а не просто депривация, ведет к усилению межэтнической напряженности. Ну, а что-то осталось незамеченным и менее замеченным, может быть, пока. Например, вывод о том, что все более утверждающаяся российская идентичность чаще по содержанию у нас государственная, а не гражданская, хотя и последняя имеет некоторый выраженный тренд; идея и вывод о том, что даже гражданская идентичность не спасает от ксенофобии. Само употребление понятия ксенофобия как синонима враждебных или негативных установок неадекватно, ибо ксенофобия – страх перед иным, а негативные установки идеологически и политически конструируются и воспитываются.

М.Н. Чувство вдохновения и удовлетворения вызывают у меня 3 направления моих работ: тюркологическое, в рамках которого были найдены аргументы и материалы для решения вопроса о смешанном «синтетическом» этническом происхождении гагаузов, бульоном для которого

послужили миграции средневековых печенегов, узов (тюрков) и куман (половцев) из южнорусских степей на Балканы, а приправой – проникновение элементов сельджукской, болгарской, румынской и русской культуры. Теория этнически смешаного происхождения этнической общности в отличие от теории прямолинейного восхождения современного народа к одному единственному, и генетически родственному народу, ширит ряды своих сторонников и находит новых адептов. Об этом, в частности, можно судить по заключению, сделанному Кингом Чарли в его книге «Молдаване. Румыния, Россия и культурная политика», о том, что под влиянием работ турецкого ученого Кемаля Карпата и советского социолога Михаила Губогло актуализировался интерес турецких интеллектуалов к гагаузской проблематике.

В рамках этносоциологических проектов были решены теоретические и методические вопросы о состоянии языковой ситуации и двуязычии, о методах измерения знания языков (language competence), о речевом поведении (speech behavior) и об отношении к языкам (language attitude) при двуязычии и многоязычии. Этносоциологическое направление социолингвистических направлений получило признание еще на IX международном конгрессе антропологических и этнологических наук, состоявшемся в 1973 г. в Чикаго. Предложенное мной выделение внутриязыковых, межъязыковых и внеязыковых явлений было в дальнейшем использовано для исследований современных этносоциальных и этнокультурных процессов. Мой доклад «Языковые контакты и элементы этнической идентификации» (на русском и английском языках), представленный на IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973 г.) сегодня считается некоей сейсмографической станцией, которая зафиксировала первые толчки грядущего интеллектуального бума в связи с выдвинувшимися на передний план этнологии и этносоциологии проблемами идентичности. Парадигма, основы и понятие «идентичность» прочно утвердились в понятийно-терминологическом аппарате этнологического знания. Могу сослаться в этом плане на свою монографию «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки», в которой на конкретном эмпирическом материале были рассмотрены природа и сущность проявления, а также взаимосвязи в обыденной жизни, гендерной, семейной, этнической, религиозной, профессионально-трудовой, социальной, «собственнической», региональной и гражданской идентичности. Целая серия публикаций Л.М. Дробижевой и В.А. Тишкова вместе с трудами их единомышленников стала столбовой дорогой к созданию нового научного направления – идентологии. Посильный вклад в конструирование и конституирование

этого направления внесли 12 опубликованных томов «Феномен (идентичность – М.Г.) Удмуртии». Важным фактором, закрепляющим статус этнологии как нового научного направления, родственного по сходным методологическим постулатам с опытом этносоциологии и этнополитологии, стало издание юбилейного сборника «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании», посвящённом 70-летию директора Института этнологии, академика В.А. Тишкова, внесшего значительный вклад в осмысление прежних и в создание новых, воображаемых и реальных, образов и идентичностей России. Большой и полезный опыт по признанию этносоциологии был получен при реализации серии совместных проектов с учеными союзных и автономных республик, а так же с ведущими учеными США и Нидерландов: Джерри Хаффом, Дэвидом Лейтиным, Тимоти Колтоном, Робертом Осборном, Юджином Хаскей, Сьюзен Лейманн.

В рамках этнополитического направления была разработана проблематика, программатика и предметная область этнополитических исследований, а так же методика подготовки материалов для концептуальной части проектов законов по национальной проблематике. Были собраны, систематизированы, прокомментированы материалы о программах, уставах, лидерах этнической мобилизации, их ключевых публикациях, и опубликовано 130 томов в соответствии с программой серии: «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве». Это уникальное собрание документов, свидетельствует об идеологемах, тактиках и стратегиях этнической мобилизации, сыгравшей, наряду с другими факторами известную роль в дестабилизации этнополитической ситуации в бывших республиках СССР и в развале СССР». В книге, подготовленной В.Ю. Зориным, Д.А. Аманжоловой, С.В. Кулешовым в 1999 году, говорилось: «Нельзя не сказать о поистине подвижнической работе, проделанной Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, выпустившем под редакцией М.Н. Губогло уникальную серию книг «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», фактически аккумулирующую основной документальный пласт, отражающий историю формирования, программатику и цели современных национальных движений».

Этносоциология подобно барометру с тонкой чувствительностью уже на рубеже 1960–1970-х годов выявила опасные спазмы нарастающего давления дезинтегрирующих процессов в сфере межэтнических отношений. Я имею ввиду диагностированные ещё в период «застоя» Ю.В. Арутюняном две разновидности национализма, в том числе «сельского», требующего культуртрегерских мер по его преодолению и так называемого «интеллигентского», указывающего на необходимость внесения коррек-

тив в кадровую политику. В США аналогичные «подземные толчки» этнической идентичности сделали в эти же самые годы востребованными исследования природы межэтнической толерантности и солидарности и их антипода – межэтнической конфликтности.

Принятые в России по итогам этносоциологических обследований и при участии этносоциологов в середине и во второй половине 1990-х годов законы (например, закон «О национально-культурной автономии»), в известной мере позволили снизить деструктивное влияние этнической мобилизации и ослабить остроту межэтнической напряженности. Однако законодательных, а тем более исполнительских мер по их воплощению в жизнь, оказалось недостаточно. Отказ от воспитания интернационализма, имеющего богатый опыт в Советском Союзе, оказался малопродуктивным. От предложенного мной закона «О солидарности» профильный Комитет Государственной Думы самоустранился.

Г.К. Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1960-80-годов в Советском Союзе? Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период для Вашей профессиональной деятельности в сфере этносоциологии?

Ю.А. Это период рождения и всестороннего развития этносоциологии, с чем органически связана и моя профессиональная деятельность. Этносоциология сейчас в нашем Институте мало кого интересует, хотя в русле общей социологии она занимает довольно важное место, как одно из основных ее направлений.

Л.Д. 1960–80-е годы были периодом реанимации социологии и формирования основных направлений этносоциологии современности (в то время была и историческая социология). В контексте развития этнографии это был период постепенного признания ее значимости. Ни одна крупная конференция, обсуждение нашей науки на Президиуме РАН не проходили без хотя бы одного доклада по этносоциальным проблемам, да и саму этнографию в целом воспринимали как актуальную науку с включением в нее этносоциологии. В этом была заслуга академика Ю.В. Бромлей и вице-президента В.Н. Кудрявцева. Ю.В. Бромлей сам выступал в печати с определением понятия этносоциологии и ее задач. В самом Институте этнографии этносоциологию понимала и поддерживала заместитель директора – Л.Н. Терентьева. Она, в частности, занималась смешанными браками. Для меня лично это было время познания нового в науке, возможности получения богатейшего эмпирического материала, радость от творчества и от встреч с интересными людьми в республиках нашей страны, а в конце 80-х с известными в мире учеными – Э. Гелльнер, Э. Эрикссон, Д. Тернер, К. Вердери. Об исследованиях этносоциологов в этот период я писала в

главе «Этническая социология в СССР и постсоветской России» в книге «Социология в России», которая вышла под редакцией В.А. Ядова в 1998 г.

М.Г. Атмосфера 1960 – 1980-х гг. в Советском Союзе представляется в ореоле романтики и оптимизма. И не потому, что нынешние учёные были тогда молоды, а по причине перехода из царства несвободы в сферу таких дозволенных исследований, которые позволяли добывать и частично обнародовать истинное положение вещей в сфере межэтнических отношений. Назову, не опасаясь повториться, лишь одну нашумевшую статью Ю.В. Арутюняна, в которой были раскрыты истоки и объяснены случаи проявления двух типов национализмов, так называемого «сельского», требующего усиления культуртрегерских мер по его предотвращению и «интеллигентского», преодоление которого подразумевало активизацию и оптимизацию кадровой политики. 1960 – 1980-е гг. в сфере науки лично для меня были периодом, когда из жизни мы стремились создавать мечту, в отличие от настоящего (постсоветского) времени, когда из мечты пытаемся конструировать реальность, толерантность и солидарность.

Г.К. *Насколько изменилось положение этносоциологии в России с конца 1980-х годов? Что, на Ваш взгляд, происходило в отечественной этносоциологии в последние 20 лет.*

Ю.А. С одной стороны, расширились возможности для осмысления современных этнических процессов, с другой – затруднилось проведение конкретно-социологических исследований этносов в связи с ограниченностью материальных средств. В период перестройки интерес к этносоциальным процессам расширился. Многие стали заниматься этими вопросами. Но реальные выходы оказались недостаточными для осмысления и регулирования осложненных этносоциальных явлений. Этносоциология стала слабее. Реально мало используются открывшиеся политические возможности для осмысления современных этнических процессов. Появился существенный разрыв между потребностями, необходимостью решения задач, имеющих большой социально-политический смысл, и условиями для проведения широкомасштабных этносоциологических исследований, которые не могут быть осуществлены без достаточного финансирования, а оно теперь сильно ограничено. Реализуемые исследования недостаточно полно отражают широкие и сложные процессы социальной трансформации современного общества, что связано, помимо прочего, с невниманием к подготовке молодых научных кадров.

Л.Д. С конца 80-х годов этносоциология стала очень востребованным обществом научным направлением. Результаты наших исследований были затребованы не только властью в лице М.С. Горбачева и его окру-

жения. Это было связано и с событиями в Карабахе, потом в Прибалтийских республиках. Мы готовили материалы к партийной конференции, где рассматривались национальные отношения (они вошли в книжку «Что делать», к подготовке которой был привлечен Научный совет по национальным проблемам, которым руководил Ю.В. Бромлей). С I-ого социологического конгресса в условиях перестройки, где тоже обсуждались национальные проблемы, группа ученых во главе с Т.И. Заславской была делегирована и принята Горбачевым. Но запрос был не только власти, но и общества. Нас приглашали на ТВ, статьи выпускали в газетах и популярных журналах. Данные исследований использовались на общественно-политических мероприятиях, в дебатах на съезде народных депутатов. С нашим участием формулировался вопрос на референдум о сохранении Советского Союза. Это было особое время, очень ответственное для нас, мы чувствовали себя участниками исторических событий. В самой этносоциологии тоже происходили большие изменения. Пересматривались концептуальные подходы к пониманию этничности, теории нации, конфликтов. Сначала толчок дали ученые, которые раньше нас были знакомы с зарубежной литературой – В.А. Тишков, М.В. Крюков, а потом мы сами имели возможность познакомиться с мировой литературой и ведущими учеными, среди них – Д. Горовиц, Ч. Тилли, Дж. Комарофф, Р. Суни, Х. Балзер, Б. Рубл, Р. Готемюллер, М. Фешбах.

В этносоциологии расширилась проблематика за счет изучения проблем национализмов, новых идентичностей, пред- и постконфликтных ситуаций, совершенствовался инструментарий исследований. За счет еще проводившихся по грантам исследований мы сохранили для истории репрезентативную картину реакции людей различных национальностей на радикальные общественные перемены. Но, к сожалению, институциональную поддержку массовых исследований в ИЭ в системе Академии наук мы потеряли, это же проявилось и в финансовой и в кадровой политике. В Институте же социологии и при В.А. Ядове, и теперь (уже после того, как я перестала выполнять директорские функции), при М.К. Горшкове, Отдел этносоциологии и Центр исследования межнациональных отношений остается востребованным. Нам уютно среди социологов и от них мы получаем «подзарядку» в методологии и в методике. Так что, если говорить о важном в самом научном направлении за истекшие 10–15 лет, так это интенсивная социологизация этносоциологии. Отражением данной тенденции являются многочисленные по составу секции этносоциологии в рамках Всероссийских социологических конгрессов, специальные научные конференции, которые проводились в рамках Российской социологической ассоциации, наконец, практически постоян-

ная рубрика «Этносоциология» в популярном в России и за рубежом в журнале «Социологические исследования» (СОЦИС), широкая представленность нашей тематики в журнале «Социальная и культурная антропология» и чрезвычайно редкая представленность статей по нашей тематике в журнале «Этнографическое обозрение». В рамках именно социологического образования читаются курсы по этносоциологии в Высшей школе экономики, РГГУ, в РУДН, в Санкт-Петербургском Университете, МГУ и др. образовательных центрах страны.

М.Г. Статус и положение этносоциологии в течение двух десятилетий на рубеже XX и XXI вв. подверглось существенным изменениям. Значительно повысились авторитет, привлекательность и имидж этносоциологии, особенно интерес к теоретической стороне дела. Одновременно несколько увяла её практическая востребованность. С одной стороны, сократилось финансирование широкомасштабных этносоциологических опросов, что привело к потере исторической перспективы при анализе социальных и этнических процессов в их взаимодействии и взаимовлиянии. Между тем, глубокая социальная дифференциация общества и социально-профессионального состава народов России требуют не только новых исследовательских парадигм и концепций, но и совершенствования инструментальных методико-процедурных средств. В отличие от советского времени, в нынешних условиях крайне затруднительно проводить обстоятельные интервью и анкетирование в условиях возросшего уровня недоверия и сокращения социального капитала в значительных группах населения. В советское время в соответствии с традициями гостеприимства охотно отвечали на вопросы анкеты. Сегодня не открывают дверь. С другой стороны, в связи с отсутствием новой информационной базы, оскудением источников, замечен рецидив возвращения к истокам этносоциологии. Сегодня появляются исследования, публикации и диссертации, выполненные на не достаточно репрезентативном материале. В итоге мельчает не только источниковедческая база этносоциологии, но и обоснованность ее выводов, и размах обобщений.

Начну с истоков. Рождение Московской этносоциологической школы вполне обосновано связывают с творчеством коллектива сотрудников ИЭ АН СССР во главе с Ю.В. Арутюняном, положившим начало этому направлению в 1966 г. «с конкретно-социологических исследований культуры и быта», т. е. этносоциологического исследования повседневной жизни ряда народов Советского Союза. На концептуальную зрелость и автономную самостоятельность в качестве нового научного направления этносоциология может претендовать в том случае, если она обладает собственным объектом и предметным полем исследования, если она

зарекомендовала себя трудами, получившими признание научной общественности, если она преподаётся в университетах по уже подготовленным учебникам и пособиям, если её тематика находит выражение на пленарных и секционных заседаниях региональных, общероссийских и международных форумах. Этносоциология на заре XXI века вполне соответствует перечисленным критериям и заслуживает присвоения ей права называться самостоятельной научной дисциплиной. Изначально московская школа этносоциологии базировалась на модернистском, позитивистском, по сути, подходе, когда объектом этносоциологического исследования выступала объективная и субъективная реальность: этнические общности, носители этнической идентичности, социальные группы (внутриклассовые различия), а задача исследования сводилась к выявлению, описанию и осмыслению их статических характеристик и динамических взаимодействий. Смещение модернистских исследовательских подходов и/или совмещение их с постмодернистскими, вело от примордиализма к конструктивизму, когда исследователь сам творил («воображал») объект своего анализа.

Что необходимо для появления новых идей? Прежде всего, необходима экспертиза и проверка их социально-практической значимости и «свежести». Однако подобно тому, как в «теории практик» смысл задаётся и подкрепляется практикой, иметь идентичность означает быть сопричастным к кому-либо и устойчиво повторять мысли и поступки подобно кому-то или вместе с кем-то в рамках принятых социальных норм, точно так же значимость свежих идей может быть проверена на практике. Между тем на практике, в том числе в ходе выявления «массовых вещей», необходимы серьёзные усилия и средства, коих сегодня у гуманитарных наук явно не хватает. Выдающимся успехом этносоциологии как нового научного направления или даже новой дисциплины служит широкая и многообразная представленность ее в Интернете, особенно на примере новейших учебников, учебных пособий, факультетских курсов, в программах общероссийских и региональных конгрессов, конференций, симпозиумов, в том числе международных.

Вместе с тем, состояние и исследовательская ситуация в современной российской этносоциологии определяется противоречивостью и растерянностью, отсутствием идейных ориентиров. Постаревшие кадры известных этносоциологических центров морально не готовы к изучению крутых экономических и социальных перемен, в том числе связанных с радикальным изменением социальной структуры народов, вовлеченных в рыночную экономику и с попытками привить в корневую соборную ментальность российских народов институты и принципы гражданского об-

щества. Перед динамично меняющейся повседневностью в трудовой и общественно-политической сфере и перед форсированным ростом этнической идентичности и, в частности, моды на религиозность, этносоциология, похоже, робеет.

Для развития этносоциологии как самостоятельной науки должны быть новые идеи. Дефицит идей ведет к застою. Этносоциологические исследования, проводимые в текущем десятилетии в отдельных регионах России, позволяют собрать интересные факты. Однако, пересказ фактов или построение таблиц, в которых не вылавливаются, или не заложены, или не кроются продуктивные идеи, не имеют общественной ценности. В лучшем случае их итоги безвредны, в худшем – вместо злаков произрастают сорные травы. Преждевременное, на мой взгляд, постарение этносоциологии обусловлено не только сокращением притока свежих сил, но и дефицитом умения и смелости в постановке оригинальных задач и в методах их решений. В погоне за грантами и дополнительными заработками перестала играть роль локомотива влюбленность в науку. Вместе с тем, с исчезновением творческого энтузиазма и романтической влюбленности в науку, ученый перестаёт быть молодым, он умирает как ученый. Постарение как угроза этносоциологии проявляется в ряде случаев в превышении самовлюбленности в ущерб бескорыстной влюбленности в науку. Между тем самолюбование, самодовольство, самовосхваление в сочетании с ревностью и завистью, оказывается несовместимым с пребыванием в этносоциологическом коллективе и в реализации этносоциологических проектов.

В последние 15–20 лет этносоциология страдает от дефицита свежих сил. Слабеющий приток молодежи в этносоциологию вызван обмельчанием методологической стороны дела и скороспелостью обобщений, обусловленных локальными сюжетами и сокращением предметной области. Сократилась востребованность данных этносоциологических исследований со стороны министерств и ведомств. Более того, чиновники резко повысили стоимость ведомственной статистики. В первом десятилетии нового века прекратилась разработка правовых основ национальной и культурной политики, межэтнических отношений и отношений между государственными структурами и народами России. Комитет по делам национальностей Государственной Думы по сути дела самоустранился от законотворческой деятельности и отказался от консультативных услуг экспертов. Парадокс нынешнего состояния этносоциологии в России состоит в том, что, во-первых, вскипевшая мода на неё, как на юную невесту, значительно опережает востребованность опредмеченных результатов её продукции со стороны государственных структур и её готовность в свою очередь представлять теоретически и эмпирически обоснованные

рецепты по оптимизации межэтнических отношений, в том числе по раннему предупреждению и преодолению межэтнических конфликтов. С другой стороны, мода на этносоциологию вызвала дрейф ряда учёных к чтению факультативных курсов, созданию учебников и учебных пособий. Едва ли не самым наглядным примером может, в частности, служить объёмистое учебное пособие А.Г. Дугина «Этносоциология». Автор понимает этносоциологию как самостоятельную науку, ориентированную на изучение трансформации обществ и общественных систем с древнейших времён до современных гражданских обществ, и вводит в её непомерно широкую предметную область данные из истории, философии, культурологи, антропологии, религиоведения и ряда других наук, в том числе многие классические направления этнологического знания, хорошо известные из учебника С.А. Токарева «История зарубежной этнографии».

Г.К. *Как Вы считаете, существует ли в России профессиональное этносоциологическое сообщество? Если «да», то каково оно?*

Ю.А. Такое сообщество существует, но реально уже вне нашего Института, как можно судить по тому, что подготовленные и курируемые мною исследования – уже вышедшее «по армянам» и вот-вот ожидаемое «по русским», публикуются под грифом других Институтов. В других научных подразделениях – учебных заведениях, НИИ – этносоциологические исследования реализуются. Между этими учреждениями налаживаются связи. Я, к примеру, член Ученого Совета Института социологии, где есть отдел этносоциологии, возглавляемый Л.М. Дробижевой.

Л.Д. Да, существует, но большей частью, как это видно из ответа на предыдущий вопрос, оно разбито между социологическим и этнологическим сообществами.

М.Н. Профессиональное этносоциологическое сообщество России существует в виде постоянных личных и творческих контактов этносоциологов, в том числе во время научных форумов, защит диссертаций, в ходе обмена научной информацией и проведения совместных исследований, разработки и реализации общих проектов, в том числе на международном уровне. Конституированной формой этносоциологического сообщества служит Комитет по этносоциологии (председатель – д. и. н. Л.М. Дробижева) в системе Российской Социологической Ассоциации. Он успешно выполняет координационные и научно-организационные функции.

Г.К. *Существуют ли в России самостоятельные научные центры, школы в этносоциологии? Если «да», что они собой представляют?*

Ю.А. Есть центры этносоциологии в Москве, Казани, Уфе и других местах, сложилась и по существу функционирует школа этносоциологии, что, однако, реально никак не оформлено. О размахе этносоциологической службы можно, например, судить по международной конференции, посвященной 40-летию этносоциологии, на которой было заслушано более 50 докладов этносоциологов из разных мест страны и ближнего зарубежья (см. «Этносоциология. Научный потенциал в процессах интеграции полиэтнического общества». Казань, 2008).

Л.Д. Научные центры существуют в рамках двух академических институтов – социологии и этнологии. В первом, он сейчас по численности больше, в нем работает, в том числе, 4 доктора наук и 2 ведущих научных сотрудника. Кроме того, это подразделения или группы, центры в рамках ведущих вузов страны (Татарстан, Башкортостан, Северная Осетия, Тыва и др.). Школы в этносоциологии существуют, но об этом лучше говорить ученикам.

М.Г. Самостоятельные этносоциологические центры существуют в Москве, Новосибирске, Омске, Казани, Ижевске, Нальчике, Сыктывкаре и Уфе. Кроме того, в академических и университетских центрах защищены диссертации и ведутся этносоциологические исследования на индивидуальной основе. Ведущим научным и организационным Центром, осуществляющим этносоциологические исследования по целому ряду межреспубликанских и международных проектов, является коллектив Центра по изучению межнациональных отношений Института социологии РАН. В ИЭА РАН в 1980 – 2010-х гг. этносоциологические исследования осуществляет Центр по изучению межэтнических отношений (руководитель – М.Н. Губогло) совместно с группой по изучению Поволжья (руководитель – А.Д. Коростелёв) и группой этносоциологии Ю.В. Арутюняна. Крупные и влиятельные этносоциологические центры сложились и получили общественное признание в Татарстане, Башкортостане, Сыктывкаре, Нальчике. В настоящее время несколько затруднительно называть наличие особых, сколько-нибудь значительных этносоциологических школ в рамках общей этносоциологической школы, созданной Ю.В. Арутюняном и его ближайшими соратниками. Суть этой школы состоит в концепции социального как сути этнического и этнического многообразия социальной материи. В узком смысле научная школа – это совокупность новых знаний, имеющих научное и практическое значение, полученных благодаря новым идеям, методикам и инструментально-методическим приёмам, и получившим признание коллег и общественности. В широком смысле в понятие научной школы входит стиль и манера работать, думать, осмыслять прежние или новые явления. Сюда же относится социальный капитал адептов на-

учной школы, состоящий из отношения к фактам, образам, идеям, гипотезам. Научная школа предполагает особую, доверительную манеру взаимопонимания и взаимоотношения между коллегами, исключение всякого интриг и недоброжелательства, завышенных претензий, ревности к успеху сотоварищей, исключение в оценках своих трудов дилетантизма и самовосхваления и переоценки их общественной значимости. Специфику этносоциологической научной школы, в становлении которой важную роль играют коллективные проекты, когда один работает на всех, а все за одного, можно определить словами Виктора Гюго: «Искусство – это я, наука – это мы».

Наряду с понятиями «научные центры» и «этносоциологические школы», мне кажется, можно конституировать и понятие «колыбели этносоциологических исследований». В одном из своих выступлений Ю.В. Арутюнян назвал Татарию «колыбелью этносоциологии». С таким же успехом, например, Молдавию можно считать «колыбелью этносоциологии повседневности», а Киев – «колыбелью этносоциологии диаспоральности».

Г.К. Как Вы оцениваете уровень современного этносоциологического образования и профессиональной подготовки в России?

Ю.А. Развернувшаяся у нас в 1970-80-е годы подготовка этносоциологов, в частности, через аспирантуру, сейчас почти сведена на «нет», так как этносоциология в нашем Институте игнорируется. Об этом можно судить, к примеру, по тому, как мой аспирант, единогласно защитивший диссертацию по этносоциологии, в Институте не был оставлен.

Л.Д. Уровень образовательной подготовки очень разный, но спасает наличие курсов повышения образования, которые проводились в Институте социологии и в РУДН.

М.Г. Оценить уровень современной подготовки этносоциологов представляется затруднительным, прежде всего, по причине слабой доступности «поля» и этносоциологической «продукции». Старые методы исследований в формате крупномасштабных опросов или морально устарели, или отсутствуют, или ухудшились объективные и субъективные условия для их реализации. Без практики накопления обширного полевого эмпирического материала, обретение профессиональной этносоциологической подготовки не представляется сколько-нибудь продуктивным. Слабая востребованность рекомендаций этносоциологов в известной мере объясняется тем, что они в постсоветский период, увлекаясь краткосрочными грантами и проектами, скороспелыми публикациями, растеряли часть своего имиджа по исполнению своих теоретико-познавательных, просветительских, практических и прогностических функций. В свою

очередь это связано с ослаблением интереса государственных структур, в том числе законодательных органов к этносоциологической диагностике и экспертным заключениям. Что же касается молодых учёных, получивших этносоциологическое образование на осмыслении и переосмыслении прежних баз данных, то их переманивают в качестве экспертов и советников, соблазняя высокой зарплатой, в государственные, ведомственные и частные структуры. В итоге академическая среда перестаёт быть питательным бульоном, творческой средой для повышения профессиональной квалификации и заинтересованного «служения» этносоциологии.

Уровень отечественной этносоциологии во многом зависит от масштабов её сохранения и воспроизводства. За четыре с лишним десятилетия её существования реализована серия крупномасштабных проектов, в том числе получивших международное признание, апробированы важные в концептуальном и практическом плане идеи, многократно увеличилось количество публикаций. Вместе с тем, самодостаточный арсенал этносоциологии худеет по ряду критериальных показателей. Несмотря на очевидные успехи, этносоциология продолжает накапливать научные сведения, двигаясь экстенсивным путём скорее вширь, чем вглубь, скорее, в мелкотемье, чем в крупные концепты и проекты, чем в глубокие парадигмы и новые рефлексии. Лишённая социального заказа, этносоциология оказывается на перепутье, что ведёт к раздробленности её тематики, к размытости предметного поля, к оторванности связей с этнологией и историей, несоответствию выдвигаемых ею задач практическим запросам и задачам общества.

Одна из причин концептуального обнищания этносоциологии, на мой взгляд, состоит в отсутствии специальных исследований о личности самого этносоциолога, степени его подготовленности к полевой и кабинетной работе, эффективности используемых им средств, стиля его «полевой жизни» и взаимоотношений с теми, кого он изучает, и адекватности добываемых им новых знаний. В этом плане большие надежды возлагаются на разрабатываемое в ИЭА РАН Г.А.Комаровой новое междисциплинарное направление, в центре внимания которого – антропология академической жизни.

Г.А. Ваши теоретическое кредо?

Ю.А. Осмысление реальных этносоциальных процессов должно обязательно основываться на проникновении в жизнь. Эффективная теория в любой сфере должна прямо или косвенно основываться на знании фактов и понимании реальной действительности.

Л.Д. Я работаю в основном с полипарадигмальным или так называемым синтезированным подходом, с большим креном в разумный конст-

руктивизм по Лукману и Бергеру. Это понятно, поскольку преимущественно работаю с проблемами этнического самосознания и межэтнических отношений. Как я вижу по публикациям и диссертациям, меня относят с чьей-то легкой руки к инструменталистам, это не соответствует реальным концептам, использованным мною в исследованиях.

М.Г. Моё теоретическое кредо – истина и справедливость, поскольку истина открывается только тем, кто её усиленно разыскивает, а справедливость достигается теми, кто к ней настойчиво стремится. Я хорошо помню заповедь академика Ю.В. Бромлея, редактора моей книги, которую я защитил в качестве докторской диссертации: «Миша, в науке не важно быть первым, важно быть верным». К этому же принципу призывал меня С.И. Брук, вместе с которым мне довелось разбираться в тонкости таинства этнодемографических процессов.

Г.К. Что мешает и что помогает Вам в научной работе?

Ю.А. Мешает невнимание руководства ИЭА РАН к развитию этносоциологии, что выражается, прежде всего, в сокращении кадров, отсутствии внимания к масштабным этносоциологическим исследованиям. Помогает в работе наличие обширной информации, отражающей этносоциальные процессы, доступ к которой ранее был затруднен. Расширились возможности осмысления изучаемых процессов и выхода научной информации.

Л.М. Помогает мой коллектив, который я очень ценю. Мешает высокая загруженность, кроме проектов я еще и преподаю, до последнего времени была редактором журнала, являюсь членом ученых советов, веду аспирантов, докторантов, занимаюсь общественной деятельностью.

М.Г. Мешает работе ускорение времени, снижение доверительности в обществе, бег событий, череда изменений, постарение кадров, истощение старых идей, ограниченность материальных ресурсов, необходимость оплачивать информацию, которая в советские времена предоставлялась бесплатно. Помогает опыт, свобода выбора проблем, тем, сюжетов, ситуаций, заинтересованность мотивированной на вырост молодежи, увлеченность утвердившимися теориями, концепциями, романтикой полевых исследований, искренним поиском истины, добываемой ради торжества справедливости.

Г.К. Каково Ваше хобби?

Ю.А. Музыка и поэзия.

Л.М. Путешествия. Собираю символические произведения, отражающие изменения в этнической идентичности.

М.Г. Во-первых, коллекционирование (вместе с семьей) «этнических» кошек, сделанных из различных материалов (металла, дерева, гли-

ны, бархата и других тканей). Во-вторых, процесс чередования работы по различным темам: переход от тюркологии к этносоциологии, от социолингвистики к этнополитологии, от изучения личностных к изучению групповых идентичностей.

Г.К. Что является для Вас приоритетной областью деятельности: преподавательская, исследовательская, организационная или общественная деятельность?

Ю.А. Исследовательская.

Л.М. Приоритетна, конечно, исследовательская деятельность.

М.Г. Приоритетной областью деятельности является исследовательская практика. Общественная деятельность по разработке основ национальной политики постепенно угасает с начала второго постсоветского десятилетия, когда Комитет по делам национальностей Государственной Думы ФС РФ самоустранился от законотворчества в сфере межнациональных и межэтнических отношений.

Г.К. Кого Вы считаете своими лучшими учениками?

Ю.А. Слово «ученик» не годится для крупных состоявшихся исследователей, добившихся многого в научной жизни. Таких много и у них высокий статус, трудно укладывающийся в понятие «ученик». Среди социологов можно назвать Л.М. Дробижев, А.А. Сусоколова, Ю.А. Хагурова, а этнологов – М.Н. Губогло и других.

Л.Д. Об этом говорить приятно, но трудно. Скажу о тех, кем я горжусь. С.В. Рыжова и Г.У. Солдатова, Р.Н. Мусина, А. Забирова – они ведут самостоятельные научные направления, И. Сухов – он корреспондент, который освещает события в горячих точках. Учителем меня называет Э.А. Паин, но я его отношу к тем, которые идут дальше учителей, к таким же людям я отношу и А.А. Сусоколова, светлая ему память. В чем-то моей продолжательницей считаю В.В. Коротееву, которая, к сожалению, сменила профессионализацию. Прекрасную работу защитил недавно Д. Пушкин. Сейчас со мной успешно работает Е.М. Арутюнова. В одной упряжке мы с И.М. Кузнецовым, но он работает настолько «своим путем», что к ученикам его отнести мне было бы неуместно. Ну, а еще я могу гордиться теми, кто работал со мной в наших проектах и стал очень профессиональными учеными – Л. Сагитовой, Г. Абдурахмановой, Э. Яковлевой.

М.Г. Не хотелось бы перечислять около двух десятков лиц, защитивших кандидатские и докторские диссертации, чтобы никого не обидеть. Хотя не могу не назвать С.И. Аккиеву, Ф.Г. Сафина, И.Г. Югая, З.В. Анайбан, С.К. Смирнову, А. Юракова, О.О. Лукьянову, В. Маресьева, А. Бабаева, Н.С. Ермакову... Мне всегда везло с учениками.

Г.К. Какие этносоциологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание в начале XXI столетия? Каковы Ваши научные планы и намерения?

Ю.А. В моем возрасте у меня не может быть особых планов. Все планы и намерения связаны с проведением широкомасштабных исследований, которые сейчас затруднены из-за отсутствия интереса к ним нашей научной администрации.

Л.Д. Первая моя тема «Изменения в разных видах национализма (его формы и интенсивность)». Другая тема – «Этничность в социальной жизни людей: представления и реальность». Мы делаем попытку провести сравнительные (с 1990-2000-х гг.) исследования по проблемам идентичностей, национализма, межэтнических напряжений.

М.Н. Во второй половине 1990-х годов были сделаны серьезные шаги по установлению правовых основ по обеспечению прав и свобод представителей различных народов. Однако законодатели оробели при добавлении к правам личности групповых прав, исходя из того, отдельные народы не могут быть субъектом права. В этой связи в начале XXI в. сохраняет свою актуальность социологическое обоснование и правовая разработка прав, свобод и интересов народов с целью укрепления российского полиэтнического, поликонфессионального общества с его неоднородным социальным составом, не ущемляя при этом жизненно важные интересы одних групп и социальных слоев за счет других. Ждут своих исследователей около 130 томов материалов и документов, собранных и опубликованных Центром по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН в 1989–2009 гг. по проекту «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» в рамках концепции «Этническая мобилизация на рубеже столетий». Противоречивая роль этнокультурного возрождения народов бывшего СССР, частично изложенная в предварительных комментариях к каждому из томов, нуждается в глубоком дополнительном осмыслении и переосмыслении в связи с их неоднозначными этносоциальными последствиями.

Мои личные научные планы и намерения? Разобраться в сущности этнической истории на примере нескольких тюркских народов с целью понять, существует ли тюркский мир подобно славянскому или романскому, и в какой мере его соционормативные культура и ценности связаны с русским миром, русским языком и культурой. В статье, озаглавленной «Этногенез продолжается», подготовленной в рамках проекта «Этногенез. Воображаемые прашуры и реальные потомки», навеянной в некоторой степени суждениями Н. Глейзера и Д. Мойнихена «По ту сторону плавленного котла», я надеюсь показать этногенез и этническую историю эт-

нической общности не как застывший продукт исторического развития от воображаемого предка или воображаемой прародины, а как динамически развивающуюся повседневную и социокультурную жизнь. Для достижения этой цели потребуются продолжить смещение акцента от союза этносоциологии с этнополитологией к её взаимодействию с традиционной этнографией, в которой знание языка изучаемого народа играет не менее важную роль, чем «внеязыковые» анкетные опросы и интервью с помощью единого языка межнационального общения. Пришла пора совмещения «двух» этносоциологий – в деле изучения группы и отдельной личности.

Г.К. Благодарю вас всех, уважаемые коллеги, за участие в интервью.

ПРЕДТЕЧА ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В СССР

1.1. Предыстория отечественной этносоциологии

Было бы ошибочно считать, что в середине XX века междисциплинарный исследовательский подход стал новостью для отечественной науки в целом, и этнографии, в частности. К опыту смежных дисциплин российские исследователи обращались еще со времен М.В. Ломоносова. А особый интерес к комплексному исследованию народов для отечественной социально-исторической науки глубоко традиционен, что весьма наглядно выразилось, например, в дореволюционных трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.П. Щапова и других исследователей (Лашук 1977). И хотя сразу после Октябрьской революции в изучении народов начались радикальные изменения, которые велись под лозунгом «переустройства быта на социалистических началах» и имели сугубо практическую направленность, унаследованный от классического эволюционизма взгляд на науку о народах как всеобъемлющую, все же какое-то время ещё сохранялся. Неслучайно, в 1925 году факультет общественных наук МГУ был преобразован в этнологический факультет, и в его учебных курсах духовная и материальная культура рассматривались в контексте социальной жизни (Преображенский 1929).

Однако в начале 1930-х годов после бурных дискуссий этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки (Тишков 1994). По словам Г.Е. Маркова, в 1930-е гг. наука была «низведена до изучения пережитков первобытно-общинного строя методом этнографического наблюдения» (Марков 1990:83). Приоритетным научным направлением в советской этнографии стало монографическое описание этнографически малоизученных или неизученных народов СССР. В результате долгие годы этнография в СССР воспринималась как наука об архаике, и вплоть до 1960-х гг. о её соединении с другими научными подходами не могло быть и речи.

Нечто подобное наблюдалось и в социологии. В отечественной историографии «принято считать Лаврова и Михайловского первыми российскими социологами с оговоркой «по самоназванию». Первый профессиональный (дипломированный, как принято говорить у нас) российский социолог М.М. Ковалевский (1851–1916) - юрист, историк, автор генетической социологии - получил академическое признание в университетах Западной Европы» (Фирсов 2011:233). Во всяком случае, уже с 1890-х го-

дов в России началось соединение социологической теории с эмпирией. Два наиболее сильных течения отечественной социологической мысли – позитивизм и марксизм – до начала XX в. сосуществовали достаточно мирно. Однако с победой Октябрьской революции и установлением советской власти ситуация кардинально изменилась. После короткого периода оживления социологии в 1920-е гг. надежды нового режима на её воссоединение с марксистским социализмом не оправдались, в результате чего в СССР началось размежевание между «марксистскими» и «буржуазными» социологами. Вскоре многие из «буржуазных» социологов подверглись репрессиям или покинули страну. Марксистская социология была официально объявлена единственным научным направлением социологии, а к середине 1930-х гг. и она оказалась поглощена историческим материализмом. На протяжении почти тридцати лет российская социология находилась в условиях фактического запрета. Фундаментальные и прикладные исследования были прекращены. Развитие эмпирически обоснованной социологии, объективно изучающей социальную действительность, было прервано на долгие годы. Эмпирические данные были сведены к официальной статистике, а социологическая теория – к историческому материализму.

Лишь после XX съезда партии советским ученым было разрешено заниматься социологией с целью подтверждения правильности политики КПСС. Как заметил известный российский социолог Б.М. Фирсов, «в Советском Союзе потребовались тридцатилетние усилия для того, чтобы «с грехом пополам» обеспечить благоприятные условия для раскрепощения социологического знания» (Фирсов 2011:223). В 1960-е гг. в СССР появились первые, профессионально выполненные эмпирические исследования, ориентированные на разработку фундаментальных проблем социального развития советского общества (Ядов 1998; Кукушкина 2004).

Таким образом, возвращаясь к началу этого раздела, следует отметить, что стремление к междисциплинарности было всегда характерно для отечественных прогрессивных исследователей, в том числе и передовых советских ученых. Главная причина, из-за которой в первой половине XX века было невозможно вести комплексные научные исследования, носила скорее не методико-методологический, а политический характер и затрагивала практически всю советскую науку, в том числе и этнографию, социологию, историю, психологию, другие науки, на стыке которых было возможно осуществлять междисциплинарные исследования. Эта большая и важная тема требует специального рассмотрения. И она не является задачей данного исследования. Однако необходимо отметить, что интерес к комплексным исследованиям народов, традиционный для дореволюцион-

ной отечественной науки, в советские времена не только находился под постоянным идеологическим прессингом, но и зачастую искусственно подавлялся. Приведу лишь один пример, связанный с этнографией детства, напомнив о трагической ситуации, которая сложилась в советской педагогике и психологии после известного постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Изъятие в результате политических гонений из научного оборота как «лженаучных» трудов великих исследователей Л. С. Выготского, М. Я. Басова, П. П. Блонского, И. А. Соколянского и многих других ученых не только остановило на десятилетия, но отбросило далеко назад советскую педагогическую психологию. «Изучение того, что есть ребенок, все более заменялось декларированием того, каким он должен быть. В результате складывалось и сейчас препятствующее решению многих практических педагогических задач положение, при котором представление о том, каким должен быть ребенок, превращается в утверждение, что таков он и есть. Установки, идущие от плохо знавшей реального ребенка или подростка педагогики воспитания, в настоящее время начинают преодолеваться, но долгое время они были господствующими» (Петровский 1991). Подобные вышеописанному события, происходившие в советской науке вплоть до начала 1960-х гг., не только сдерживали ее развитие, но и мешали возникновению новых междисциплинарных отраслей знания.

В целом, у советской тоталитарной власти отсутствовала заинтересованность в науке, объективно изучающей социальную действительность, ей нужен был догматический и апологетический истмат. В результате, до середины XX века междисциплинарный подход в СССР применяли только отдельные выдающиеся ученые-энтузиасты. И лишь к началу 1960-х гг. он получает массовое распространение, постепенно становясь парадигмой серьезного научного исследования. Но различие в научных подходах исследователей разных поколений выражалось не только в масштабах и интенсивности междисциплинарного диалога, но и в выборе самих взаимодействующих дисциплин. Например, если отдельные представители наук исторического цикла в первой половине столетия обращались чаще всего к географии, экономике, психологии, то в 1960-80-х годах приоритет в этих междисциплинарных контактах все больше отдавался демографии, лингвистике, социологии, этнографии.

1.2. Причины возникновения этносоциологии в СССР

Регулирование межэтнических отношений всегда было важной задачей и, вместе с тем, камнем преткновения для советской власти. Долго-

срочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. Однако обсуждение национальных проблем почти тридцать лет было под запретом. Лишь в 1956 г. национальная проблематика вошла специальным разделом в Отчётный доклад XX съезда КПСС. В результате в СССР возник заказ на фундаментальные социологические знания, отражающие изменения в жизни народов с обязательным учетом этнического многообразия населения страны, 45 % которого составляли нерусские. Выдвинутая перед советской наукой задача в результате стала одним из объективных факторов возникновения этносоциологии в СССР.

В советской этнографии тех лет также наметились определенные изменения. Они были вызваны тем, что во внешней политике СССР появился особый интерес к странам, получившим независимость после второй мировой войны; а во внутренней политике советское руководство стремилось продемонстрировать свои успехи в национальной сфере. «Перед советскими этнографами ставилась задача – исследовать современные этнические процессы как у нас в стране, так и за рубежом» (Бромлей, Шкаратан 1969: 16). Это была задача изучения актуальных проблем современности, т. е. процессов и явлений, выходящих за рамки традиционного этнографического знания, к чему они ни теоретически, ни методологически не были готовы. К концу 1960-х годов «со всей очевидностью обнаружилась острая необходимость в новых путях и средствах изучения современных этнических процессов... Охарактеризовать современное этническое развитие и его перспективы невозможно было без конкретного изучения особенностей культуры, быта, психологии в различных социальных средах и ситуациях» (Дробижева 1976:64). Именно в этот период в советском этнографическом сообществе (как, впрочем, и в западной науке) наметился кризис, вызванный изменением объекта исследования этнографической науки в промышленно развитых странах, где этническая множественность социальных явлений и усложнившаяся социальная дифференциация этнических процессов уже не могли быть в достаточной мере изучены методами традиционной этнографии. Этнографам «для прорыва в современность» был необходим переход с микроуровня исследований, отражаемого в их работах, на макроуровень, освещаемый социологами (Дробижева 2001).

Советские социологи в эти годы также стремились «расширить границы конкретных исследований и усилить их результативность в понимании исключительно важных для страны социально-национальных процессов» (Арутюнян и др. 1986:3). Взаимное стремление «социологизировать»

этнографию и «этнографизировать» социологию (а по сути дела, возникновение фундаментального конфликта внутри самих дисциплин) послужило ещё одним важным объективным фактором рождения этносоциологии (Бромлей; Шкаратан 1969:17).

Родоначальниками этнической социологии на Западе принято считать У. Томаса и Ф. Знанецкого, создавших в начале XX века классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке». Хотя «Философский словарь» Генриха Шмидта, изданный в Лейпциге в 1932 г., упоминая о существовании особой «этнологической социологии», среди самых известных имен называет таких ученых, как Адольф Бастиан, Эрнст Гроссе, Вильгельм Копперс, Вильгельм Шмидт, Генрих Шурц. Сам термин «этносоциология» был введен в научный оборот Р. Турнвальдом в 1930-е гг. и означал изучение социальных явлений в доиндустриальных обществах.

Но, независимо от этого, в советской науке он появился в середине 1960-х гг. как название междисциплинарного направления, возникшего на стыке этнографии и социологии. Родоначальник отечественной этносоциологии чл.-корр. РАН Юрий Вартанович Арутюнян спустя сорок лет после ее возникновения подчеркивает, что «рождение этносоциологии в нашей, в прошлом еще более многонациональной, стране не случайно. Оно было продиктовано временем – ростом потребности понимания национальных отношений и возможностей их реального осмысления. Возникновение этносоциологии по существу было одним из множества следствий поворота в социальной жизни страны, памятной для многих исторической оттепели. Без этого не могло быть бракосочетания социологии с этнографией, уже в 1970 – 1980-е гг. способствовавшего расширению реальных границ традиционной этнографической науки и в какой-то мере преобразовавшего ее сущность» (Арутюнян 2009:13).

Наряду с объективными причинами появления отечественной этносоциологии, существовали и субъективные факторы. В 1966 году директором Института этнографии (ИЭ АН СССР, а с 1990 года – ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН) был назначен Ю.В. Бромлей. Как вспоминает В.Р. Кабо, научный сотрудник ИЭ АН СССР с февраля 1957 года, «диктатура старомодного консерватора Толстова сменилась правлением Бромлея, представителя иного поколения, более гибкого политически и идеологически... Бромлей чутко улавливал малейшие перемены, происходившие на верхах власти, и мгновенно реагировал на них» (Кабо 2008:229). Юлиан Владимирович Бромлей в те годы не только занимал достаточно влиятельные позиции в Президиуме АН, но и был склонен к научным инновациям. Возглавляя Научный совет по национальным

проблемам Президиума АН СССР, он понимал новые задачи и перспективы этнографии. Перед советскими этнографами стояла дилемма: либо отказаться от изучения современности, либо кооперироваться с социологами. Между тем, они знали о том, какие важные изменения происходили в социальной и культурной антропологии на Западе. В частности, было известно, что в науках исторического цикла к 1950-м годам победила «новая история»: история структур, а не событий, история экономическая и социальная, история «большой длительности» (*la longue duree*, по выражению Ф. Броделя). К тому же когда в послевоенные десятилетия большое распространение получили количественные, математические методы (клиометрия), изучение индустриальных обществ, социально значимых проблем современных народов и межэтнических отношений всё более переходило к социологии. Однако, когда уже казалось, что новая парадигма прочно утвердилась в мировой науке, стали раздаваться голоса о том, что история, изучая «массы», потеряла из виду реального, живого человека, стала анонимной и обезличенной. Дискуссия, разгоревшаяся в западной социологии между «качественниками» и «количественниками» в 1960 – 1970-е гг. (Ковалёв, Штейнберг 1999, Семёнова 1998), ярко отразила разочарование ученых в объяснительной силе социальных наук, в целом, и социологии, в частности. Так, В. Филстед утверждал, что «... теоретические, методологические и понятийные тенденции углубляют пропасть между социологами и эмпирическим социальным миром. <...> Возрастающая тенденция к квантификации ведет к уменьшению понимания этого мира <...>. Если мы хотим лучше понять человеческое поведение, то вместо того, чтобы постоянно увеличивать дистанцию от феноменов эмпирического социального мира, социологи должны вступать с людьми в прямой контакт» (Filstead 1979:29). В результате смена приоритетов в западных социальных науках привела к их антропологизации, которая стала закономерной стадией в длительной эволюции науки. Важно отметить, что этот междисциплинарный диалог представителей разных наук, прежде всего антропологии и социологии, возник не в результате простых заимствований из смежных дисциплин, а вследствие внутренней потребности в обновлении методики и проблематики, которую наука испытывала в послевоенные десятилетия. Взаимное знакомство с достижениями социальных наук оказалось одним из средств этого обновления.

Советские этнографы в «споре о позитивизме» участия не принимали. Но среди них были такие, кто также разделял опасение, что увлечение количественной социологией ведет к гигантскому разрыву между миром социальным и миром социологическим, сконструированным учеными. Наряду с этим они считали, что важнейшие с точки зрения этнографии

методы исследования – неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью – социологи несправедливо считают второсортными, хотя именно с их помощью можно понимать и анализировать социальные действия. К числу этих учёных относился и Ю.В. Бромлей.

Возглавив ИЭ АН СССР, Ю.В. Бромлей заявил: «Мы сделаем другой институт, в котором будет развиваться социология национальных отношений как новая самостоятельная область» (Дробижева 2003). Ю.В. Бромлей был утвержден в должности директора ИЭ АН СССР Общим собранием АН СССР 8 февраля 1966 года. А 25 февраля 1966 года Президиум АН СССР уже постановил: «Для развития конкретно-социальных исследований в области этнографии организовать в Институте этнографии АН СССР Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР» (АРАН), позднее переименованный в Отдел этносоциологии, что и положило начало возникновению нового междисциплинарного направления – отечественной этносоциологии. В процессе становления и развития нового научного направления, возникшего в недрах советской этнографии, в 1960 – 1990-е гг., на мой взгляд, можно условно выделить три периода:

- 1) 1966 - 1971 гг. – период становления;**
- 2) 1972 - 1985 гг. – академический период;**
- 3) 1986 – 1990-е гг. – период перестройки.**

ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

Академик Ю. В. Бромлей считал, что «наиболее перспективный путь дальнейшего прогресса в изучении национальных отношений – кооперация специалистов, представляющих различные научные дисциплины» (Куличенко 1980: 319). Неслучайно, начиная с середины 1960-х гг. с целью формирования и развития этносоциологического направления коллектив Института этнографии АН СССР постоянно пополняли историки, социологи, психологи, философы, демографы, математики: Ю.В. Арутюнян (1966 г.), В.А. Большаков (1966 г.), И. А. Гришаев (1974 г.), А.И.Гинзбург, Л.М. Дробижева (1969 г.), И.С. Кон (1978 г.), В.С. Кондратьев (1966 г.), А.Д. Коростелёв (1980 г.), А.М.Коршунов (1975 г.), И.М.Кузнецов (1974 г.), А.А. Сусоколов (1975 г.), С.В. Тютюкин (1967 г.), В.Н. Шамшуров (1971 г.), О.И. Шкаратан (1981 г.), Г.В.Старовойтова (1988 г.) и другие специалисты.

Первым из этих ученых в ИЭ АН СССР был приглашен Юрий Вартанович Арутюнян. К тому времени Ю.В. Арутюнян – «один из плеяды выдающихся историков, сформировавшихся в послесталинский период, во времена хрущевской оттепели» (Губогло 2004:3), был уже широко известным ученым. Окончив в 1949 году Ереванский педагогический институт, а в 1952 году – аспирантуру Института истории АН СССР, он с 1965 по 1969 гг. возглавлял Лабораторию конкретно-социологических исследований философского факультета МГУ. Ю.В. Арутюнян был инициатором организации и проведения широкомасштабных конкретно-социологических исследований советской деревни, которые с начала 1960-х годов осуществлялись в рамках исследовательского комитета по социологическим проблемам села Советской социологической ассоциации. В ходе этих обследований изучался широкий круг проблем: формирование социальной структуры советского села; основные этапы и тенденции его развития; социально-профессиональные и управленческие группы в сельском населении; их характеристики в разных сферах жизни; процессы социальной мобильности и т.д. Материалы историко-социологических исследований села нашли отражение в книгах Ю.В.Арутюняна «Историческая роль МТС и их реорганизация» (М., 1958), «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг.» (М., 1960), «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» (М., 1964). Таким образом, к 1966 году с именем Арутюняна уже было связано утверждение важного и перспективного междисциплинарного на-

правления, находящегося на стыке социологии и истории. И неслучайно Ю.В. Арутюнян стал вдохновителем и лидером нового междисциплинарного направления, возникшего в лоне советской этнографии.

Особенно важная и незаменимая роль досталась Ю.В. Арутюняну в первые годы становления нового научного направления. По словам самого Юрика Вартановича, на первых порах он «выполнял своеобразную роль «отца-одиночки» нового направления: пестовал, лелеял, учил его делать первые шаги; подбирал единомышленников, обучал учеников, создавал команду...» (АА 2009). Он не только возглавил летом 1966 года вновь созданный в рамках ИЭ АН СССР сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР и стал признанным родоначальником зарождающейся отечественной этносоциологии, но всегда был и остается её идеологом и мозговым центром. Как вспоминают ученицы и коллеги Ю.В. Арутюняна – В.К. Малькова и Л.В. Остапенко, «в рабочем портфеле Юрика Вартановича всегда было полно идей, которыми он со свойственной ему широтой души делился с нами, своими единомышленниками, а мы, в свою очередь, подхватывали и сообщая претворяли их в научную действительность» (АА 2009).

Высокий научный авторитет Ю.В. Арутюняна, а также богатый административный ресурс академика Ю.В. Бромлея позволили в конце 1960-х гг. собрать в стенах ИЭ АН СССР высокоинтеллектуальную и профессиональную команду единомышленников с различной научной специализацией, но объединенных одним научным направлением. По мнению Л.М. Дробижевой, «их первоначальные научные интересы заметно отразились на облике отечественной этносоциологии: Ю.В. Арутюнян разрабатывал сельскую социологию, О.И. Шкаратан – урбансоциологию, И.С. Кон – социологию личности и т.д.» (Дробижева 2003).

Наряду с вышеназванными специалистами, имеющими различное базовое образование и успешно работающими под руководством Ю.В. Арутюняна в Секторе конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР с самого момента его создания, в нем трудились и профессиональные этнографы, специализирующиеся на исследовании проблем современности: М.Н. Губогло (1966 г.), Ж.А. Иванова (1966 г.), В.К. Малькова (1968 г.), А.П. Новицкая (Санникова) (1967 г.), Л.В. Остапенко (1967 г.), С.С. Савоскул (1968 г.), Л.А. Тульцева (1970 г.) и др. Многие их коллеги – «традиционные» этнографы – также проявили большой интерес к новому направлению и в дальнейшем работали в тесном сотрудничестве с этносоциологами.

Однако в целом советское этнографическое сообщество отнеслось к появлению этносоциологии неоднозначно и настороженно. Как заметил

В.А. Тишков, отвечая на вопрос о различии и единстве между этнографией и этнической социологией, «в рамках нашего института, например, очень трудно приживалась этническая социология, т.е. изучение этничности методами социологического опроса». При этом, не отрицая высокого статуса, достигнутого этносоциологией в системе отечественного обществоведения, он справедливо резюмировал: «Нужно отдать должное родоначальникам этого направления (Ю.В. Арутюняну, М.Н. Губогло и Л.М. Дробижевой), которые утвердили это направление в такой степени, что оно стало почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук - этнологии и этносоциологии» (Тишков 2001:13). И все же в 1960-80-е гг. среди традиционных этнографов встречалось немало тех, кто считал этносоциологию чуждой этнографии. Например, по мнению В.Н. Басилова (Басилов, 1992: 8–9), «Ю.В. Бромлей, расширив рамки предмета этнографии, по сути дела разрушил эту науку» (Кон, 1993:5). Правда, несколько позже В.Н. Басилов, не согласившись с общественной оценкой своей позиции, откорректировал её следующим образом: «Ю.В. Бромлей сузил предмет этнографии, отняв у неё задачу исследования современности... У отечественной этнографии в ходе экспериментов Ю.В. Бромлея отнимались и предмет исследования, и молодые кадры, и жизненное пространство» (Басилов, 1993:161). Этнографы – «традиционалисты» считали, что в ИЭ АН СССР в 1960-80-е гг. «шло последовательное разрушение этнографии. И курс на перерастание в социологию (приставка «этно» – не меняет сути дела) и провозглашение теоретических исследований приоритетными (в отличие от конкретных) означали одно: этнографии отводилось место второстепенной и бесперспективной, отжившей свой век дисциплины» (Басилов 1995:38). Более того, некоторая часть этнографов считала, что администрация ИЭ АН СССР «в прямом смысле слова вытесняла этнографию из Института, принимая в штат специалистов, не занимающихся и не собирающихся заниматься этнографией. К началу 1980-х гг. этнографы в московской части Института этнографии составляли меньшинство» (Басилов 1995:31). В целом, у определенной части отечественных этнографов сформировалось мнение о том, что «этносоциология не оправдала связанных с ней ожиданий» (Басилов, 1992:9). Ссылаясь на то, что «под социологическими понимаются строго формализованные методы сбора эмпирической информации», они считали одной из причин кризиса отечественной этнографии – «увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии)» (Этнография 1982).

По словам В.Р. Кабо, в 1960 – 1980-е годы «теория этноса стала благодаря Бромлею ключевой проблемой этнографии, оттеснившей на второй план другие проблемы. Под его пером этнос приобрел черты абстрактной

теоретической конструкции, имеющей весьма отдаленное отношение к той живой действительности, которую призвана изучать этнография. Не случайно именно при Бромлее в институте расцвели смежные с этнографией науки – социология, демография, фольклористика, в то время как полевое этнографическое исследование – главный источник этнографических фактов – все более вырождалось. На всей продукции Института этнографии лежала печать провинциализма, самоизоляции от мирового научного процесса; да что там – рвались последние связи даже с традициями отечественной этнографии. Публикации этнографов стали образцом ползучего эмпиризма; теоретических обобщений они боялись и избегали» (Кабо 2008:229-230).

Отрадно, что на этом фоне нашлись отечественные ученые, которые полагали, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными общественными науками – тенденция современного познания мира. Они считали огромной заслугой академика Ю.В. Бромлея то, что он понимал и разделял подобный научный подход. По их мнению, «если бы нашим парадом вместо Ю.В. Бромлея командовал Басилов, ни этносоциологии, ни этнопсихологии, ни этнографии детства у нас бы не было» (Кон 1993:5). А ведь именно фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений позволили советским этнографам и этносоциологам даже в условиях идеологического прессинга изучать реальные процессы развития народов СССР. Этносоциологические исследования изначально имели междисциплинарный характер, используя знания, научные подходы, исследовательские приемы и методы не только этнографии/этнологии/антропологии, социологии, но и истории, социальной психологии, политологии, демографии, экономики и других наук.

Этносоциологию с момента возникновения определили как междисциплинарное направление, изучающее социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. «Судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов – изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это, скорее, проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» (Арутюнян и др. 1986: 4), – таким было представление о новой дисциплине. Становление этносоциологии сопровождалось дискуссиями о предмете и объекте нау-

ки, а также о применении специальных методов получения научного знания.

Как отметил С.В. Соколовский, «советская этносоциология развивалась приблизительно по тому же пути, что и американская социология этнических групп, но ее институциональное положение («прописка» в Институте этнографии, а не в Институте социологии АН СССР) при использовании вполне социологических методов исследования обуславливала ее ориентацию на этнографическую проблематику и интеграцию в тогдашнюю этнографию. С другой стороны, советская теоретическая этнография (в частности, теория этнических процессов) многое заимствовала из проводимых американскими социологами исследований ассимиляции и несла на себе печать социологического мышления» (АФ 16:137).

Взаимосвязь общих социальных явлений и процессов с этническими явлениями и процессами составляла предмет исследований этносоциологии в период её формирования. На следующих этапах развития этносоциологии видение предмета трансформировалось от «общего определения (Арутюнян 1973; Бромлей, Шкаратан 1979) к развернутому представлению о предметной области этносоциологии как дисциплины, изучающей социальные аспекты развития и функционирования этносоциальных и этнокультурных групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды, взаимодействий между личностью и этнической общностью, закономерности социальных действий и коллективного поведения этнических групп» (Арутюнян и др. 1999; Губогло 2002; Дробижева 2003). Объектом этносоциологии стали народы (этноты) в их социальном многообразии. В советской науке тех лет этноты изучали, прежде всего, этнографы. Этносоциологический подход отличался тем, что в этносоциологических исследованиях объект рассматривался через личность, включенную в этническую группу. Этнические группы в социологическом понимании – это сегменты, части общества, члены которых осознают себя (или считаются с точки зрения других) носителями общей культуры и обладают чувством солидарности (Дробижева 1976).

По словам ведущих отечественных этносоциологов (Арутюнян и др. 1984, 1986, 1999; Губогло 1984, 2004; Дробижева 1976; 1999; 2001), они сразу же отказались от построений и концепций макросоциологического уровня, признавая слабость «высокоабстрактных теорий». Они предпочли частные теории, теории среднего уровня или диапазона действия, где теоретико-методологические предпосылки четче соотносятся с эмпирическими данными и ориентируют на изучение именно конкретного избран-

ного предмета исследования. Таким образом, этносоциология в СССР с самого начала формировалась как специальная социологическая теория среднего уровня на основе эмпирических исследований.

Конкретный анализ в этносоциологии всегда осуществлялся как с учетом макросреды (т.е. общих социально-экономических и политических условий в стране), так и различных уровней микросреды (начиная с особенностей этнической и социокультурной ситуации в различных типах городов и сёл и кончая средой личного общения людей: работа, учёба, семья и т.д.). С этой целью с первых своих шагов этносоциологи, постоянно шлифуя свои собственные этносоциологические методы, не только широко использовали методики, разработанные в социологии, психологии, статистике, демографии и т.д., но постоянно прибегали и к традиционным этнографическим методам. В связи с этим Ю.В. Бромлей предупреждал, «чтобы этносоциология ни в коем случае не сводилась к изучению просто социальных параметров наций (без корреляции с этническими факторами), это будет уже просто конкретная социология» (Бромлей 1987:162).

Подробнее об этом будет сказано в следующих разделах этой главы. Отметим лишь тот факт, что исследования в этносоциологии всегда базировались на двух корпусах источников. Во-первых, это официальная деловая документация, начиная с данных государственного статистического учета в масштабах страны и кончая отчётами государственных учреждений, домовыми и похозяйственными книгами, документами органов ЗА-ГСа, МВД и т.п. Во-вторых, это массовая первичная информация, полученная на основе репрезентативных выборочных обследований населения. Столь широкая источниковедческая база позволяла получить целостное представление о предмете этносоциологических исследований, а именно – о системной взаимосвязи социальных и этнических явлений и процессов. Неслучайно, начиная с первых же крупных проектов, этносоциологи выделяли две стратегические линии исследований – изучение социальных процессов в различных этнических средах и этнокультурных процессов в их социальном разнообразии.

В эти годы была начата разработка целого ряда направлений этносоциологических исследований: изучение изменений социально-этнической структуры народов, социальных аспектов взаимодействия культур, в том числе этнолингвистических процессов, межличностных национальных отношений и т.д. (Дробижева 1976: 67). Например, Ю.В. Арутюняном и О.И. Шкаратаном были разработаны новые подходы при изучении социальной структуры народов с анализом изменений, выделением групп по характеру труда, выяснением темпов межпоколенной и внутривнутрипоколенной мобильности и т.д. Глубокое проникновение в развитие социальной структу-

ры позволило ученым выйти в новые сферы исследования, в частности такой сферой оказалась социология этнонациональных процессов в СССР. Отечественные этносоциологи неслучайно отметили этническую вариантность социального развития многонационального советского государства. Общие для страны социальные явления весьма по-разному проходили не только в этнических общностях Союза, но и внутри этнических групп.

Уже в ранних работах по этносоциологии, особенно в исследованиях сельского населения, фиксировались существенные групповые (внутриэтнические) особенности культуры изучаемых народов, что сказывалось и в национальных ориентациях, и в их реальном поведении. Так, Ю.В. Арутюнян своими монографиями «Опыт социологического изучения села» (М., 1968), «Социальная структура сельского населения СССР» (М., 1971) внес большой вклад в изучение проблем соотношения межклассовых и внутриклассовых различий, уделил особое внимание многообразию социальной структуры общества, связанной с этническими особенностями, а также различиями в экономических и географических условиях отдельных регионов страны.

Ю.В. Арутюнян ещё в программе, по которой в конце 1960-х гг. проводилось исследование Татарской АССР, обозначал в качестве самых существенных совершенно новые не только для традиционной этнографии, но в какой-то мере и для отечественной социологии проблемы: изменение этнического состава социальных групп и социальной структуры этноса; роль этнического фактора в социальной мобильности, т.е. влияние национальной принадлежности на социальный рост человека; изменения в социальных группах соотношения элементов национальной и интернациональной культуры, традиций и инноваций; проявление национальной психологии как составной части общественной психологии различных социальных групп, выражение в социальных группах национального самосознания, иногда переплетающегося с национальным предубеждением и этноцентризмом; изменение национальных интересов, их связь с социальными проблемами и др. (Арутюнян 1968: 3–13). По мнению ученого, в результате проведенного исследования выявились весьма неоднозначные для разных групп населения причины обострения национальных отношений. Для сельского населения положительные установки в национальных отношениях затруднялись слабой приобщенностью населения к общесоюзной реально во многом российской культуре. Для интеллигенции, напротив, при освоении общесоветской культуры источником национальной напряженности могли стать скорее социальные проблемы, связанные с конкурентными отношениями в распределении социальных ролей и использования механизмов влияния и власти. (Арутюнян 1969: 129–130).

С тех пор исследование социальной структуры народов, представляющей собой важнейший индикатор уровня их экономического, социального и культурного развития навсегда стало одной из центральных тем в этносоциологии. Главной особенностью подхода этносоциологов к анализу социальной структуры было рассмотрение ее через призму этнической культуры, с учетом народных традиций, специфики исторического развития и т.п. И сегодня мало, кто может изучать сферу этногосударственных и межэтнических отношений, без учета главного методологического требования этносоциологии – системного подхода ко всей совокупности взаимосвязанных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности. Особую роль в системном анализе играет осмысление модернизации социальной структуры народов как существенного фактора, влияющего на ход и конкретное проявление современных трансформационных процессов.

Помимо родоначальников данного направления – Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана – в 1970-80-е гг. проблемы социальной структуры народов разрабатывали В.И. Бойко, Ю.Ю. Какх, К. Халлик, Л.В. Остапенко, А.А. Сусоколов, В.С. Кондратьев, А.Б. Дзадзиев, Г.В. Старовойтова, В.И. Ильин, Л.С. Перепелкин, Е.И. Клементьев, В.В. Коротеева, М.М. Юсупов и др. В дальнейшем, в русле названной тематики трудились также многие другие исследователи из разных регионов Союза: А.Н. Белокопыт (Ставрополье), Р.М. Валиахметов, Р.Р. Галямов (Башкортостан), Т.Р. Калимуллин (Беларусь), А.В. Кудрин (Пермь), Р.А. Кузьмина (Якутия), И.И. Подойницына (Якутия), Л.А. Шатрова (Татария) и т.д. В том же исследовательском направлении начали работать отечественные этнографы, применяя разработанные этносоциологами методики исследования этносоциальной структуры, о чем пойдет речь в следующем разделе.

Еще в период становления этносоциологии, обратив пристальное внимание на этнические различия в профессиональных предпочтениях людей и на воздействие приверженности представителей разных национальностей к определенным видам трудовой деятельности на социально-профессиональный состав населения, ученые начали изучение роли этнокультурного фактора в производственной жизни общества. У истоков этого исследовательского направления стояли Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, О.И. Шкаратан. В эти же годы М.Н. Губогло первым в отечественной науке выделил и начал проводить широкие исследования этносоциальных аспектов национально-русского двуязычия (Губогло 1979; 1984; 2004). Исследование этноязыковых процессов всегда было одним из важных направлений отечественной этносоциологии. М.Н. Губогло первым в отечественной науке выделил и начал проводить широкие ис-

следования этносоциальных аспектов двуязычия. В дальнейшем он и его ученики постоянно расширяли проблематику и обогащали их методику. Этносоциологи изучали степень влияния на различные факторы (социальное продвижение, мобильность, урбанизационные и, в целом, модернизационные процессы) знания второго (русского) языка представителями народов СССР; выявляли роль школы, армии, этнической среды, контактов людей в различных сферах жизнедеятельности в качестве факторов распространения русского языка как средства межнационального общения; устанавливали потребности населения союзных и автономных республик в школах с тем или иным языком обучения и многие другие научные проблемы.

Безусловно, социальный заказ на науку в СССР носил идеологический характер. «Конечно, деятельность этнографов, как и всех советских гуманитариев, была подчинена идеологическому диктату и контролю – но и каждый автор был, прежде всего, своим собственным цензором» (Кабо 2008:230). Впрочем, это общеизвестная и широко распространенная мировая практика. Но именно это явление, в частности, объясняет, почему становлению этносоциологии в СССР в 1960-80-е гг. уделялось особое внимание. Ей оказывалась не только идеологическая, но и серьёзная финансовая поддержка. Например, были выделены большие средства на экспедиционный фонд для организации массовых долгосрочных обследований в различных регионах СССР. В результате уже с конца 1960-х гг. начались активные исследования. В Литве, Латвии и Эстонии изучались процессы интернационализации быта и культуры населения; в Узбекистане – проблемы интернационального воспитания молодежи; в Грузии и в Молдавии исследовались межэтнические контакты на промышленных предприятиях; в Таджикистане – межэтнические браки; в Белоруссии – духовная культура различных этносоциальных групп городского и сельского населения, этнические аспекты миграции и семейных отношений. Однако, проведенные в рамках отдельных республик, эти исследования были представительны лишь для конкретных предприятий, групп населения, жителей определенных городов или сельских районов.

Широкомасштабные сравнительные исследования советских наций реализовывались поэтапно. В 1967–1969 гг. было проведено первое репрезентативное исследование в Татарской АССР, в ходе которого изучались показатели экономического, социального и культурного развития татарского и русского народов. Результаты этого исследования дали возможность проанализировать реально протекающие социальные и культурные процессы, а также отработать методику для подобных исследований в других регионах Советского Союза.

Коллективная монография «Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования в Татарской АССР» обобщила его результаты и явилась преддверием следующего общесоюзного исследования. Этот труд, вышедший в свет в 1972 году, зафиксировал появление нового научного направления – этносоциологии, завершив тем самым первый период её развития – период становления.

Глава 3

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

В 1972 году в стране отмечалось 50-летие образования СССР. Для отечественных этносоциологов этот год стал началом проведения первого общесоюзного исследования, одного из самых масштабных в мировой практике. По своей выборке, задачам и избранным для анализа ситуациям оно было сходно с Гарвардским проектом по социальным и культурным аспектам развития, проведенным под руководством А. Инкелеса (Inkeles, 1964; 1972; 1983), американского социолога и антрополога, изучавшего в русле постэволюционистских идей факторы модернизации путем фундаментальных массовых опросов в ряде стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Направление и ход общесоюзного этносоциологического исследования определяла специально разработанная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (далее ОСУ). Генеральная гипотеза ОСУ «...сводилась к идее детерминации культурного развития и сближения наций общими социальными факторами. Предполагалось, что принципиальное сходство этих факторов – прежде всего единая социально-политическая и экономическая система, процессы индустриализации и урбанизации создают основу для общности в образе жизни и культуре народов, в процессе трансформации которой национальные особенности, чем дальше, тем больше перемещаются из сферы материальной в духовную, социально-психологическую, связанную с национальным самосознанием» (Арутюнян и др. 1986:6).

Проект «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» стал одним из первых, в ходе которого удалось осуществить комплексный подход, т.е. исследовать особенности не только макросреды, но и мезосреды, и микросреды. В целом, значимость этого во многом уникального проекта трудно переоценить. Неслучайно, и по сей день это масштабное исследование остается единственным в отечественной социологической науке репрезентативным комплексным кросс-культурным сравнительным межреспубликанским исследованием, проведенным по единой программе. Без сомнения, главным достижением исследований по программе ОСУ является успешно реализованный в нем принцип периодической репликации и принципиальной сопоставимости данных, полученных при помощи основного инструментария массового

обследования населения – вопросника для проведения стандартизированных интервью на основе репрезентативной многоступенчатой выборки.

Действительно, эффективность проводившейся работы в значительной мере была обусловлена принципами, положенными в основу специальной многоступенчатой выборки. С самого начала исследование планировалось как всесоюзное. На основе анализа комплекса материалов сначала были выделены Россия, Молдавия, Эстония, Грузия, Узбекистан как республики, которые по социально-экономическим, демографическим и культурным параметрам максимально полно отражали соответствующие историко-культурные регионы страны. Затем, в каждой республике выделялось для опроса столичное население, жители разного типа городов, а также сельских поселений. Методика ставила своей целью добиться статистически представительного материала не только по городу и селу, но и по социально-профессиональным и половозрастным группам. Объективно различные условия города и села влияли на подходы к составлению выборки: сельская и городская выборки проводились отдельно. В городе на основе избирательных списков осуществлялась пропорциональная выборка для генеральной совокупности всего взрослого городского населения. В сельских районах выборка составлялась с использованием похозяйственных книг, в которых фиксируются не только возраст пол, но и профессия, род занятий и некоторые другие параметры. Будучи «размещенной» по социально профессиональным группам, выборка при статистическом анализе «выравнивалась» в соответствии с реальным представительством – пропорциями возрастных и социально-профессиональных групп. В итоге выборка на разных ступенях охватила 30 тыс. респондентов в возрасте 18 лет и старше в 42 городах и 250 сельских поселениях.

Таким образом, этносоциологическая методика исследования, применяемая при осуществлении проекта ОСУ, включала в себя множество процедур. Для сбора необходимых материалов применялся разнообразный инструментарий, при использовании которого формировалось два массива информации. Во-первых – информация о среде, отражающей поселенческие и социальные условия образа жизни; во-вторых – данные, характеризующие сам образ жизни, в том числе поведение социально-этнических групп населения республики. Статистически представительный массовый опрос в разных группах, предусмотренный программой исследования, составлял исключительную новизну и ценность исследования.

Важнейшим методическим инструментарием, использованным в исследовании, был общий для всех социальных и национальных групп населения опросный лист – «сквозной» для города и села. Помимо общего блока вопросов были введены специальные блоки для горожан, сельских

жителей и отдельных групп интеллигенции. «Сюжетные» блоки включали вопросы демографии, социального статуса, образования, межличностных национальных отношений, трудовые характеристики, вопросы по семье и быту, духовной культуре, языку; давалась общая характеристика поселения и др.

Во всех республиках исследование проводилось по принципиально единой программе. Позже по сходной программе были также проведены обследования в Армянской ССР, Киргизской ССР, в ряде автономных республик – в Карельской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, позднее – в Саратове, в Калининской (Тверской) области, Краснодарском крае. При этом любые дополнения, вызванные спецификой отдельных исследуемых республик или регионов, делались таким образом, чтобы не нарушить принципов строгой сопоставимости полученных материалов. На всех этапах исследования вопросник модернизировался таким образом, чтобы отразить своеобразие исторического и культурного опыта, различную степень урбанизации, индустриализации и различную длительность культурных контактов в пределах СССР. В итоге были собраны два массива данных: информация о среде, отражающая социально-культурные условия жизни, и материалы, характеризующие поведение социально-этнических групп населения. Напомним, что первый цикл исследований по программе ОСУ проводился в России, Эстонии, Грузии, Молдавии, Узбекистане. Предметом исследования выступала оптимизация социально-культурных процессов, целесообразного сочетания общего и индивидуального во всех сферах жизни не только молдаван, но и других, наиболее многочисленных национальных групп – русских, украинцев, гагаузов. Материалы исследования были опубликованы в 1980 г. в книге «Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР)». Это результат коллективного труда московских авторов-сотрудников АН ССР Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, М.Г. Панкратовой, В.С. Кондратьева, А.А. Сусоколова, И.А. Субботиной, Л.В. Остапенко, В.К. Мальковой, В.Н. Шамшурова, В.А. Большакова, С.С. Савоскула, Л.А. Тульцевой, а также сотрудников Академии наук Молдавской ССР В.С. Зеленчука, Р.В. Даниленко и др.

Помимо Молдавии, объектами всех последующих повторных (панельных) исследований по программам ОСУ, проводившихся с середины 1980-х годов, стали Россия, Эстония, Грузия, Узбекистан. Крайне важно отметить, что комплексные исследования по программе ОСУ проводились отечественными этносоциологами за минувшие десятилетия с семи-восьмилетними интервалами трижды в одних и тех же в сначала – советских республиках, а в постсоветский период – в независимых государст-

вах: Российской Федерации, Эстонии, Молдове, Грузии и Узбекистане. При этом всякий раз обязательно соблюдался принцип строгой сопоставимости полученных материалов. Требования сопоставимости данных различных циклов диктовали необходимость строгого совпадения инструментариев. В то же время насущные потребности развития общества и, прежде всего изменения, происходившие в стране, ставили перед этносоциологами новые задачи. Прежде всего, это – достижение максимальной адекватности инструментария проблемам стремительно протекающих в обществе перемен, чтобы зафиксировать этносоциальный срез изменений, которые произошли в жизни советского и постсоветского общества за весь период исследований. В результате были получены уникальные данные, представляющие собой банк социологической информации с лонгитудом почти в четверть века. Методическое обоснование проекта ОСУ и его научные результаты нашли освещение в ряде коллективных научных монографий (Арутюнян 1978, 1979; Арутюнян и др. 1984, 1986; Арутюнян, Дробижева 1987; Бромлей 1977; Губогло 1979, 1984, 1989; Дробижева и др. 1981; Кахк 1980).

Проведение широкомасштабных комплексных исследований обычно сопровождается большими сложностями. Во-первых, задача обеспечения комплексности требует серьезной финансовой поддержки и долгосрочных исследований в масштабах всей страны. Во-вторых, обеспечивать такие исследования должен крупный коллектив исследователей, имеющих одну научную школу. В-третьих, говорить о динамике социальных процессов в различных этнических средах можно, лишь опираясь на результаты серий замеров, проводимых в разное время по сопоставимым методикам. На данном этапе развития этносоциологии все эти задачи оказались выполненными.

Удачному проведению комплексных исследований, в частности, способствовало то, что они не только хорошо финансировались за счет бюджетных средств, но и имели разные формы поддержки со стороны партийных и правительственных органов. Хотя и тут на всех этапах работы, начиная с подготовительного, не обходилось без сложностей. Как пишет С.С. Савоскул, «помимо научной подготовки – составлений исследования, инструментария для полевой работы и пр., перед каждой экспедицией секторским (сектор ИЭ АН СССР - Г.К.) начальством (прежде всего самим Арутюняном) проводилась большая организационная работа. Прежде всего, в каждой из намеченных для обследования союзных республик и в регионах России нужно было найти ученых, достаточно весомых в местных научных и партийных кругах, готовых участвовать в нашем проекте, начиная от организации полевых исследований до напи-

сания на их основе научных работ и участия в редактировании будущих монографий. При этом одной из наиболее сложных проблем, насколько я понимаю, была необходимость получить согласие республиканских (краевых/областных – в РСФСР) партийных руководителей на проведение исследования в «их епархии». Кстати говоря, здесь случались и срывы. Помнится, в начале 70-х годов неудачей закончилась попытка получить согласие ленинградского обкома КПСС на проведение опроса в Ленинграде. А про Москву тогда и думать боялись, и впервые столичные жители стали объектом нашего изучения уже во время перестройки. Ничего тогда не вышло и в Киеве, где собирался провести опрос аспирант Юрика Вартановича Толя Шевченко. Но в целом, дипломатические усилия нашего начальства, в которых, очевидно, принимал участие и директор Института (ИЭ АН СССР-ГК.), чаще всего увенчивались успехом, что для нас, рядовых сотрудников, означало поездку в очередную экспедицию» (Савоскул 2008:321).

Все широкомасштабные этносоциологические исследования велись этносоциологами и этнографами ИЭ АН СССР в постоянном сотрудничестве с ведущими учеными, в том числе и этнографами, из союзных республик (Ю.Ю. Кахк, В.И. Пароль, Э.Э. Ранник, В.С. Зеленчук, С.М. Мирхасилов, В. М. Квачахия, Н.И. Стурюа, Р.К. Грдзелидзе, В.Б. Островский и др.). На международной научно-практической конференции в Казани в 2008 году Л.М. Дробижева напомнила о том, как представители высшего эшелона советской власти: М.Ш. Шаймиев, Ф.Х. Мухаметшин (Татария), С. Аминова, В. Чеботарева (Узбекистан), И.П. Калинин (Молдавия) также оказывали всемерную поддержку этносоциологам на самом раннем этапе их работы. Она, в частности, сказала: «Были люди (и нужно всегда помнить об этом – о значении человеческого, социального капитала), которые были мужественными и имели смелость начать новое дело» (Дробижева 2009: 367–368).

Осуществление масштабных исследовательских проектов рассматриваемого периода стало возможным также благодаря удачному решению кадрового вопроса в этносоциологии. К началу 1970-х гг. в Институте этнографии уже сформировался творческий научный коллектив, состоящий из ученых с разным базовым образованием, но прошедших общую школу становления этносоциологии. Многие из них к тому же получали дополнительно второе образование. Для работы в области этносоциологии приглашались выпускники философского, экономического, исторического факультетов МГУ.

Школа этносоциологии также создавалась через аспирантуру ИЭ АН СССР, где ей ежегодно отводилось 20–25 % всех мест. Среди них были

так называемые «целевые места», выделявшиеся специально для представителей отдельных республик. Здесь нелишне напомнить, что первыми аспирантами в секторе конкретно-социологических исследований ИЭ АН СССР были Е.И. Клементьев, Л.В. Остапенко, М.Г. Кумахов, Аустрис Аписитис, Г.М. Трапезников и др. Первым аспирантом, специализирующимся в области этнической психологии, стал в 1974 году И.М. Кузнецов.

В результате большой и кропотливой деятельности этносоциологов и этнографов по созданию профессиональной научной школы во многих союзных и автономных республиках возникли коллективы этносоциологов, участвовавшие как в совместных общесоюзных проектах, так и проводившие собственные исследования. Помимо таких крупных научных центров СССР как Москва, Ленинград, Новосибирск, Казань, на рубеже 1970–80-х гг. в Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане и Киргизии начали работать кадры этносоциологов, обученные в большинстве случаев в Москве и Ленинграде. В Академиях наук Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана были сформированы отделы этносоциологии. В 14 из 16 автономных республик РСФСР также работали этносоциологи, подготовленные в основном в Институте этнографии АН СССР.

Этносоциолог из Кабардино-Балкарии, выпускник аспирантуры ИЭА РАН М.Г. Кумахов так оценивает процесс создания профессиональной этносоциологической школы в СССР в 1970–80-е годы: «Мне представляется, что этносоциология как наука многим обязана этнографии. Буквально все ведущие сектора ИЭ, научно-исследовательские институты союзных и автономных республик СССР быстро включились в новую тематику, начали буквально выращивать молодые кадры. ИЭ выступил мощным стимулятором становления нового научного направления. Принимая молодых людей в аспирантуру из разных союзных и автономных республик, обеспечивая их этносоциальной тематикой, этнографы вносили большой вклад в создание национальных школ этносоциологии, появлений новых ответвлений, становление этносоциологии как науки» (Кумахов 2008:343).

Тувинская исследовательница З.В. Анайбан, рассказывая о том, как в Туве решался вопрос о подготовке местных кадров этносоциологов, пишет: «Несмотря на существовавшие давние научные контакты с новосибирскими учеными, руководство Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) обратилось с просьбой о подготовке специалистов в области этносоциологии в Институт этнографии АН СССР (г. Москва). В результате весной этого же года один из младших научных сотрудников сектора истории и этнографии Тувин-

ского института был направлен на стажировку в сектор конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. Несколько других сотрудников, в основном этнографы, пожелавшие получить дополнительную квалификацию по направлению «этносоциология», осваивали эту область знания, благодаря научным консультациям, полученным во время командировок в ведущие этносоциологические центры Москвы и Новосибирска. И, безусловно, «главным университетом» в постижении данной науки для всех явилось непосредственное их участие в реализации названного этносоциологического исследования в Туве. Таким образом, в 1982 г. при Тувинском научно-исследовательском институте был открыт сектор этносоциологии, который с некоторым перерывом (в начале 90-х он был объединен с сектором истории и этнографии) существует и по сей день. Первым заведующим сектором этносоциологии была к.и.н. Г.А. Забелина. Изначально в секторе работали четыре сотрудника, в том числе два кандидата исторических наук. Надо сказать, что во все последующие годы численность сотрудников сектора существенно не изменялась. В разные годы в секторе работали такие способные и перспективные сотрудники как С.М. Биче-оол, М.С. Байыр-оол, А.Ф. Емельянов, М.С. Кыргыз, Ф.И. Магкоева, С.Ю. Смирнова, О.М. Хомушку и др.» (Анайбан 2008:244).

Таким образом, методично и целенаправленно велась работа по созданию общесоюзного коллектива исследователей, имеющих одну научную школу и способных обеспечить проведение широкомасштабных этносоциологических обследований. Весьма важным и ценным звеном этого процесса стало, в частности, регулярное проведение общесоюзных этносоциологических научных конференций, семинаров, симпозиумов, разного рода рабочих совещаний, научно-практических школ и т.п. Напомним, что первая научно-практическая этносоциологическая конференция была организована в Кабардино-Балкарии в 1975 году. В мае 1979 г. состоялась первая школа-семинар по этносоциологии, которую организовали и провели представители ИЭ АН СССР и АН Украины. В её работе приняли участие этносоциологи всей страны. С теоретическими докладами выступили: Ю.В. Бромлей «О соотношении этнографии, истории и социологии», Ю.В. Арутюнян «Этносоциология: цели, средства, результаты», Л.М. Дробижева «Методология и некоторые результаты изучения межнациональных отношений», О.И. Шкаратан «Особенности изучения этносоциальной структуры в этносоциологических исследованиях», М.Н. Губогло «Этносоциологическое изучение языковых процессов», И.С. Кон «Сравнительный анализ в различных этнокультурных средах», Ю.Ю. Какх «Опыт этносоциологического анализа нации (по материалам переписи Эс-

тонской ССР)», В.С. Кондратьев «Проблемы выборки в этносоциологических исследованиях».

В последующие годы подобные школы-семинары состоялись в Ереване, Баку, Киеве, Львове, Элисте, Ташкенте, Таллине. В итоге всё это позволило этносоциологам организовать и провести в 1970-1980-е гг. широкомасштабные репрезентативные исследования не только в союзных республиках, но и во всех республиках Урало-Поволжья, в Туве, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Северной Осетии, в других регионах страны.

Постоянный анализ итогов самых разнообразных и многократных исследований по проекту «Оптимизация условий развития и сближения наций в СССР» давал богатый материал для дальнейшего изучения и углубления разнообразной этносоциологической проблематики. Так, этносоциологи все больше укреплялись в своих выводах об устойчивом сохранении традиций в трудовой деятельности многих народов Союза, о трудовых ориентациях молодежи разной этнической принадлежности, о межэтнической трудовой кооперации, о ее позитивных и негативных сторонах. Особое внимание по-прежнему обращалось на сохраняющиеся этнические различия в профессиональных предпочтениях людей и на воздействие приверженности представителей разных национальностей к определенным видам трудовой деятельности на социально-профессиональный состав населения. Напомним, что у истоков этого исследовательского направления стояли Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, О.И. Шкаратан и др. Этнические аспекты трудовой занятости также исследовали Е.И. Клементьев, В.В. Коротеева, А.Б. Насунов, Л.В. Остапенко, А.А. Сусоколов и др. Работы О.И. Шкаратана, выполненные в соавторстве с Ю.В. Бромлеем, раскрывали необходимость исследования этнокультурных условий протекания экономических процессов, значения этнокультурного фактора в производственной жизни общества и заложили представление об этноэкономике как научной субдисциплине (Бромлей, Шкаратан 1983, 1983а). Кандидатская диссертация Л.С. Перепелкина стала первым опытом целенаправленного эмпирического изучения этноэкономической проблематики в отечественной этнографии (Перепелкин 1987).

Под руководством О.И. Шкаратана продолжалось дальнейшее углубленное изучение влияния этнических факторов на модернизационные процессы в городах Татарии, Узбекистана и др. (Шкаратан 1986). В этнокультурной тематике внимание фокусировалось на особенностях этносоциального поведения, процессах модернизации, а также соотношении современных и традиционных элементов в культуре социальных групп,

городских и сельских жителей (Бойко 1973, 1977; Бондарчик и др. 1976, 1980; Губогло 1979; Какх 1974; Савоскул 1978; Григорьева 1981; Дзадзиев 1981; Паин 1983; Асанканов 1984; Шабаев 1988; Омурбеков 1990 и др.).

Вместе с тем, благодаря проведению широкомасштабных репрезентативных исследований, в академический период развития в этносоциологии, наряду с уже сложившейся и ставшей традиционной проблематикой, появился целый комплекс новых исследовательских тем и направлений. Так, очень важной темой в этносоциологии стала проблематика, исследующая сферу межэтнических отношений и этническую идентичность. Ранее уже упоминалось о том, что этносоциологи выделяли и разрабатывали два уровня исследования национальных отношений: институциональный (межреспубликанский) и межгрупповой, межличностный. Отметим, что исследование межгрупповых межэтнических отношений на межличностном уровне проводилось впервые в отечественной науке и, в то же время, было наиболее востребовано мировой научной общественностью. Важно напомнить, что существовавшая в те годы изоляция отечественной науки порождала как её своеобразие (оригинальность советской теории этноса), так и определенный провинциализм. Однако ведущие советские этносоциологи стремились, во-первых, преодолевать оторванность от мировой науки, знакомясь с её идеями не только в виде критики буржуазных теорий, но и в оригинале, и, во-вторых, вносить в неё и свой вклад. В частности, изучение групповых межэтнических отношений стало как раз той тематикой, с которой советская этносоциология входила в мировую науку. Этносоциологи рассматривали межэтнические отношения (как это было принято и в мировой науке тех лет) не только в широком, но и в более узком смысле. В первом значении они изучались при исследовании взаимодействия культур (социально-культурная тематика), а во втором значении (социально-психологическая проблематика) – как межэтнические, межнациональные, или – межгрупповые отношения, проявляющиеся на межличностном уровне. Именно в эти годы в этносоциологии активно велась разработка различных социальных и социально-психологических проблем (Арутюнян и др. 1986; Арутюнян, Дробижева 1981, 1987; Шкаратан 1986; Старовойтова 1987).

В отечественной этносоциологической и этнографической литературе этих лет уже был накоплен значительный опыт исследований проблем этнического самосознания. Его изучение в общественных науках шло в двух взаимосвязанных, но при этом разграниченных планах в зависимости от того, на каком уровне функционирования оно рассматривалось: во-первых, с точки зрения группы, общности в целом: (Ю.В. Бромлей, Р.Ш. Джарылгасинова, В.И. Козлов, М.В. Крюков, П.И. Кушнер, В.В. Пименов,

Б.Ф. Поршнев, С.А. Токарев, К.В. Чистов и др.); а, во-вторых, проявления этнического самосознания исследовались на уровне конкретных личностей (Л.М. Дробижева, И.С. Кон, М.Н. Губогло, Ю.Ю. Кахк, М.Э. Коган, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов, И.М. Кузнецов, Г.У. Кцоева (Солдатова), С.И. Рыжова, И.А. Снежкова, Г.В. Старовойтова, А.А. Сусоколов, Г.В. Заурбекова, А.Р. Аклаев и др.).

Очень популярным направлением этносоциологии рассматриваемого периода стало исследование межэтнических браков. Как известно, эта проблематика в Советском Союзе всегда находилась в центре внимания представителей различных дисциплин: отечественных демографов, социологов, историков, этнографов, этносоциологов. Отмечу, что отечественные исследователи уже в те годы успешно разрабатывали вопросы методики комплексного изучения этнически смешанных браков (Птуха 1971; Першиц 1967; Козенко 1978; Этносоциология 1984: 174–183; Сусоколов 1990: 78–93; Коростелёв 2008). Вот почему Ю.В. Бромлей считал одной из главных задач советских этнографов в те годы – исследование проблемы этнически смешанных браков с учетом достижений отечественных этносоциологов. Исследование межэтнических браков в разных регионах СССР позволило этносоциологам выявить основные теоретические принципы, которые связали отдельные региональные исследования в этой проблематике: взаимосвязь этнической и социальной разнородности межнациональных браков; влияние национального состава этнически смешанных браков на межэтническую трансмиссию культуры, на развитие этнического самосознания и т.д. Этносоциологи (В.Н. Бирин, И.А. Гришаев, В.В. Гриценко, Е.А. Галкина, С.И. Каракеева, Л.А. Кузмицкайте, М.М. Магомедханов, Й.А. Мардоса, Р.Н. Мусина, А.В. Орлов, М.Г. Панкратова, А.П. Пономарев, Л.И. Семёнова (Занкеева), А.А. Сусоколов и др.) находили в этой проблематике свой аспект. В их поле зрения оказывались этнические традиции, влияющие на состав семьи и внутрисемейные отношения, а также характер влияния специфически этнических отношений на социальную мобильность, распределение ролей в семье и т.д. (Дробижева 1986; Сусоколов 1987).

Исследования этноязыковых процессов в 1970-80-е гг. по-прежнему оставались одним из важных направлений этносоциологических исследований, при этом их проблематика расширялась, а исследовательская методика значительно обогащалась. М.Н. Губогло, его ученики и коллеги (З.В. Анайбан, А. Балаев, А.П. Галстян, Я.З.Гарипов, Н.С. Ермакова, Ля Конг, С.Л. Нестерова, И.Г. Югай, Ю.Х. Юлдашбаев и др.) изучали степень влияния на различные факторы (социальное продвижение, мобильность, урбанизационные и, в целом, модернизационные процессы) знания второ-

го (русского) языка представителями народов СССР; выявляли роль школы, армии, этнической среды, контактов людей в различных сферах жизнедеятельности в качестве факторов распространения русского языка как средства межнационального общения, устанавливали потребности населения союзных и автономных республик в школах с тем или иным языком обучения и многие другие научные проблемы (Губогло, 1984).

Важно подчеркнуть, что в результате многочисленных дискуссий в эти годы этносоциологами уже были сформулированы главные методологические принципы этносоциологических исследований: конкретное, комплексное, всестороннее и целостное рассмотрение проблемы в её историческом развитии. «Принципиальным требованием формировавшейся этносоциологии была безусловная обязательность выявления связи и меры взаимодействия, взаимообусловленности социальных и этнических явлений и процессов, что предполагало обязательность их **комплексного системного анализа**. Само собой понятно, что такой анализ не мог не основываться на принятых в конкретной социологии строгих количественных методах. От них зависела реализация исследования на всех стадиях его осуществления, начиная от статистически обоснованной выборки и кончая системным осмыслением итоговых результатов» (Арутюнян 2009:14).

Комплексность как задача-максимум в проведении исследований в 1970-1980-е гг. стимулировала этносоциологов в поиске нестандартных исследовательских подходов. Наиболее актуальными проблемами для них в этот период были: общесоюзная унификация программ по основным исследовательским направлениям и совершенствование системного подхода в изучении этносоциальных процессов. Особое внимание уделялось использованию опыта прикладной социологии в области сбора и обработки информации (методы проверки надежности первичной информации, методы статистико-математической обработки и применения ЭВМ). Напомним, что на первом этапе развития этносоциологии помимо самых разнообразных проблем, сопровождавших этап сбора материалов, очень большие трудности представляла обработка полученных анкет, т.к. она осуществлялась вручную. Московский этносоциолог С.С. Савоскул вспоминает, что «перед тем, как просчитать на ЭВМ (персональных компьютеров тогда не было) результаты опроса, нужно было перенести с анкеты на особый бланк код ответов каждого опрошенного. А только в Молдавии опросили 6 тыс. человек, а всего за годы работы по проекту – не меньше 30 тысяч респондентов. <...> Уже потом с этих бланков коды вводили в ЭВМ. <...> И так после каждой экспедиции месяцами листаешь анкеты и переписываешь складывающиеся цифры на бланки» (Савоскул 2008: 328). Этносоциолог из Сыктывкара Ю.П. Шабаетов пишет о том, как сначала

многочисленные «данные каждой анкеты переносились на миллиметровку, а затем суммировались методом «точкования» (Шабает 2004:281). Эта «занудная» работа в 1970-е гг. занимала у этносоциологов многие месяцы и была весьма трудоемкой (Кондратьев 1986:435; Тульцева 2008:241). И лишь в дальнейшем всё большее распространение стали получать методы формализации, типологизации, квантификации и моделирования.

Стремление рассматривать явления и процессы в исторической перспективе стало характерной чертой этносоциологических исследований второго периода. Важный шаг в этом направлении был сделан теми научными коллективами, которые проводили повторные исследования, сохраняя основной блок вопросов в анкетах с тем, чтобы иметь возможность сравнивать динамику изменений. Ю.В. Арутюнян, напоминая о том, что этносоциологические исследования в союзных республиках СССР – Грузии, Молдавии, Узбекистане, Эстонии, России повторялись трижды с интервалом примерно в 7-8 лет и, обобщая результаты этой работы, делает ряд важных выводов. «Принципиальным, прежде всего, было то, что проект давал возможность раскрыть социальную множественность этнических процессов. Псевдоклассовая структура, которая была в это время принята в нашем обществоведении, конечно никак не могла отвечать требованиям объективного анализа. Такой анализ стал возможен благодаря разработке теории и использованию в исследованиях реальной социально-функциональной, социально-профессиональной структуры этносов. Таким образом, по-новому осмысленная социальная структура вскрывала неоднозначность социально-этнических процессов в обществе, служила средством понимания их взаимосвязи и логики. Использование параметров социальной структуры этносов стало обязательным требованием исследования всех сторон и проявлений этнических процессов тех лет. Именно это давало возможность вскрывать социальную множественность и неоднозначность этнических явлений, выявлять меру их обусловленности и заданность общими социальными параметрами» (Арутюнян 2009:14–15).

Как уже ранее упоминалось, в ходе реализации многочисленных плодотворных исследовательских проектов были созданы банки данных исследований, проведенных по сопоставимым программам (Татарстан, Эстония, Грузия, Узбекистан, Молдова, ряд областных центров РСФСР: 1967–1968, 1971–1976, 1984–1986, 1991–1994 гг. и др.). Их научная ценность бесспорна, т.к. современные методики и технические достижения предоставляют возможность вторичного анализа имеющихся материалов. Данный факт необходимо особо отметить. Накопленный опыт и собранные результаты этносоциологических исследований представляют собой не имеющий аналога в отечественной и мировой практике 25-летний со-

циологический лонгитюд по проблемам межэтнических отношений, причем имеющий не сиюминутный, а фундаментальный характер.

Несомненно, на втором, наиболее благоприятном, этапе своего развития этносоциология проделала серьезное движение по пути сочетания теоретического и эмпирико-методологического компонентов этносоциологического знания. Но всё же разрыв между теоретическим анализом и практикой, между огромным разнообразным материалом, полученным в ходе конкретных исследований, их результатами и их интерпретацией был одной из проблем этносоциологии этого периода. Во многих работах тех лет наблюдался известный отрыв теории от практики: либо добросовестно описывалась эмпирическая информация без серьёзных попыток её теоретического обобщения, либо преподносилась чистая «теория», иллюстрируемая отдельными фактами, подменяющими глубокий анализ всей совокупности данных. Вот почему возможность вторичного анализа данных исследований 1970-1980-х гг. представляет несомненный научный интерес.

В целом же, подводя некоторые итоги, важно отметить, что одним из безусловных достижений этносоциологии стало то, что с одной стороны, она фиксировала и позволяла оценивать этническую специфику механизма общих социальных процессов (в частности, в изменении социальной структуры и мобильности народов, их территориальных перемещений, особенностей экономической и политической жизни), а с другой – помогала понять социальную обусловленность и многовариантность собственно этнических процессов (изменения в культурной и языковой активности народов, в их этническом самосознании и национальных отношениях).

Однако, на общем (в целом благополучном) фоне в отечественной этносоциологии рассматриваемого периода имелись и свои особые проблемы. Наибольшие трудности были связаны с тем, что национальная проблематика в СССР «принадлежала», в первую очередь, представителям научного коммунизма. Этносоциологи находились с ними в постоянном конфликте, т.к. «в отличие от "научных коммунистов", они не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений» (Кон 1993:5). Л.В. Остапенко пишет о том, как «тяжело приходилось исследователям, изучающим современность, интерпретировать собранные эмпирические, в том числе полевые материалы. Им необходимо было, с одной стороны, «вписаться» в общую идеологическую концепцию, иначе книга не будет опубликована (в отличие от докладных записок, где не требовалось особой «завуалированности» действительности), с другой, – донести до читателей достоверные

данные о реальных процессах и явлениях тогдашней жизни» (Остапенко 2006: 57).

Этносоциологи испытывали и «...прямое идеологическое давление. Например, мы не могли опубликовать прямые данные о межэтнических установках населения Эстонии. Мы их публиковали в закодированном виде, в индексах, чтобы нельзя было установить абсолютные числа по социальным и этническим группам. По Грузии были "плохие" данные. Их тоже "камуфлировали", но специалисты могли понять суть. Данные об азербайджанских стереотипах в Армении были столь разительны, что о них вообще нельзя было упомянуть» (Дробижева 2003). И всё же, по мнению Леокадии Михайловны Дробижевой, преувеличивать давление идеологии на этносоциологию тех лет не следует: «Все-таки мы родились уже в другую эпоху, и можно было заниматься своей профессией без страха. Конечно, все наши труды брали "на просмотр". По национальной тематике — почти всегда. Здесь надо было соблюдать определенные правила. Например, для одной своей книги мы нашли рецензента из обкома КПСС, который отметил большое значение работы. Когда в издательстве "Наука" эту книгу остановили, я принесла рецензию, и книжка пошла. Почти всегда находили выход из положения. Так и все делали: сначала выбираешь цитату Ленина, а потом пишешь то, что тебе нужно. Кто-то может интерпретировать это цитатничество как приспособленчество, но в мы в действительности выбирали цитаты, которые помогали рассматривать проблему. <...> Иногда помогало специфическое умение интерпретировать данные. Например, количество желающих обучаться на родном языке и обучающихся на нём не совпадают. Это можно интерпретировать как признак скрытого конфликта, но можно показать и как свидетельство успеха культурного строительства. О социальных и национальных конфликтах можно было думать, но писать было нельзя. Зато мы никогда не говорили о расцвете и сближении наций и народностей: это было прерогативой научного коммунизма. "Расцвет" мы считали ботаническим понятием. В наших работах не было словосочетания "развитой социализм". Аргумент у нас был простой: социализм не может быть "недоразвитый"» (Дробижева 2001).

Сравнительно спокойное существование этносоциологии в СССР обычно объясняют тем, что она развивалась в лоне этнографической науки. Так, западные ученые, отмечали, что в отличие от советских историков, творческий потенциал и научные возможности которых сковывала и ограничивала жесткая зависимость от марксистского подхода к историографии, советские этнографы в своей работе не имели подобных ограничений, т.к. власти рассматривали этнографию как идеологически безопас-

ное поле (Greenfeld 1988:119). Отечественные ученые также подчеркивали, что этнография в 1970–1980-е гг. контролировалась не столь стально, как, например, социология или философия. У этносоциологов «не было и половины тех бед, которые были у других, например, в Институте социологических исследований и в Институте философии. В значительной степени научная и психологическая атмосфера в институтах зависела в те годы от личности руководителя... Неслучайно коллеги из других институтов отмечали, что уровень теоретического мышления, включая и возможность научных дискуссий, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях» (Кон 1993:5). Своеобразным подтверждением слов И.С. Кона служит вывод Александра Архангельского, создавшего в 2010 г. на канале «Культура» цикл телевизионных передач «Отдел», в которых он демонстрирует «господство в 1960–1970-е гг. свободной научной мысли в Институте международного рабочего движения, Институте социальных конкретных исследований, в Институте США и Канады под опекой добрых номенклатурных "царей"». Правда, при этом он оговаривается, что позднее «за подобное господство многим пришлось расплачиваться». Пример тому, в частности, воспоминания К.В. Чистова о том, как происходила подготовка исследования Г.В. Старовойтовой «Этническая группа в современном городе». Он пишет о том, что ее диссертационная тема «была поддержана ученым советом института, однако отдел науки горкома отказался дать разрешение на массовый опрос, как того требовала тема, аргументируя это, кроме всего прочего, тем, что Старовойтова не была членом КПСС. Кроме того, руководству отдела представлялось, что оно само все знает, что нужно знать в сфере межнациональных отношений, и опрос мог, якобы, только привлечь внимание к несуществующей теме» (Чистов, 1999).

Безусловно, этносоциология в рассматриваемый период по-прежнему выполняла социальный заказ господствующей в СССР идеологии. Но хотя это и сдерживало её развитие, оно его не останавливало. Это был, хотя и специфический, чрезвычайно непростой, долгий, но тоже путь познания, неоспоримым итогом которого стали новые научные знания, новые идеи. В любом случае, лучшие научные труды этносоциологов заметно повысили в эти годы интеллектуальный уровень и престиж этнографии, как в СССР, так и за рубежом (Greenfeld 1988; Valsiner 1988; Миронов 2002). Неслучайно ряд зарубежных авторов (Gellner 1975, 1977, 1979; Plotkin & Howe 1985; Voronitsyn 1987) специально привлекали внимание западных ученых к работам таких сотрудников Института этнографии АН СССР как Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева,

И.С. Кон, А.А. Сусоколов, О.И. Шкаратан, отмечая, что «некоторые глубокие теоретические моменты в них представляют особую ценность для социологии» (Greenfeld 1988:119). Известный американский антрополог Марджори Балзер, выступая в роли редактора американской версии коллективного труда Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В.С. Кондратьева, А.А. Сусоколова, подчеркивала сходство советской этносоциологии с теорией и методологией «западной антропологической и социологической литературы» и отмечала, что в 1960-е гг., когда начинались этносоциологические исследования в СССР, учитывая политическую ситуацию того времени, не просто было даже ставить вопрос о необходимости исследования социально-культурной трансформации наций. По ее мнению, «этносоциологические исследования в СССР дали возможность осознать парадоксальное в традиционном понимании обострение национальных чувств в условиях урбанизации и усиления межнациональных контактов» (Ethnology 1988:5–6).

Американская исследовательница Л. Гринфельд, указывая на «многочисленные примеры этносоциологического подхода в советской этнографии», особо подчеркивала, что «Арутюнян и Сусоколов (Арутюнян и Сусоколов 1983) продемонстрировали методологические преимущества совместного исследования социоэкономических и демографических индикаторов в переписях населения с этническими и культурными показателями. Многие другие (советские этносоциологи – Г.К.) провели «этносоциологический» анализ урбанизации, семейных отношений, демографических тенденций, производительности труда, классовой структуры в различных советских республиках» (Greenfeld 1988:120).

Авторитетный американский ученый Ян Вальсинер посвятил специальный раздел своей широко известной книги «Психология развития в Советском Союзе» «этнографическому подходу Кона к развитию ребенка». Высоко оценивая работы И.С. Кона, выполненные в рамках этносоциологии, он писал о том, что этот научный подход, разрабатываемый в ИЭ АН СССР, «более эрудирован, чем его западные аналоги», поскольку «интегрирует историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание», что редко делается в западноевропейской и североамериканской психологии (Valsiner 1988: 306). Вальсинер отмечал, что «интернационально-ориентированное и высоко философски эрудированное мышление, пронизывающее работы Кона, напоминает русские психологические традиции Вагнера, Выготского, Басова и Северцова и очень отличается от стиля мышления, господствовавшего в советской психологии между 1930 и 1970 гг.» (Valsiner 1988: 303–306). Упомянутая выше Лия Гринфельд, описывая примеры этносоциологического

подхода в советской этнографии, также подчеркивает большой научный вклад сотрудника ИЭ АН СССР И.С. Кона, который «в 1983 году предложил и сделал первую теоретическую попытку применить это в исследовании гендерной стратификации» (Greenfeld 1988:120).

Научные достижения и заслуги И.С. Кона в этнографии, этносоциологии, в развитии различных гибридных дисциплин, и в целом, в отечественной науке, до сих пор еще недостаточно оценены. Эта особая страница в истории российской науки еще ждет своего исследователя. Но даже один факт, по словам известного социолога Б.М.Фирсова, имеющий «едва ли не судьбоносное значение для отечественной социологии», дает яркое представление о роли И.С. Кона в становлении отечественной социологии. «Как доктор наук, Игорь Кон имел право выписывать себе через книжный отдел Библиотеки Академии наук СССР несколько иностранных книг в год. Валюты давали мало, но можно было использовать лимит других профессоров, которые зарубежную литературу в первоисточниках не читали, но уступали свой лимит ученым-полиглотам. Кон, обладавший особым чутьем на новое, в числе других книг заказал учебник «Методы социального исследования» американцев У. Гуда и П. Хатта (Goode W.J., Hutt P.K. *Methods in Social Research*. N.Y.: McGraw-Hill, 1952). Важно заметить, что Кон был не единственным ученым-обществоведом, философом, которого научная судьба властно толкала в сторону социологии. С одной стороны, это было непосредственным и естественным продолжением работы эрудированного ученого по истории, социальной философии и философии истории, на которых, строго говоря, возникла в XIX в. социология как новая отрасль социального знания. С другой стороны, такие повороты были связаны с появлением в СССР эмпирических социальных исследований. Заморская книга пришла на имя Кона как раз к открытию ядовской лаборатории. А. Здравомыслов самолично перевел текст учебника на русский язык (копии перевода очень долго ходили по рукам в машинописном виде). Это облегчило старт ядовской лаборатории. Ее сотрудники начали буквально штудировать, постигая в тонкостях и деталях методы и технику эмпирического анализа реальности (Фирсов 2011:234-235).

Далее Б.М.Фирсов пишет: «Никакая наука не может развиваться, не зная собственной истории. К чести первого поколения социологов, они сумели обратить на это особое внимание. Лечение исторической памяти профессионального сообщества от амнезии началось с появления книги "Позитивизм в социологии" [Кон 1964]. Недвусмысленная реакция журналов носила характер настоящего совета социологам обстоятельно проштудировать пионерский труд И. Кона. Построенная на глубоком изучении большого числа зарубежных и отечественных источников, книга de

facto стала одним из первых учебников по курсу истории социологии. <...> Отдел истории социологии, созданный в ИКСИ АН СССР под руководством И. Кона, являл собою удачное, но не столь распространенное сочетание сложившихся ученых и научной молодежи. Подготовленная отделом "История буржуазной социологии XIX–начала XX веков" (1979) стала первым крупным отечественным историко-социологическим исследованием и учебным пособием по этому предмету» (Фирсов 2011:236–237).

В свою очередь, достижения И.С. Кона и советской этнографии детства высоко оценивали многие научные рецензенты – представители различных наук и научных школ, как отечественные, так и зарубежные (Азаров 1984; Комарова, Старовойтова 1985; Субботский 1984; Michalicka 1985; Greenfeld 1988; Valsiner 1988 и др.). Важно напомнить о том, что 1960–1980-е годы характеризовались ростом интереса советских этнографов к теоретическому осмыслению вопросов формирования этнического в культуре. Развитие теории этноса в эти годы привело к формированию представления советских этнографов о двух важнейших типах внутриэтнических связей – синхронных и диахронных. Вслед за лингвистами этнографы полагали, что первые обеспечивают пространственную гомогенность этнической культуры и ее целостность, а вторые – временную преемственность. С точки зрения исторической стабильности этноса второй тип внутриэтнических связей представлялся более существенным и значимым (Арутюнов, Чебоксаров 1972; Алексеев 1980). В этом контексте особенно важная роль отводилась изучению процессов социализации детей в различных обществах. И.С. Кон и его коллеги совершили в эти годы настоящий прорыв в новом для отечественной этнографии междисциплинарном исследовательском направлении – этнографии детства. При этом важно отметить, что подавляющее большинство представителей этого междисциплинарного научного направления, возникшего на стыке этнографии, педагогики, психологии и этносоциологии, составляли профессиональные этнографы, успешно участвовавшие в реализации единой исследовательской программы под руководством И.С. Кона. Подробнее об этом рассказывается в книге «Этнография детства: междисциплинарные исследования» (Комарова: 2010). Труды И.С. Кона и его коллег по этнографии детства (прошу не путать с «этнопедагогикой» – Г.К.) по-прежнему высоко оцениваются зарубежными и отечественными специалистами, утверждающими, что подобное исследовательское направление и ныне остается весьма значимым и перспективным для современной и будущей науки.

В целом, зарубежные ученые, знакомя западное научное сообщество на рубеже 1980–90-х гг. с состоянием наук гуманитарного цикла в СССР, особо выделяли целый ряд важных достижений советских этносоциологов: во-первых, «...они хорошо знали работы западных социологов и использовали их как источник сравнительных данных»; во-вторых, их исследования «содержали массу интересных социографических материалов»; в-третьих, советские этносоциологи, «...в отличие от советских социологов, не просто давали сырые данные, но и старались интерпретировать свои материалы, объяснять их и стремились к пониманию реальности» (Plotkin & Howe 1985; Voronitsyn 1987; Greenfeld 1988; Valsiner 1988 и др.).

Столь высокая оценка достижений советских этносоциологов не только западными коллегами, обычно скупыми на похвалы, но и представителями различных отечественных научных сообществ, наряду с другими выше рассмотренными обстоятельствами, дают полное основание считать второй период развития советской этносоциологии — «академическим».

Глава 4

ГРАНИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОГРАФИИ И ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

*Ученые, как выясняется, испытывают нежную
привязанность к методам собственных областей,
даже если они проводят значительную часть
академической жизни, ворча или критикуя их*
К. Уиссокер

4.1. Опыт взаимного использования методик в научной практике

Процесс становления и развития этнической социологии в СССР шел в постоянном контакте с антропологической историей, социальной и этнической психологией, этнополитологией, этнолингвистикой, этнодемографией и иными междисциплинарными научными направлениями. Но, безусловно, наиболее важной особенностью академического периода развития отечественной этносоциологии стала междисциплинарная интеграция этносоциологов и этнографов. Опыт кооперации этносоциологов с этнографами накапливался, на мой взгляд, прежде всего путем взаимного использования исследовательских методик в научной практике. И это не случайно. Вопрос о соотношении социологии и этнографии (социокультурной антропологии) в истории науки, в том числе и российской, поднимался неоднократно. В 1923 году С.М. Широкогоров писал, что: «социология не сможет встать на твердые ноги до тех пор, пока не обратится в этнографию» (Широкогоров 1923:72). Ровно через полвека Эрнст Геллнер сделал вывод об отсутствии четкой границы между предметами социальной антропологии (этнографии) и социологии (Gellner 1973:107–110). Однако наиболее четко этот вопрос был сформулирован К. Леви-Строссом, который считал, что он состоит не в предмете, а в «ориентации», способе организации данных (Levi-Strauss 1963:25). Исходя из этого, вопрос о соотношении этносоциологии (социологии) и этнографии (этнологии), вообще, и их интеграции и взаимовлияния, в частности, приобретает смысл, если в качестве критерия демаркации при выделении отдельных дисциплин, помимо теоретических традиций, берется метод исследования (как совокупность исследовательских процедур, техника сбора материала и т.п.). В то же время, если теоретические традиции и исследовательские методы, применяемые представителями тех или иных дисциплин, могут маркировать дисциплинарную принадлежность конкретного исследования, то изначально заложенные вопросы анкеты способны опре-

делить характер – этнографический или этносоциологический – будущей работы. Этносоциолог априори создаёт модель объекта исследования перед тем, как делает вопросник.

Все разнообразие исследовательских методов, широко применяемых как этносоциологами/социологами, так и этнографами/этнологами, можно разделить на сравнительно-исторические, количественные и качественные. В связи с этим важно указать на явную условность таких часто используемых в нашем тексте понятий, как «этносоциологические» и «этнографические» методы. Как известно, каждая научная дисциплина, в силу специфических, присущих только ей объекта и предмета исследования, выдвигает свои требования к исследовательским методам, ограничивая или расширяя использование одних, модифицируя в некоторой части процедурное содержание других. Это наблюдение в полной мере можно отнести, например, к практике применения в советской этнографии различных этносоциологических методик, в частности выборочного метода.

Справедливости ради следует отметить, что использование статистических данных в отечественной этнографии имеет давнюю историю. Ещё в 1927 году С.П. Толстов ратовал за применение статистических методов при исследовании народного жилища (Толстов 1927). В дальнейшем этнографы в своих работах неоднократно пытались характеризовать изучаемые явления с количественной стороны (Маторин 1934; Абузов 1935). Например, в Чувашии в 1930-е гг. активно работала Комплексная экспедиция, изучавшая социально-культурное состояние деревень Чувашии методом анкетного опроса. Чувашские ученые провели в ноябре-декабре 1933 г. массовое обследование населения 21 деревни (23 032 чел.) в 18 районах Чувашии (Кузнецов, Кутяшов 1934). Материалы обследования 1933 г. в дальнейшем послужили основой для лонгитюдного изучения культуры и быта сельского населения Чувашской АССР в тех же населенных пунктах в 1960, 1970 и в 1980-м гг. (Иванов и др. 1987).

П.И. Кушнер (Кнышев) был одним из первых в послевоенный период, кто привлек внимание этнографов к необходимости использовать статистический материал для изучения процессов, происходящих в колхозной семье. Под руководством П.И. Кушнера были осуществлены крупные коллективные работы: монография «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и историко-этнографический атлас «Русские». Разрабатывая методологию исследования современного быта колхозного крестьянства, современной семьи, принципы картографирования и составления историко-этнографических атласов, Кушнер пропагандировал и внедрял в экспедиционную практику анкетирование и исследование семейных бюджетов (Алымов 2006:212). Разработанной им посемейной анкетой пользовались

многие отечественные этнографы. Разнообразие процессов, исследование которых проводилось на больших группах населения, стало причиной того, что использование различных вопросников и анкет стало широко вводиться в практику работы полевых этнографов уже в начале 1950-х годов. Этот факт в 1956 г. отмечали Т.А. Жданко, В.Ю. Крупянская, Л.Н. Терентьева (Жданко и др. 1956:30), а в 1966 году Л.А. Анохина и М.Н. Шмелева поделились опытом анкетирования населения городов Центральной России (Анохина и др. 1966: 63–66). Вслед за П.И. Кушнером этнографы пришли к выводу о том, что этнографическое изучение современности требует «широкого привлечения статистики, применения сплошных посемейных анкетных обследований, изучения бюджетов колхозных хозяйств» (Жданко и др. 1956:30).

Таким образом, особое внимание на использование количественных (статистических) методов советские этнографы обратили в 1950-1960-е годы. И одним из ярчайших среди них был этнограф и антрополог М.В. Витов (1923–1968), много сделавший в области исторической этнографии и этнической антропологии. В 1950-е годы он руководил экспедицией, изучавшей этнографические особенности и антропологический состав севернорусского населения и его соседей. М.В. Витов при участии Т.В. Пучковой (Лукьянченко) создал специальный бланк – анкету для фиксации материалов по народному жилищу («Бланк по народному жилищу»). Материалы экспедиции, собранные по единой методике в разнотнической среде на одно и то же время, носили характер сплошного в территориальном отношении описания с учетом количественных характеристик. И в своей научной деятельности, и в экспедиционной практике, и в лекциях для студентов истфака МГУ М.В. Витов постоянно и последовательно стремился «ввести Число в этнографию» и призывал к этому своих коллег. Очень важной заслугой М.В. Витова в отечественной этнографии и антропологии явился разработанный им метод обработки статистических материалов и составление на их основе оригинальных картосхем. Основными принципами его метода были определение географии изучаемых явлений, установление их таксономической ценности, нанесение обработанных данных на карты специальными техническими средствами, затем анализ картографического материала, заключительным этапом которого становилась типология форм народной культуры или антропологическая классификация. М.В. Витов доказал, что метод этнографического и антропологического картографирования не иллюстративный прием, а способ исследования, ибо он предполагает анализ и синтез материалов, положенных в основу исследования. М.В. Витов явился создате-

лем целой школы и новых направлений в науке, которые в 1960-80-е гг. развивали далее его ученики.

Обращаясь к истории, необходимо назвать имена таких исследователей как И.В. Власова, Ю.В. Гагарин, О.А. Ганцкая, В.Ю. Крупянская, Т.В. Лукьянченко, Л.Ф. Моногарова, В.В. Пименов, А.Е. Панян (Тер-Саркисянц), С.Б. Рождественская, Л.Н. Терентьева, Л.Н. Чижикова, М.Н. Шмелева и многие другие, кто, наряду с традиционными этнографическими методами изучения материальной и духовной культуры, использовал статистические материалы для учета и характеристики количественной стороны изучаемых явлений. Особенно активно подобное стремление проявилось в деятельности участников Всесоюзной комплексной экспедиции по изучению современности в 1950-60-е гг. (Бромлей 1981:114–151). Оно нашло отражение в широко известных работах отечественных этнографов: П.И. Кушнера, В.Ю. Крупянской, Л.А. Анохиной, О.Р. Будины, Т.А. Жданко, Н.С. Полищук, М.Н. Шмелёвой, Н.В. Юхневой и др.

Однако, хотя в подобных работах статистические данные уже занимали существенное место, но их применение носило скорее иллюстративный характер. В.Р. Кабо, указывая на «методическую беспомощность советских этнографов, которые в 1960-е годы взялись за совсем несвойственное, чуждое им дело – изучение рабочего класса и колхозного крестьянства», утверждает, что его совместная статья о методологической роли статистического метода в этнографических исследованиях (Кабо Е.О., Кабо, В.Р.1964) была ими отвергнута. «Этнографы так и не решились ее напечатать – статистическая методология, единственно возможная при изучении массовых социальных явлений, была им непонятна и не нужна. Статья вышла в философском журнале» (Кабо 2008:34–35).

И действительно, использование собственно количественных (статистических) методов в советской этнографии началось лишь на рубеже 1960-70-х гг. и, прежде всего, под влиянием этносоциологии. Этот процесс происходил постепенно, и в нем можно выделить, по крайней мере, два этапа. На первом этапе развития этого процесса целый ряд советских этнографов (Ш. Аннаклычев, Ю.В. Аргудяева, К.Д. Басаева, Ю.В. Гагарин, О.А. Ганцкая, А. Даниляускас, В.Т. Зинич, Л.А. Ефремова, В.Ю. Крупянская, С.А. Макаrchук, С.М. Мирхасилов, Л.Ф. Моногарова, А.С. Морозова, А.Е. Панян (Тер-Саркисянц), Т.И. Сорока, Л.Н. Терентьева, П.П. Фокин, М.Н. Шмелёва и др.) обращались в своих исследованиях к массовым источникам, получая их в ходе полевой работы с помощью анкет, интервью и другого инструментария, но, не ставя при этом перед собой задачу строгой представительности первичной информации.

Затем, когда в рамках новой дисциплины – этносоциологии – стал широко применяться собственно выборочный метод, многие советские этнографы (Г.П. Белорукова, В.Н. Белявина, В.И. Бойко, В.К. Бондарчик, Д.Г. Брагина, И.Н. Браим, В.Ф. Вавилин, У.А. Винокурова, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, Э.-Б.М. Гучинова, А.Б. Дзадзиев, З.И. Етоева (Строгальщикова), В.П. Иванов, Д.М. Исхаков, П.П. Кальнюс, Г.А. Комарова, Г.Б. Матвеев, Н.Ф. Мокшин, А.Е. Пахутов, И.Г. Петров, В.Ф. Разживин, М.Б. Рогачев, Г.Р. Столярова, Н.А. Томилов, Е.Я. Трофимова, Р.К. Уразманова, Л.С. Христюлова, Т.П. Федянович, Д.Д. Шалхаков, Н.С. Шалеев, В.Д. Шаров, Н.И. Шатинова, Г.К. Шкляев, М.Я. Эндзеле и др.) широко использовали его в своих исследованиях, успешно решая тем самым проблему представительности данных в массовых этнографических обследованиях.

Нелишне также напомнить, что и нынешний директор ИЭА РАН академик В.А. Тишков был «пионером» применения статистического метода в научных исследованиях. В одной из своих ранних монографий («История и историки в США») он одним из первых применил очень важную новаторскую для российских историографических исследований инновацию – обработку и выстраивание статистических данных при помощи ЭВМ. Интерес к новой методике у В.А. Тишкова возник не без влияния основателя отечественной школы применения количественных методов в исторической науке академика И.Д. Ковальченко. «Альянс двух исследователей, обладавших незаурядными организаторскими способностями, поспособствовал реальной подвижке в освоении отечественной историографией, как количественных методов исследования, так и междисциплинарной методологии в целом. Речь, в первую очередь, должна идти об установлении ими самых тесных связей со школой американской клиометрии. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишков были инициаторами и организаторами серии коллоквиумов отечественных и американских клиометристов, которые, с учетом того, что американские исследователи обратились к использованию новой методики раньше и обладали большим опытом, оказались для отечественных историков в высшей степени полезны» (Согрин 2011: 6-7).

Важно подчеркнуть, что уже в годы становления этносоциологии её методики не только начали «...проникать и в «собственно» этнографические исследования современности» (Бромлей 1973: 251), но и оказали плодотворное воздействие на их дальнейшее развитие. Поступательное развитие этносоциологии и дальнейшая кооперация этносоциологических и этнографических научных исследований потребовали в 1970-80-е гг. совершенствования методик сбора и обработки массовых данных. Этносо-

циология, адаптировав совокупность социологических методов, сыграла в этом процессе роль передаточного звена этих методик из социологии в этнографию.

Рассмотрим примеры кооперации этносоциологов с этнографами в сфере взаимного использования исследовательских методик в научной практике. Но, прежде всего, отметим, что практика междисциплинарного использования различных исследовательских методик этнографами и этносоциологами носила двухсторонний характер. С первых своих шагов этносоциологи, постоянно шлифуя собственные этносоциологические методы, в своей научной деятельности в дополнение к исследовательским методикам, разработанным в социологии, психологии, статистике, демографии и т.д., постоянно обращались к традиционным этнографическим методам, что было закономерно и обусловлено их исследовательскими задачами. Неслучайно Ю.В. Бромлей настаивал на том, «чтобы этносоциология ни в коем случае не сводилась к изучению просто социальных параметров наций (без корреляции с этническими факторами), это будет уже просто конкретная социология» (Бромлей 1987:162).

Исследования в этносоциологии всегда базировались на широкой источниковедческой базе, позволявшей получить целостное представление о предмете этносоциологических исследований, а именно – о системной взаимосвязи социальных и этнических явлений и процессов. Вот почему, начиная со своих первых крупных проектов, этносоциологи выделяли две стратегические линии исследований – изучение социальных процессов в различных этнических средах и этнокультурных процессов в их социальном разнообразии. Как отмечал Ю.В. Арутюнян, «судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов, изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это скорее проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь, внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» (Арутюнян 1986:4). Подобные задачи, стоящие перед этносоциологами при проведении комплексных исследований, постоянно стимулировали их в поисках нестандартных исследовательских подходов.

Например, этносоциологи в своих исследованиях, помимо количественных методов опроса (анкетирование и интервьюирование), всё чаще использовали этнографические (качественные) методы, в том числе неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью.

Традиционные для этнографии приемы сбора информации они применяли на первых этапах своих исследований с целью предварительного обследования изучаемого объекта, что позволяло выбрать и поставить проблемы для представительного статистико-этнологического исследования, выдвинуть новые гипотезы, поставить новые и корректировать прежние задачи, которые могли быть решены при повторном исследовании и т.д.

«Этносоциологи применяют отнюдь не только опросные – интервьюирование и анкетирование, – но и гибкие (или как их иначе называют – качественные) методы: глубинные проблемно-ориентированные, полуструктурированные интервью, контент-анализ текстов, участвующее изучение социальных связей, в том числе включенные наблюдения. При этом включенным наблюдением в социологии называется не просто полевое наблюдение, как это может быть у этнографов, когда они, например, фиксируют систему отношений между мужчинами и женщинами, старшими и молодыми, ассортимент товаров на рынках и т.п. Включенным в социологии в строгом смысле слова считается такое наблюдение, при котором исследователь вступает в сетевые отношения с социальными акторами на объекте изучения, например, работает в цехе, исследуя трудовые отношения, или на торговых точках вместе с мигрантами, изучая наличие этнической мотивации в производственных отношениях. Отметим при этом, что под «включенным наблюдением» в этносоциологии (в отличие от этнографии) считается, «если исследователь вступает в сетевые отношения социальных акторов на объекте исследования» (Дробижева 2004:16). Ведущие отечественные этносоциологи постоянно напоминают о том, что «применение количественных методов не есть показатель того, что данное исследование надо обязательно отнести к этносоциологическому. Также и использование технических методов, например, опроса или наблюдения, ещё не дает основания отнести конкретное исследование к этносоциологическому или этнографическому. Четкий анализ методологического подхода и методов исследования, примененных в конкретной работе, дает основание отнести её к этнографическому или этносоциологическому исследованию» (Дробижева 1976: 73).

Наиболее творчески настроенные этнографы, понимая, что возможности количественных методов не исчерпываются простым привлечением массовых данных или использованием методов изучения статистических связей, корреляционного анализа и другой техники, уже вошедшей в их употребление, не ограничивались уже накопленным методическим капиталом. Вслед за этносоциологами, они вели разработку новых для них методов, необходимых для более углубленной интерпретации массовых данных и нацеленных не только на статистическую представительность,

но и на глубину понимания отдельных ситуаций. По мере возможностей, этнографы вносили свой вклад в комплексное использование количественных и качественных методов исследований, в разработку математических методов анализа эмпирических данных (латентный анализ, вторичный анализ, контент-анализ и др.). Например, с целью экспериментальной проверки метода экспертных оценок ещё в 1973 г. в Удмуртской и Мордовской АССР параллельно с массовым обследованием населения этнографы проводили опрос экспертов (Христолюбова 1985). Как известно, этнографы в своей практике и ранее постоянно обращались к мнению некоторых своих наиболее компетентных информаторов (обычно из среды местной сельской интеллигенции) по поводу изучаемых объектов или процессов. Но эти оценки были случайными, никак не упорядочивались и специально не обрабатывались. На материалах удмуртского и мордовского обследований этнографы, вслед за этносоциологами, использовали метод экспертных оценок в этнографии на качественно новом уровне. В 1973 г. с целью экспериментальной проверки возможности применения этого метода в этнографии Л.С. Христолюбова одной из первых среди коллег провела опрос экспертов в Удмуртской АССР, где к тому времени имелся массовый сравнительный материал статистико-этнографического обследования удмуртского населения, проведенного в 1968 году. Исследование Л.С. Христолюбовой носило характер методического эксперимента, основной задачей которого было установление совпадения (или несовпадения) ответов экспертов с данными массового обследования. Поэтому экспертный вопросник составлялся на основе вопросника, по которому проводилось массовое обследование удмуртов в 1968 г. В последующие годы этнографы Л.С. Христолюбова, В.Н. Петров, С.К. Жидкова, А.П. Филиппов и др. использовали метод экспертных оценок в исследованиях других регионов Урало-Поволжья (Мордовия, Чувашия и т.д.). По их мнению, метод экспертных оценок позволял выявить общие тенденции и закономерности современных этнических процессов, их типологии, характеристики соотношения тенденций развития разных народов и т.д. Помимо того, этнографы рассматривали экспертные оценки как базу «для научно обоснованного планирования и организации массовых обследований: определения объектов (представителей типов), программ и проблематики обследований» (Христолюбова 1985:52). Они считали, что «применение экспертных оценок в этнографической науке может открыть широкие перспективы. Эксперт в состоянии сообщить информацию об этносе, его отдельных сторонах и элементах, высказать соображения о его будущем состоянии, уловить тенденции протекания этнических процессов» (Пименов 1984: 85)

В этносоциологии достаточно давно возникла традиция использования методов контент-анализа (качественно-количественного анализа содержания массовых однотипных документов) периодической прессы, художественной литературы, других изданий, в том числе выходящих и на национальных языках, с целью изучения информационного поля развития этнического самосознания и межнациональных отношений. Вслед за этносоциологами Л.М. Дробижевой, М. Лауристин, В.К. Мальковой, широко применявшими контент-анализ в своих исследованиях, этнографы начали использовать этот метод в своих работах, прежде всего при анализе материалов СМИ. Они высоко оценили возможность применения контент-анализа для перевода и информации нарративных источников в количественную форму и её дальнейшего статистического анализа (Кондратьев 1985:7). Напомним, что контент-анализ является специальным методом формализации и измерения качественных признаков нарративных источников, основанным на частотных, классификационных преобразованиях и может быть применен по отношению, как к массовым, так и индивидуальным обширным нарративным документам (Методы количественного анализа 1983; Количественные методы 1984; Бородкин 1986; Ковальченко 1987). На первом этапе подобного исследования выделяются признаки, данные по которым содержатся в источниках многократно. После кодировки качественных признаков производится подсчет частоты их встречаемости в документах. Для выявления связей между признаками, содержащимися в общем массиве документов, характера и уровня их взаимной зависимости, может быть вычислен коэффициент корреляции (сопряженности). С целью выведения конкретных характеристик индивидов или систем в ходе проведения контент-анализа целесообразно сформировать необходимое количество категорий идей и представлений, которые затем могут быть обобщены и суммированы. Это может служить основанием для выводов о существовании определенных социальных ролей или идеологических систем, а также позволит не только объяснить, но и предсказать социальное поведение индивидов.

Обращение этносоциологов к проблеме этничности в связи с деятельностью СМИ стало для отечественных этнографов в этот период новаторским и весьма перспективным. Дело в том, что хотя в 1960-е гг. в этнографической литературе уже имелись отдельные работы, в частности С.А. Токарева, О.Р. Будины и др., рассматривавшие периодическую печать как этнографический источник, но широкие специализированные исследования в этой области начались именно в этносоциологии в 1970-х гг. В дальнейшем подобное исследовательское направление расширилось и приобрело не только научную, но и большую научно-практическую на-

правленность (Малькова 2006). Методика контент-анализа, при которой принимается во внимание частота появления конкретных фраз, концептов, идей и вербальных символов, успешно применялась и применяется ныне при анализе проблем, связанных с идеологией и пропагандой. Особенно активно ее использовали те исследователи, в том числе и этнографы, которые обратились к этнополитической проблематике, получившей большое распространение с начала 1990-х гг., что в свою очередь, вызвало обновление комплексной проблематики и тематическое взаимообогащение их исследовательского поля.

Напомню, что в 1960-80-х гг. многие советские этнографы воспринимали этносоциологию, как простую попытку соединить этнографию с социологическим методом, рассматривая «преобладание количественного методического инструментария над классическими приемами описательной антропологии» особенностью механического слияния этнографии и социологии. К сожалению, и по сей день, этносоциология часто противопоставляется этнографии. При этом, считая одной из причин кризиса отечественной этнографии – «увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии)», оппоненты этносоциологии, понимают под «социологическими» лишь строго формализованные методы сбора эмпирической информации. Безусловно, что при использовании любых исследовательских методик, как этносоциологических, так и этнографических, в научной практике проявляются не только их несомненные достоинства, но и определенные минусы. Так, этнографические методы позволяют исследовать то, что недоступно количественным методам, например, выявить типичное в уникальном; установить скрытые смыслы и т.д. Они эффективны при изучении групп, организаций и субкультур, делая доступными те стороны их жизни, которые не могут быть исследованы с помощью количественных подходов. Сегодня этнографический метод с применением глубинного интервью и открытого включенного наблюдения широко используются для изучения современной городской жизни, крестьянства, неформальных групп, религиозной жизни, промышленных организаций и т.д. Наряду с этим результаты, полученные путем использования только этнографических методов, нельзя распространять на всю генеральную совокупность. Пользуясь только ими, сложно показать различия, дать сравнительный анализ, выявить динамику изучаемых явлений и процессов и т.д. Когда возникает необходимость показать количественные различия между артикулированными мнениями по вопросам, хорошо осознаваемым данным сообществом, применение опросных процедур представляется предпочтительным.

В мои задачи не входит обсуждение современных методик этносоциологических и этнологических исследований, а также различий в их предмете и методологии. Но нельзя не отметить, что сегодня методология фактически во всех научных дисциплинах чаще всего междисциплинарна. Однако, обращаясь к ней, важно не допускать прямого перенесения терминов, слепого заимствования методов и способов получения знаний, существующих в одной науке на специфику другого научного направления, необходимо всячески избегать попытки некритического компилятивного подхода и грубых операций переноса объяснительных моделей из одной науки в другую.

По мнению В.А. Тишкова, «этнографический метод (включенное наблюдение, историко-архивные изыскания, опросно-социологический анализ малых сообществ) остается по-прежнему «торговой маркой» нашей науки и отличает её от других дисциплин» (Тишков 2003а:4). Вместе с тем совершенно очевидно, что и в наши дни при решении любой исследовательской задачи необходимо разумное сочетание и профессиональное использование различных методов на всех этапах как этносоциологического, так и этнографического исследования. Только таким способом, соблюдая все необходимые условия обеспечения целостности исследовательского процесса, можно достичь качественных научных результатов. Проблема исследователя состоит даже не в умении и способности перехода с микроуровня, отражаемого в «качественных» исследованиях, на макроуровень, освещаемый «количественниками», а в их грамотном профессиональном сочетании. На вопрос «как этого достичь?», у каждого исследователя, имеющего свою исследовательскую «кухню», свой научный опыт, найдется свой ответ.

Например, Теодор Шанин считает, что «качественное и количественное исследования представляют собой различные методологические фокусы изучения одного и того же предмета, его различные срезы. Они могут накладываться, соединяться и перекликаться, выбор принадлежит здесь исследователю и определяется репертуаром его вопросов. Абстрактные споры о том, какой метод лучше, обычно не способствуют развитию научного знания» (Шанин 2010). Своему читателю он предлагает «методологию двойной рефлексивности», ядро которой включает несколько взаимосвязанных теоретических концепций: качественную методологию, качественно-количественный интерфейс и двойную рефлексивность. Для осуществления этих концепций в полевом исследовании, по мнению Т. Шанина, особенно значимы интерактивность наблюдения, связанная с вживанием в изучаемое сообщество, глубокое интервью с помощью полуструктурированных опросников, а также метод коллективной интеллекту-

альной поддержки, который был назван "длинный стол" (по месту встреч исследователей). Речь идет не столько о технических приемах, сколько о сочетании теории, стратегии и стиля коллективной исследовательской работы. Важной частью этой работы было постоянное стремление к методологическим усовершенствованиям и новым организационным формам. Хотя в процессе исследования частные аспекты методологии менялись, ее фундаментальные предпосылки и исследовательская стратегия оставались вполне определенными и выдержали проверку многолетним исследовательским опытом (Шанин 1999).

4.2. Специфика интердисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов

Абсолютно правы те, кто считает, что этносоциологи начинали не с пустого места: они опирались на совершенно определенные институциональные правила, используя этику, методологию, аппарат, разработанный в одной области, для новой области научных исследований. И все же в годы становления нового междисциплинарного направления его основатели очень многое делали впервые, самостоятельно начиная новое дело. Ученые, назвавшие себя "этносоциологами", как правило, имели этнографическое, философское, историческое, экономическое образование, не обладая при этом специальной подготовкой в области социологии. Они не были знакомы с теоретическими концепциями зарубежных социологов, не знали основных правил, методов сбора эмпирических данных, не владели приемами математической обработки информации. Особенно трудно приходилось «первопроходцам». Пусть уже и опытным, уже сложившимся «традиционным» исследователям (этнографам, социологам, психологам, историкам и т.д.), всем тем, кто должен был переучиваться, заниматься самообразованием, овладевая в «рабочем порядке» новыми знаниями, новаторскими методиками, научными подходами. Естественно, что этот процесс происходил не без проблем и постоянно выдвигал перед исследователем неизведанные специфические задачи, о которых, на мой взгляд, будет нелишне напомнить читателю, особенно молодому начинающему исследователю.

Например, советскому этнографу, желающему (в отличие от подавляющего большинства своих коллег) использовать в 1960–1980-х гг., достижения этносоциологии (новаторские методики, научный аппарат и т.д.) в своей работе, необходимо было, прежде всего, осознать, что для этносоциолога в его исследовании является основополагающим требованием, — осуществление комплексного подхода. Это означало учет особенностей не

только изучаемой микросреды, но и специфику мезо- и макросреды: конкретную обстановку в исследуемом районе, этнокультурную специфику контактирующих групп и уровень их общения (теоретическую вероятность контактов и характер расселения), различия по типу городов и сел, их этническому составу, специфику производственных коллективов, типы семьи и т.д., а также – социально-политических и экономических условий в стране, республике, регионе и т.п.

Этнограф по своему университетскому образованию, проработавший в этносоциологии около сорока лет, д.и.н. С.С. Савоскул вспоминает о том, как в конце 1960-х гг. начиналось его знакомство с этносоциологией в Секторе конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР ИЭ АН СССР «с черновой работы, с социологической кухни, где тогда только начинало вариться конкретно-социологическое знание, как его тогда определяли зачинатели нашей социологии». Он пишет: «Практически никакого знания социологии у меня и, думаю, что и у других сотрудников сектора (за исключением, Арутюняна, неплохо знакомого с западной социологической литературой) в ту пору не было. Да и откуда ему было взяться – в университете нам ее не преподавали, ни учебников, ни специальных курсов, ни кафедр, не говоря уже о социологических факультетах, в стране еще не было. Отцы-основатели нашей тогдашней социологии были по существу самоучками. И пришедшие вслед за ними в социологию молодые сотрудники и аспиранты по большей части учились ремеслу на практике вместе со своими руководителями» (Савоскул 2008:317–318).

О непростом пути самообучения и постоянного профессионального самосовершенствования отечественных этносоциологов рассказывает также и Л.М. Дробижева: «Изменения произошли, когда я стала более активно заниматься изучением современной западной литературы и общаться с западными специалистами. Началось мое очередное самообучение. Первое самообучение было связано для меня с освоением социологии, второе – это математика (пришлось курс высшей математики пройти, чтобы общаться с нашими специалистами), потом психологию изучала. <...> Когда открылись возможности профессионального общения с западными специалистами, я была вынуждена изучать национальную проблематику по новому для себя кругу источников. Сегодня иным способом невозможно поддерживать профессионализм. Разумеется, теоретический кругозор изменяется не только количественно, но и качественно. Я всегда находилась в процессе самообучения» (Дробижева 2001).

Постоянный процесс самообучения был, впрочем, типичным явлением для авангарда советской социологии. Известный отечественный со-

циолог Б.М. Фирсов отмечает, что «общим свойством первопроходцев-энтузиастов социологического знания в конце 1950-х гг. было отсутствие профессиональной социологической подготовки» (Фирсов 2011:234). И далее в качестве примера он ссылается на воспоминания В. Ядова, обнаружившего в английской газете *Times* свое интервью под заголовком “Self-made sociologist”: «Сначала я решил, что это обидно – “самоучка в социологии”. А потом вник в семантику английского и понял, что это скорее комплимент и речь идет о человеке, который сам себя сделал таким, какой есть. Значит, наше поколение не должно стыдиться своей недообразованности. Нас не образовывали в своей профессии» (Российская социология 1999: 61). В своей статье Б.М. Фирсов также делает очень важный вывод: «Процесс самостоятельного освоения опыта современной социологии будет происходить повсеместно. Его качество (результативность) будет зависеть от этоса научной среды. Наиболее продвинутые научные коллективы Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Эстонии добивались того, чтобы студенты, аспиранты и научные сотрудники «с толком читали» зарубежную литературу, изживая губительную привычку ленивого ума – искать интересующие понятия по предметным указателям. Никакая наука не может развиваться, не зная собственной истории. К чести первого поколения социологов, они сумели обратить на это особое внимание» (Фирсов 2011:234).

Процесс самостоятельного освоения не только социологическим, но и этнографическим/антропологическим опытом постоянно происходил среди лучших представителей отечественной этносоциологии. Наряду с этим, не менее важной задачей для этнического социолога, в отличие от простого социолога, была необходимость приобретения специфических навыков исследовательской работы в условиях экспедиционного поля. Если типичный социолог, овладев общими социологическими теориями и количественными методами исследований, мог вообще не знать о пользе и необходимости полевого экспедиционного опыта, то каждый этносоциолог не только должен был иметь хорошее представление об основных социологических подходах, о методах, применяемых в социальных исследованиях, более того профессионально владеть несколькими из этих методов, но и обязательно стать опытным полевиком. С этой целью он должен был овладеть исключительно этнографическими методами исследования. И, прежде всего, это - метод наблюдения, и все то, что входит в это понятие: прямое, включенное и участвующее наблюдение; структурированное и неструктурированное наблюдение; подготовка наблюдения: программы, средства ведения наблюдений и фиксации результатов; организация включенного наблюдения: методические и этические проблемы;

бихевиористский подход: фиксация поведенческих актов; описание поведенческого акта: действие, его субъект, объект, условия (пространственно-временные, предметные и пр.); ситуация действия: начальная (в том числе стимулы к действию) и конечная (результаты); семиотический подход: фиксация знаковых объектов (предметов, действий, локусов и пр.); маркирование (разметка) пространства, структурирование времени; расположение и функции предметов; самопрезентация участников: их внешний облик, взаимное расположение, сценарии поведения, вербальные тексты и т.д.).

С другой стороны, если этносоциолог должен был пройти инициацию этнографическим полем, то профессионального этнографа, перешедшего в этносоциологическое исследовательское поле, ждали свои специфические задачи. Он должен был изучить основные социологические подходы и методы, применяемые в социальных исследованиях, профессионально владеть хотя бы несколькими из них, обязательно получить опыт самостоятельного проведения массовых опросов. Этнограф, желающий стать «идеальным этносоциологом», должен был знать, что такое анкетный опрос и формализованное интервью; количественные методы исследования в социологии; опросный метод; теоретическая модель объекта и ее репрезентация в программе исследования; конструирование эталона измерения (шкалы); иметь понятие о математических методах обработки материала; уметь применять контрольные процедуры и т.д.

Безусловно, стать «идеальным» этносоциологом удавалось далеко не всем представителям отечественной этносоциологии. Но главное, что отличало этносоциолога от обычного социолога, было присуще каждому из них. Это понимание того, что этносоциологическое исследование, обладая всеми чертами, присущими социологическому исследованию, вместе с тем отличается наличием такой важной составляющей как этнические характеристики, которые необходимо учитывать в исследовательском процессе. Именно это важнейшее обстоятельство требовало и от этнографов, и от этносоциологов особого внимания к методическим проблемам этносоциологического исследования, связанным с особенностями объекта и предмета изучения новой дисциплины и применения соответствующих целям, задачам, объекту и предмету исследования этносоциологических методов (Арутюнян и др. 1999; Кондратьев 1970).

Особенности проведения опроса представителей конкретного этноса или этнической группы могли составить и составляли для этносоциологов определенные сложности. В частности, и «традиционных» этнографов, и «типичных» социологов, перешедших в поле этносоциологии, проблемы поджидали, начиная с этапа выборки. Дело в том, что в практике социоло-

гов, в отличие от профессиональных этносоциологов, не ставилась задача целенаправленного отбора респондентов определенной национальности, а отечественный этнограф перед выездом в поле обычно не вникал в особенности формирования выборки. Вместе с тем этносоциологи не только разрабатывали и использовали специальные методы формирования выборки (метод «фильтра», метод «снежного кома», «метод отбора по косвенным признакам» и т.д.), но на практике, как правило, комбинировали несколько разных методов отбора респондентов определенной национальности. В результате этносоциолог, изучающий конкретный этнос или этническую группу, почти всегда имеет дело не только с собственно выборкой, а с целенаправленным отбором респондентов.

Главной же методологической проблемой этносоциологического исследования, по мнению А.А. Сусоколова, служило «преодоление межкультурной дистанции, почти неизбежно возникающей в ходе такого исследования между исследователем и объектом исследования, между интервьюером и респондентом. <...> Нарушение правил общения, демонстрация в процессе общения образцов поведения, не принятых в изучаемой этнической культуре, может привести и обычно приводит к тому, что респондент либо вообще отказывается сотрудничать с исследователем, либо <выдает> ему те ответы, которые, как он считает, от него ожидаются. Проблема преодоления культурной дистанции важна как в анкетных опросах, так и при интервьюировании. Ясно, однако, что проведение интервью требует гораздо более тщательной культурологической подготовки исследователя и интервьюера» (Арутюнян и др. 1999: 262).

Неслучайно, одна из основополагающих рекомендаций, выработанная этносоциологами в результате общения с этнографами и, прежде всего, в ходе использования метода «включенного наблюдения», заключалась в том, что «руководители исследования перед его началом должны ознакомить будущих интервьюеров с основными фактами истории, современной этнополитической ситуацией, элементами духовной культуры этноса, который им предстоит изучать. Отсутствие необходимых знаний приводит к тому, что интервьюеры совершенно непреднамеренно нарушают принятые нормы этикета, демонстрируют свою неосведомленность в самых элементарных, с точки зрения респондента, вопросах, а это снижает качество собираемого материала и иногда даже ставит под угрозу все исследование» (Арутюнян и др. 1999:263). Действительно, несоблюдение этого правила, столь традиционного и привычного для советского этнограф-полевика, работающего в одном и том же регионе не только годы, но и десятилетия, могло вызвать (и вызывало) ряд сложностей для начинающего этносоциолога.

Среди общих методов и практических приемов преодоления культурной дистанции, часть которых широко используется в практике этносоциологических исследований, А.А. Сусоколов называл следующие: язык инструментария (анкеты и бланк интервью), язык беседы, личность интервьюера, в частности, его этническая принадлежность и др. Он особо отмечал, что проблема языкового барьера в процессе исследования весьма существенна. «Если анкета составлена или интервью проводится на языке, которым респондент не владеет или владеет в недостаточной степени, то ценность результатов такого исследования практически равна нулю. Для преодоления этого <жесткого> языкового барьера при анкетном опросе обычно используется практика перевода анкеты на язык респондента, либо двуязычные анкеты» (Арутюнян и др. 1999). Первостепенное значение для этносоциологического исследования, в отличие от социологического, по мнению основателей этносоциологии, имеет личность интервьюера, в частности его этническая принадлежность, которая, судя по опыту, может оказать заметное влияние на ответы респондента. «Необходимо учитывать следующее: интервьюер, принадлежащий к тому же этносу, что и респондент, как правило, имеет собственные достаточно выраженные установки по отношению ко всем моментам истории этноса; в процессе интервьюирования он невольно (а иногда и сознательно) может <корректировать> ответы респондента в соответствии с собственными взглядами. <...> Команды интервьюеров целесообразно формировать из людей разных национальностей с тем, чтобы минимизировать влияние личностных качеств интервьюера на результаты опроса. Среди интервьюеров-этносоциологов не должно быть людей, имеющих крайние позиции по вопросам этнической политики и культурного развития народов» (Арутюнян и др. 1999).

Но чтобы разработать подобные рекомендации, уделить должное внимание методическим проблемам этносоциологического исследования, связанным с особенностями объекта и предмета изучения новой дисциплины и применения соответствующих целей, задач, объекту и предмету исследования этносоциологических методов, представителям молодой отечественной этносоциологии (опять же в отличие от «обычных» социологов) необходимо было самим пройти серьезную школу полевых этнографических исследований, приобрести опыт «полевого», хорошо представляющего необходимость и сложность сочетания этики и прагматики подобных исследований и способного решить любую проблему в очень непростых условиях рабочего процесса.

Не секрет, что полевые исследования предполагают длительное проживание исследователя в изучаемом им обществе; участие, насколько это возможно, в его повседневной жизни, наблюдение за такой жизнью

даже тогда, когда исследователь не может принимать в ней активное участие; а также интервьюирование членов этого общества не только как конкретных людей, изучаемых с определенными целями, но и как информантов. Как уже упоминалось выше, обычный социолог 1960–80-х гг. был далек от раздумий на тему «Экспедиция как форма познания и научной практики»; «Экспедиция как система порождения научного дискурса: ее роль в формировании парадигмы социальных наук» и т.п. Вряд ли его интересовали проблемы организации и проведения научной экспедиции, и тем более, фигура исследователя в контексте поля.

Между тем, советские этносоциологии (в отличие от социологов) придавали особое значение роли исследователя в поле, что было типично именно для полевой практики этнографов. Как уже отмечалось, этнографическая полевая работа «в своих лучших образцах равняется «инициации». Более того, как считает австралийский антрополог Себастьян Джоб, она осуществляет «подлинный сдвиг в сознании, разрыв с принятыми в качестве само собой разумеющихся привычками и мыслительными формами, возникающему благодаря прямому столкновению со способом бытия чуждого в культурном отношении жизненного мира» (АФ 2012:70). В отечественной традиции всегда предполагалось, что этнограф готов к особому роду исследовательской рефлексивности, способствующей более глубокому пониманию повседневной жизни изучаемой группы людей. Априори считалось, что именно исследователь отвечает за понимание и соотнесение изучаемого явления, встраивание его в социальный контекст и непосредственно (а не по телефону, не путем самозаполнения информантом анкеты и т.п.) взаимодействует с людьми. В рамках этнографического подхода именно ему отводилась ключевая роль на протяжении всех стадий исследовательской работы (будь то формулирование исследовательского вопроса или гипотезы, выбор объекта исследования и места его проведения, получение доступа к „полю“ изучения, выбор исследовательской роли, вступление в коммуникацию с информантами или проведение этнографических интервью и многое другое).

Отметим также, что неформализованный подход современных социологов к сбору и анализу полевых наблюдений, как правило, подразумевает отсутствие жестких стандартов исследовательской деятельности, ситуацию, в которой, невозможно заранее знать нормы поведения, обычаи изучаемых людей и т.п., поэтому сценарий их исследований, как правило, гибок и допускает импровизацию. Специалист-исследователь (например, с целью уточнения гипотезы исследования) может свободно переключаться с одного метода на другой в зависимости от меняющейся ситуации. Также легко претерпевают изменения и его отношения с изучаемыми „абориге-

нами“, тактика коммуникации в изучаемой среде (Miller, Jackson, Thrift, Holbook, Rowlands 2001: 61–66). Таким образом, неформализованный подход включает в себя и так называемую „неконтролируемость“ используемых методов.

Современные исследовательские проекты различаются между собой не только на уровне формулировок исследовательских вопросов и методических стратегий, но и по многим другим параметрам: количеству участников, объему изучаемой совокупности, по положению исследователей относительно поля, срокам и т.д. Но именно две вышеназванные характеристики – «включенность/невключенность в объект исследования», а также «формальность/неформальность сбора данных» служат, как правило, ключевыми критериями для дифференциации отечественных социологических исследований с использованием этнографических методов. Наиболее известная классификация современных отечественных проектов, выполненных в этом исследовательском поле, подразделяет их на четыре типа. Первый – наиболее отстраненный и автономный из них – "дистанционный", в ходе которого исследователь остается в роли «супервайзера/менеджера проекта» и занимается скорее руководящей работой, находясь вдалеке от поля изучения, делегируя эту возможность другим (Тишков 2001). Второй тип – "исследование - экспедиция". Он отличается коллективным характером исполнения проекта; четкими географическими границами поля, большим объемом изучаемых данных. Многочисленные участники такого исследования – «экспедиторы-исследователи» – проживают определенное время в исследовательском поле и работают непосредственно с представителями изучаемого сообщества (Рожанский 2002; Шанин 2010). Третий тип отечественных социологических исследований с использованием этнографического метода обозначен как "проектно-институциональный" (Ярская-Смирнова, Романов 2005; Ярская-Смирнова, Романов, Круткин 2007). И, наконец, четвертый вид носит название "идентификационный" (Утехин, Рис 2005).

Если исходить из современной типологии применения этнографических методов в отечественных социологических исследованиях (Полухина 2012), то самым распространенным типом исследовательской деятельности этносоциологов в 1960–80е годы был второй тип – "исследование - экспедиция". А сами они (за редким исключением) представляли собой специфический тип «экспедитора-исследователя». Этносоциологические экспедиции 1960–80-х гг. как тип исследования характеризовались наличием масштабной группы исследователей-экспедиторов, их обязательным «проживанием» в поле изучения и непосредственным общением с информантами. Интересно, что все эти критерии и, прежде всего, особое значе-

ние роли исследователя на всех стадиях исследовательской работы были типичны и для экспедиционно-полевых исследований советских этнографов 1960–80-х годов.

Одной из серьезных проблем в интердисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов выступает проблема научных языков. Впрочем, это тема, которая в истории всех социальных и гуманитарных дисциплин является извечной, непреходящей и время от времени обостряющейся. Нет единства взглядов на нее и у российских социологов и антропологов. Среди последних, и особенно среди «традиционных» этнографов бытует расхожее мнение о том, что социология (особенно абсолютизирующая количественный подход) не создает полной картины явления, а только очерчивает его контуры. Социологи не умеют говорить с людьми и видят их лишь в графах анкет, рассматривая их лишь как источник данных и возводя на их материале грандиозные теории, активно используя при этом властную позицию интервьюера. «Принято считать, что социолог, как правило, не уделяет внимания деталям, а детали зачастую как раз наиболее важны для описания и понимания социальной реальности. Он не опишет повседневность, быт, пространство, ритуальность, не осмыслит эмоциональности высказываний информантов и не попытается взглянуть на жизнь их глазами. Социолог в упор не видит текстов, да и не умеет с ними работать» (Громов АФ 16)

Известный социолог В.С. Вахштайн полагает, что «конечные словари антропологов являются также конечными словарями социологов. И разница скорее в том, как именно они ими пользуются». Он делает вывод, что «Социологические объяснительные модели отличает высокая степень герметичности, связанная с дюркгеймовским принципом «объяснения социального социальным». Социально-антропологический жанр куда менее требователен в этом отношении. Социальный антрополог может позволить себе неслыханную для социолога свободу объяснения — он с легкостью смешивает объяснительные модели, заимствованные из истории, географии, экономики, психологии (а в недавнем прошлом и из психоанализа). Такая эклектика служит источником непрекращающихся подозрений в отношении социальной антропологии — есть ли у нее вообще свой язык описаний или ее специфика определяется исключительно этнографическим методом, а языки она по мере необходимости заимствует из смежных дисциплин (АФ 16:48).

Ответ на этот риторический вопрос можно поискать в сборнике «Писание культуры. Поэтика и политика этнографии», редакторы-составители которого Дж. Клиффорд и Дж. Маркус считают, что «литературность» антропологии – и, особенно, этнографии – далеко не сводится к

вопросу об умении хорошо писать или своеобразии стиля. Литературные процессы – метафора, стиль, построение – воздействуют на характер регистрации культурных феноменов, от первых бегло записываемых «наблюдений» до завершенной книги и до того, как возникающие конфигурации «обретают смысл» в сознательных актах чтения. <...> Когда этнографические тексты называют вымыслом, это может вызывать сопротивление у эмпирика. Но при том, как этот термин обычно используется в современной теории текста, он утратил коннотацию ложности, чего-то просто противоположного истине. Он несет в себе смысл односторонности, пристрастности культурных и исторических истин – того, как они систематизируют и отбирают знание о реальности. Этнографические писания можно справедливо назвать «вымыслом» в смысле «чего-то сделанного или обработанного», что составляет смысловое ядро латинского слова *fingere*, от которого происходит английское слово *fiction*. Важно, впрочем, удержать значение не только сделанности, но и придуманности, изобретенности чего-то не вполне реального. <...> Приверженцы интерпретационизма в социальных науках стали в последнее время трактовать хорошие этнографические работы как «правдивый вымысел» (*true fiction*), но обычно за счет ослабления оксюморона, сведения его к банальному утверждению, что все истины суть конструкции. <...> Даже лучшие этнографические тексты – будучи серьезным, достоверным вымыслом – остаются системами, или предприятиями по переработке истины» (Clifford, Marcus, 1986:4–7).

В 1960 – 80-е гг. в ходе совместных этносоциологических исследований инструментарий, характерный для социологических исследований, использовался как этносоциологами, так и этнографами. Единство методологических подходов определяло и отсутствие серьезных терминологических проблем. Многие термины (социальные институты и связи, социальная организация, коммуникационные связи и т.д.) однозначно воспринимались всеми специалистами, что способствовало взаимопониманию при использовании различных индикаторов, показателей и т.д. И казалось бы, создание текстов должно зависеть не от научной специализации и базисного образования, а, прежде всего, от таланта и опыта самого ученого. Но нельзя забывать, что при всем опыте междисциплинарной интервенции любой профессиональный исследователь, прежде всего, находится под влиянием правил своей науки, что не может не накладывать на него определенные ограничения, а на его тексты – особый отпечаток.

Например, участник многочисленных, в том числе и татарской, этносоциологических экспедиций, С.С. Савоскул так вспоминает о проблемах создания своих первых этносоциологических текстов: «В 1968 г. об-

работка материалов татарской экспедиции была в основном закончена. На их основе предстояло написать первую этносоциологическую монографию. <...> Мне, несмотря на мою полную неопытность не только как социолога, но и как автора, Арутюнян поручил написать главу о культуре сельского населения. Мой небольшой опыт написания этнографических работ (к тому времени на материалах, собранных во время дипломной практики, я написал свою первую статью, посвященную современным этническим процессам в Эвенкийском округе, которая вскоре была опубликована) приучил меня к мысли, что лучше всего писать о тех местах, где ты сам побывал и о тех группах, с представителями которых ты общался в «поле». Тут же пришлось писать о некоем абстрактном для меня населении, представление о котором я мог получить только из цифр, выданных также неведомой мне ЭВМ» (Савоскул 2009:318–319).

Безусловно, этнографический текст отличается от социологического, прежде всего, его нарративная природа, подробная детализация, контекстуальность описания действительности, что подразумевает максимальное соотношение с тем, в каких условиях, в какой ситуации, на каком социальном фоне происходило изучаемое взаимодействие «исследователь – индивид». Качественные полевые этнографические материалы служат основанием для воспроизведения исторического, социального, эмоционального контекста, который позволяет зафиксировать практически каждое изменение в исследуемой среде, детальнее описать и правильно интерпретировать полученные данные. Ведь если контекст не был зафиксирован, может произойти ложная интерпретация событий и действий. Иначе говоря, понять наблюдаемые события возможно только при помещении их в более широкий контекст (Miller, Jackson 2001). В результате этнографический метод сбора данных в качественных исследованиях дает этносоциологу очень многое для верной интерпретации полученных материалов и детального описания изучаемого сообщества.

Следует напомнить и о том, какие проблемы, причем общие для любого исследователя (как для этнографа, так для этносоциолога), возникают на этапе операционализации терминов. Дело в том, что в один и тот же термин, в одно и то же понятие не только сами исследователи – представители разных научных направлений и школ, но их респонденты – представители различных этнических групп (и даже регионов) и вкладывают разное понимание. Как отмечал К. Маркс, для человека вообще, и исследователя в особенности, типично наличие «врожденной казуистики» – стремление изменять вещи, меняя их название, для того, чтобы находить лазейки для них в рамках традиции (Маркс 1941). В результате неосоз-

нанно возникает теоретическая и методологическая подмена понятий и терминов.

К тому же в 1960 – 80-е гг. у советских этносоциологов существовали и свои специфические проблемы понятийно-терминологического характера. Характер использования понятийного аппарата служил своеобразным маркером, водоразделом «между социологами Института социологии и его региональных подразделений, с одной стороны, и теми, кто работал в Институте этнографии и его подразделениях, - с другой. Первые использовали терминологию, утвердившуюся в исторической и политической литературе, называли свой предмет социологией национальных отношений и изучали собственно характер межнациональных отношений и влияние их на политическую ситуацию в стране. Это достаточно четко выражено В.Н. Ивановым во введении к книге «Социология межнациональных отношений» (М., 1996). Вторые использовали понятийный аппарат отечественной этнологической и мировой социологической литературы. Они именовали свое направление этносоциологией, а социологию межэтнических отношений рассматривали как одну из областей исследования. В междисциплинарной советской аудитории, конечно, и этносоциологи использовали общепринятые в советской научной лексике термины, во-первых, дабы быть понятыми и, во-вторых, чтобы избежать упреков в архаике и сужения предмета изучения до этнической специфики в особенностях одежды, пищи, быта» (Дробижева 2001).

Профессиональный этнограф, выпускница кафедры этнографии истфака МГУ Л.А. Тульцева, пишет о том, что ей дала в этом плане этносоциология. «Работая в секторе этносоциологии, я уже давно обратилась к традиционной этнографии. Парадокс заключался в следующем: когда в 1970 г. после окончания аспирантуры по восточнославянской этнографии меня с формулировкой «временно» зачислили в сектор этносоциологии, я честно пыталась освоить выбранную в соответствии со своими интересами тему в контексте общего исследовательского проекта сектора. <....> Не имея возможности ни работать с материалами этносоциологических исследований по предполагаемой теме (этносоциология религии), ни перейти в сектор восточнославянских народов (аспирантуру которого я закончила и защитилась), начала писать статьи «на два фронта» - по обрядово-праздничной культуре советского общества и традиционной этнографии <...>. Из своего весьма умеренного «списка трудов» этносоциологического периода работы в ИЭ наиболее ценю главу «Современные формы ритуальной культуры» в монографическом исследовании «Русские. Этносоциологические очерки» (М., 1992). Подзаголовок «Этносоциологические очерки» звучит скромно. На самом деле данная книга – большое фунда-

ментальное исследование социально-культурного облика русского народа на протяжении XX столетия до 1990-х гг. Книга написана коллективом авторов не только профессионально, но и с чувством ответственности за каждую строку. При написании своей главы я особенно тщательно обдумывала не только содержание, но и понятийный аппарат. Об этом можно судить уже по названию главы, в которой понятие «ритуальная культура» фактически прозвучало впервые. Это же касается и упомянутого выше понятия «обрядово-праздничная культура». Взвешенное отношение к терминологии сформировалось в ходе разработки тем, связанных с этнорелигиеведческой проблематикой в рамках многолетней работы сектора над коллективной проблемой по изучению социально-культурного облика советских наций. Отношение к понятийному аппарату как «зеркалу» всей научной работы развилось, прежде всего, благодаря Ю.В. Арутюняну, требовавшего от сотрудников наряду с четкой постановкой проблемы и обдуманной терминологии. Это тот багаж, с которым я оставила сектор этносоциологии» (Тульцева 2009:241–242).

Замечу, что сегодня отечественные исследователи (этнографы, этнологи, этносоциологи, этнополитологи), в частности, изучающие современные проблемы этнического взаимодействия, еще в большей степени, чем в 1960–80-е гг., испытывают эти сложности. Они в своей работе постоянно наталкиваются на серьезное препятствие: своеобразный языковой барьер, связанный с проблемами понятийно-терминологического характера. Как известно, во второй половине минувшего века в нашей отечественной науке в целом сложилась определенная система вполне политкорректных норм обсуждения проблем этнического взаимодействия. Это устойчивые словосочетания, активно используемые в научной литературе, в официальных документах, общественных и научных дискуссиях и т.д., а также запретные слова, выражения, различного рода обывательские топоры. Однако в постсоветский период эта нормативная система, как и общероссийское культурное пространство в целом, не только трансформировались, но и частично распались. Сегодня исследователя в общении с интервьюерами поджидают особые трудности. Они вызваны тем, что в бытовой речи на обывательском уровне, как правило, используется не просто иной язык, отличный от языка научного исследования, не только «язык согласия», но и «язык вражды», а также множество их вариантов, характеризующих всю палитру ориентиров и установок в сфере межэтнических отношений, присутствующих в изучаемом сообществе.

На мой взгляд, есть еще одна типичная для современных российских обществоведов проблема - это региональная специфика использования научного понятийно-терминологического аппарата. Она хорошо знакома

тем российским этнографам/этнологам, этносоциологам, этнополитологам, этнопсихологам и др. специалистам, которые занимаются регионоведением и регулярно бывают в исследовательском «поле». Учет региональной специфики использования научной терминологии, с одной стороны, необходим, но, с другой, не всегда совместим с растущим в современном научном сообществе стремлением к международной интеграции российских социальных исследований и включением новейших зарубежных научных достижений в российский контекст. Как известно, в мировых социальных науках содержательные вопросы и качество исследований всегда и везде были важнее, чем гражданство автора или география его исследовательского поля. При этом, как известно, отличия политических и социальных перспектив «других» обществ дают неоспоримые преимущества в понимании «своего». Вот почему для отечественного исследователя особенно необходима, по словам В. Рокитянского, «готовность к встрече с иным, незнакомым, чужим, способность не пропустить ситуацию такой встречи, уместно и достойно ее провести – все это требует определенных человеческих качеств и компетенции. Не всякий готов, но именно в этом проявляется профессионализм антрополога» (Рокитянский 1998).

Подобная научная позиция особенно должна быть понятна ученым, занимающимся самыми животрепещущими проблемами современности. Не секрет, что изучение, например, межэтнических отношений в наши дни сопряжено с трудностями и даже препятствиями, с которыми, как правило, сталкивается любой добросовестный исследователь. Дело в том, что в современном российском обществе все чаще наблюдается, с одной стороны, тенденция повального, огульного этнонационального мифотворчества и, с другой стороны, сужения, а то и полного игнорирования рационального научного знания, того академического знания, которым всегда славились наша отечественная наука и общество. К сожалению, "современное общество, питающееся этнонациональными мифами, не нуждается зачастую в истинных рациональных знаниях о себе самом, и в результате попадает в интеллектуальный тупик, создавая внутри себя жесткий полярный мир, который не знает, как и сама мифология, оттенков, полутонов, и вообще какой-либо рефлексии. В полярном обществе существуют лишь два полюса: «добро» и «зло». Члены подобного общества ждут, а мифотворцы требуют от любого ученого лишь подтверждения своего этнонационального мифа. Вот почему исследователю такого общества очень сложно донести до людей полученные им рациональные знания, а не ожидаемые от него вымышленные факты и подтасованные цифры. Особенно трудно приходится современному ученому, если результаты его конкретного исследования хоть в малой степени не соответствуют господствующим в ис-

следуемом обществе мифам: ученый, не сумевший или не пожелавший подкрепить миф сциентистскими аргументами, тут же причисляется к миру зла". Это – одна из реальных серьезных проблем исследователей российской современности. Чтобы решить её, современный ученый (этносоциолог, социолог, антрополог, этнолог) должен, во-первых, обладать четкой и высокоразвитой теоретико-социологической аргументацией, а во-вторых, постоянно осваивать новые исследовательские парадигмы, реализуя их в конкретных полевых исследованиях.

В целом, рассматривая проблемы интердисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов, подчеркивая их определенную специфику, нужно отметить, что способы анализа, используемые в культурной и социальной антропологии, могут применяться и к более широкому исследовательскому полю, так как этнографы в достаточно узком контексте имеют дело с теми же крупными категориями социальной реальности, что и этносоциологи. Типы этносоциологических, как и любых социологических исследований, могут быть как качественными, так и количественными. В них применимы практически все методы конкретно-социологических исследований, среди которых наиболее распространенными считаются методы интервью, формализованного опроса, наблюдения и контент-анализ документов. Однако в процессе организации и проведения этносоциологического исследования необходимо учитывать такие обязательные факторы, которые обуславливают специфику подобных исследований: моно- или полиэтничность региона, где проводится исследование, выбор языка исследования, взаимодействие с представительными органами различных этнических групп и т.п. В основном же специфика применения методов опроса в этносоциологических исследованиях всегда зависела и зависит, прежде всего, от концепции этноса, заложенной в их программу.

4.3. Обновление комплексной проблематики и тематическое взаимообогащение исследовательского поля

Профессор антропологии Манчестерского университета Пенни Харвей делает вывод о том, что, с одной стороны, работа в маргинальных областях «позволяет антропологам говорить о полном правом присутствии их дисциплины на общей арене научных исследований», а с другой, – сама «антропология обычно подает хороший пример междисциплинарности: полевая работа способствует тому, что исследования, как правило, простираются дальше намеченного плана, приводят к установлению тесного контакта с миром за пределами академических стен и позволяют плодотворно взаимодействовать с другими дисциплинами».

творно осмыслить проблемы в последующем диалоге с другими дисциплинами» (Harvey 2005:29).

Российский профессор М.Н. Губогло, посвятивший этносоциологии более сорока лет, отмечает, что «даже в первоначально задуманной Ю.В. Арутюняном программе, по которой проводилось исследование Татарской АССР в конце 60-х гг., выделялись как самые существенные совершенно по-новому звучащие для традиционной этнографии, а в какой-то мере и для отечественной социологии, проблемы:

1. Изменение этнического состава социальных групп и социальной структуры этноса.

2. Действие этнического фактора в социальной мобильности, т.е. влияние национальной принадлежности на социальный рост человека.

3. Изменения в социальных группах соотношения элементов национальной и интернациональной культуры, традиций и инноваций.

4. Проявление национальной психологии как составной части общественной психологии различных социальных групп, выражение в социальных группах национального самосознания, иногда переплетающегося с национальным предубеждением и этноцентризмом.

5. Изменение национальных интересов, их связь с социальными. Формулировалось, что в наиболее общем виде национальные интересы проявляются в стремлении к сохранению своей нации, культуры, языка, государственности. Однако национальные интересы всегда имели свой социальный эпицентр. И в сохранении культуры, и в сохранении государственности разные социальные группы внутри нации осознанно, а чаще всего неосознанно, заинтересованы в разной степени, исходя из специфических социальных побуждений и мотивов» (Губогло 2004: 7).

Сам Ю.В. Арутюнян также подтверждает, что «в результате социологизации этнографии, в первых же широких программах этносоциологических исследований 1967 и 1971–72 гг., в достаточной мере уже обозначился круг новых для этнографии тех лет комплексных этносоциальных проблем, которые впоследствии получили развитие в цикле множественных разработок и публикаций. В центре внимания (о чем можно судить по первым публикациям) оказались этнодемографические процессы, проблемы социальной структуры и мобильности этносов (в прежней терминологии – наций), проявление и взаимодействие «своей» национальной и интернациональной культуры, языковые процессы, семейно-бытовые отношения, изменение этнонациональных интересов, их связь с социальными; этнонациональные отношения и специфика их выражения в тех или иных социальных группах» (Арутюнян 2009:14).

Новаторские для советской науки комплексные этносоциальные проблемы и новые научные подходы этносоциологов не могли не привлечь внимание этнографов, что в свою очередь, вызвало обновление комплексной проблематики и тематическое взаимообогащение их исследовательского поля. В частности, в начале 1970-х гг. они обратились к новым методическим подходам, разрабатываемым Ю.В. Арутюняном и О.И. Шкаратаном, при изучении социальной структуры народов. С самого начала деятельности сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР практически ни одно проведенное им крупное исследование не обходилось без анализа вопросов социальной структуры. Одна из первых коллективных монографий этносоциологов «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований» начиналась с главы, посвященной вопросам социально-этнической структуры населения Татарской АССР. Помимо родоначальников данного направления Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана проблемы социальной структуры народов интересовали многих их коллег и представителей различных научных направлений. Вслед за этносоциологами (Ю.В. Арутюнян, О.И. Шкаратан, Л.М. Дробижева, Ю.Ю. Какх, К. Халлик, Л.В. Остапенко, А.А. Сусоколов, В.С. Кондратьев, Е.И. Клементьев, М.М. Юсупов и др.) их использовали как социологи: В.И. Бойко, В.И. Ильин, Ю.П. Шабаетов и др., так и этнографы: А.Н. Белокопыт, Р.М. Валиахметов, Т.Р. Калимуллин, А.В. Кудрин, Р.А. Кузьмина, Л.А. Шатрова, В.А. Тураев, А.Б. Дзадзиев, О.В. Котов, Р.А. Разин, Л.С. Перепелкин и др.

Наряду с Ю.В. Арутюняном, О.И. Шкаратаном, Л.М. Дробижевой, Ю.В. Бромлеем, этнические аспекты трудовой занятости в эти годы активно исследовали Л.В. Остапенко, А.А. Сусоколов, Л.С. Перепелкин, Е.И. Клементьев, В.В. Коротеева, А.Б. Насунов и др. В результате их труды послужили основой нового научного направления – этноэкономики, и в дальнейшем привели к объединению усилий этносоциологов и этнографов в этом исследовательском поле (Перепелкин 1987).

Как уже ранее упоминалось, М.Н. Губогло первым в отечественной науке выделил и плодотворно изучал этносоциальные аспекты национально-русского двуязычия (Губогло 1979; 1984; 2004), положив тем самым начало развитию целого научного направления – этнолингвистики. Новые методы, методики и методические приёмы исследования этнолингвистических процессов (наряду с М.Н. Губогло) широко использовали как этносоциологи (З.В. Анайбан, А.П. Галстян, С.Л. Нестерова, А.Д. Коростелёв, И. Югай и т.д.), так и этнографы (Г.П. Белорукова, Р.А. Гри-

горьева, В.М. Дамбинова, В.П. Иванов, Н.Ф. Мокшин, И.А. Андреев, М.Б. Рогачев, Н.С. Шаляев, Г.К. Шкляев, Л.С. Христюлова и др.).

В 1970 – 80е гг. этносоциологи уделяли большое внимание исследованию межэтнических браков. Тематика семьи, семейно-брачных отношений, межэтнической брачности народов СССР была очень популярна в эти годы и среди советских этнографов. А по мере становления и дальнейшего развития этносоциологии их исследования получили еще и новый мощный импульс, связанный с тем, что период 1960-80-х гг. в отечественной этнографии характеризовался значительно возросшим интересом к теоретическому осмыслению вопросов формирования этнического в культуре. Как ранее уже упоминалось, развитие теории этноса привело советских этнографов (вслед за лингвистами) к формированию представления о двух важнейших типах внутриэтнических связей – синхронных и диахронных (Арутюнов, Чебоксаров 1973; Алексеев 1980). Они утверждали, что синхронные типы внутриэтнических связей обеспечивают пространственную гомогенность этнической культуры и ее целостность, а диахронные – временную преемственность. Вторые типы внутриэтнических связей – диахронные – при этом считались более значимыми и существенными с точки зрения исторической стабильности этноса. В этом контексте важная роль отводилась не просто дальнейшему изучению современной семьи, но особенно изучению процессов социализации детей в этнически-смешанных семьях, причем с использованием междисциплинарного подхода. Закономерно, что именно в этом исследовательском поле был накоплен большой опыт кооперации этнографов и этносоциологов в проведении этносоциологических исследований. Многие этнографы (Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Н.Ф. Беляева, Р.А. Григорьева, Э.-Б.М. Гучинова, В.П. Иванов, П.П. Кальнюс, Г.А. Комарова, З.З. Мухина, А.П. Пономарев, В.Ф. Разживин, М.Б. Рогачев, Г.Р. Столярова, Т.П. Федянович, П.П. Фокин, Р.И. Уразманова, М.Я. Устинова, Д.Д. Шалхаков, В.Д. Шаров, Н.И. Шатинова и др.) активно применяли количественные методы при изучении современной семьи, национально-смешанных браков, семейно-брачных отношений, семейной обрядности у народов СССР. Состав семьи, внутрисемейные взаимоотношения, функции современной семьи и ряд других проблем рассматривались при этом в комплексе и во взаимосвязи с учетом социально-профессиональной и национальной принадлежности членов семьи, их демографических характеристик и т.п., что способствовало пониманию особенностей современных социальных отношений.

Взаимополезной и плодотворной формой кооперации этнографов и этносоциологов в исследовании семьи, семейно-брачных отношений, ме-

жэтнической брачности стали совместные научные конференции, совещания, симпозиумы и др. В частности, в 1985 г. в Махачкале была успешно проведена всесоюзная конференция, посвященная этносоциологическим и этнографическим проблемам современной семьи. В 1987 г. весьма плодотворно прошло Всесоюзное совещание «Семья и социальная сфера», в котором активное участвовали как этнографы, так и этносоциологи.

Не менее важной темой в этносоциологии рассматриваемого периода стала проблематика, исследующая сферу межэтнических отношений и этническую идентичность. Л.М. Дробижева вспоминает об этом в своем интервью: «Научное направление, которое на Западе называлось социологией межэтнических отношений и было достаточно развитым, в России впервые мы начали разрабатывать в Институте этнографии в комплексе других социальных проблем. В первой же нашей работе «Социальное и национальное» (1972 г.) я сформулировала вывод о том, что характер межэтнических отношений (дружественный, нейтральный, негативный) зависит решающим образом от **конкурентности** в социальной сфере (возможностей социальной мобильности для конкретных национальностей) и **ситуативных факторов**. Признаваемым фактором в советское время (как и сейчас) считается широта культуры, знания о других. Но мы установили, что негативные установки могут быть и среди вполне образованной интеллигенции, если она попадает в **ситуацию** конкурентных отношений или ущемлений ее интересов, понимаемых достаточно широко. Уже тогда можно было показать, и это было доказано, что межэтнические отношения в полиэтнической среде не лучше, как тогда официально утверждалось, а сложнее, особенно в период усиления контактности. Это подтверждается и в постсоветское время в условиях высокого иммиграционного притока. Впервые в отечественной социологии и этнологии мы стали изучать этническую идентичность не просто как причисление себя к какой-то общности, а как когнитивные представления, эмоциональные переживания и регулятивные компоненты. Определили индикаторы, позволяющие изучать и определять уровни этнической идентичности» (АФ 17:280–281).

Этнографы не сразу восприняли новые подходы и высокий этносоциологический уровень исследований в этой области знаний, но постепенно и в их профессиональном сообществе они получили признание и достаточно широкое применение. Опыт и достижения ЮВ. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, И.С. Кона, Р. Карапетяна, И.М. Кузнецова, Р.К. Трдзелидзе, Г.В. Старовойтовой и других этносоциологов, изучавших межэтнические отношения и этническую идентичность, в своих исследованиях использовали многие этнографы: О.А. Ганцкая, Л.Н. Терентьева, Л.С. Христюкова, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Т.С. Гузенкова, С.К. Жидкова,

О.В. Котов, В.П. Кривоногов, Л. Кузмицкайте, Н.Р. Рамазанова (Маликова), Н.Ф. Беляева, Г.К. Шкляев и др. Как считает М.Н. Губогло, в накопленном в 1970–80-е гг. богатом опыте отечественных этнографов и этносоциологов, исследовавших сферу межэтнических отношений и этническую идентичность, содержится исходная методологическая предпосылка, необходимая для анализа межнациональных конфликтов. Но при этом он подчеркивает тот факт, что «этносоциология в те годы была лишена какой-либо политической направленности. Более того, ни этносоциологи, ни этнографы, ни другие специалисты, работавшие в области межнациональных проблем, не сумели предсказать смещение этнического в сферу общественных движений, в сферу политики и общедемократических тенденций. Тем не менее, накопленный и проработанный ими материал, исследовательские приемы, информационная база так же должны учитываться в процессе принятия этнополитических решений» (Губогло 2008).

И в целом, этносоциологи в рамках ОСУ вели самые разнообразные исследования в постоянном сотрудничестве с этнографами, в том числе и с учеными из союзных республик (Ю.Ю. Какх, В.И. Пароль, Э.Э. Ранник, В.С. Зеленчук, С.М. Мирхасилов, В. М. Квачахия, Н.И. Стуртуа, Р.К. Грдзелидзе, В.Б. Островский и др.).

В результате тесных и взаимопользных контактов с этносоциологами советские этнографы с середины 1970-х гг. всё чаще проводили массовые этностатистические опросы, выборки которых были обширными, а их тематика – всё более многоаспектной и многофакторной. И это явление было закономерным. Ведь круг проблематики всякой науки, в значительной мере определяется возможностями и уровнем развития её методического инструментария. Применение количественных методов в этнографии ещё на рубеже 1960-70-х гг. значительно расширило технический арсенал её средств и предоставило возможность обратиться к решению ряда новых содержательных задач, выдвигаемых не только логикой развития самой науки, но и современной практикой. В дальнейшем привлечение массовых статистических материалов в этнографических исследованиях, в отличие от традиционного сбора сведений от довольно ограниченного числа информаторов, позволило судить об общих тенденциях в современных этнических процессах и обращаться к новой для советской этнографии проблематике. Например, Т.С. Гузенкова уделяла особое внимание роли национальной творческой интеллигенции (НТИ) в этнокультурных процессах. Г.А. Комарова была первой, кто исследовал фактор пола как инструментальный этносоциологического анализа материалов массовых этностатистических обследований республик Урало-

Поволжья. В.В. Коротеева изучала этносоциальные аспекты рождаемости у населения крупного многонационального города. Л.С. Христолюбова (Удмуртия), Н.Ф. Беляева (Мордовия), И.А. Снежкова (Украина) выявляли этническую специфику процесса социализации детей и подростков. Г.К. Шкляев разрабатывал проблему «Роль личности интервьюера в статистико-этнографических исследованиях». В работах В.Я. Бабенко, И.Г. Петрова, М.Э. Коган, Г.В. Старовойтовой, Н.В. Юхневой, М.Э. Хайкиной исследовались особенности развития дисперсно расселенных этнических групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса и вне его территории.

Междисциплинарная кооперация этнографов с этносоциологами в целом значительно расширила и обновила круг их исследовательских источников. Например, многие этнографы, благодаря этносоциологам, не только овладели специальной методикой обработки похозяйственных книг сельских советов (Кондратьев 1970; Сусоколов 1979), но стали использовать в качестве источников домовые книги и, в целом, значительно расширили круг документов государственного учета, используемых для изучения различных этносоциальных проблем (Савоскул 1970; Сусоколов 1979). Вслед за этносоциологами они обратили внимание на такой источник как письма-заявки радиослушателей и телезрителей (Дробижева; Малькова 1970). Особенно плодотворной была совместная работа этносоциологов и этнографов по обобщению опыта и поиску новых возможностей использования переписей населения как источника при изучении межэтнических отношений (Сусоколов 1979). Важный эмпирический материал для изучения различных аспектов этносоциальных процессов этнографы/этнологи получали, широко используя вслед за социологами материалы текущего учета населения, содержащие личностные характеристики: архивы отделов ЗАГС; картотеки паспортных столов милиции (форма, заполняемая при получении паспорта, листки прибытия и убытия, статистические талоны к ним, фиксирующие факт прописки и выписки); а также многочисленные ведомственные источники.

Полученный в результате использования нового круга источников материал позволял не только обогатить исследование фактическими деталями, но и уточнить данные, по которым имелись разночтения в источниках. К тому же в ходе работы часто возникали новые подходы и направления в исследовательской проблематике. В истории отечественной этнографии существуют многочисленные примеры того, как этнографы постоянно обогащали свою источниковедческую базу, следуя за этносоциологами и расширяя круг своих этнографических источников. В частности, мне довелось первой из этнографов изучать материалы различных от-

делений Службы знакомств (гг. Уфа, Чебоксары, Москва и др.), которые начали функционировать в СССР в конце 1980-х гг. В результате их анализа выяснилось, что огромные массивы информационных карт (ИК) абонентов Службы знакомств, брачные газетные объявления и другие документы, содержащие не только количественные, но и качественные характеристики представителей разных этносов, являются ценным этнографическим источником, поскольку носят массовый характер, содержат оперативную текущую информацию, отличаются высокой степенью достоверности и сопоставимости и т.д. (Комарова 1987; 1987а).

Позднее я также широко использовала этносоциологические методики при исследовании этнокультурных аспектов техногенных катастроф на Южном Урале. Применение в подобном этнографическом исследовании методов анкетирования и интервьюирования, массового опроса, а также новых для традиционной этнографии источников, заимствованных из этносоциологии, оказалось в данном случае весьма плодотворным. Как известно, подобные методы перспективны для исследования даже в тех случаях, когда речь хотя и идет о прошлых событиях, но свидетели и участники их живы. В отличие от изучения архивных документов, опубликованных воспоминаний и других исторических источников, составляя свой вопросник, исследователь имеет возможность управлять процессом создания источника, исходя из целей своего исследования. Массовые источники, сформированные путем анкетирования, обрабатывались с помощью количественных методов специалистами КАИС, которые с конца 1980-х гг. специализируются на исследовании экологических последствий радиационного загрязнения на территориях бывшего СССР.

Подобные примеры расширения исследовательской проблематики и источниковедческой базы, возникшие в результате междисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов, можно отыскать в научной биографии многих представителей советской этнографической науки 1970 – 1980-х гг.

4.4. Междисциплинарная кооперация этнографов и этносоциологов в проведении научных исследований

По мнению Л.М. Дробижевой, междисциплинарность в социологии присутствует чаще, чем в иных гуманитарных науках (Дробижева 2006:91). Развитие этнической социологии в 1970-х – начале 1980-х гг. подтверждает это наблюдение: активная междисциплинарная кооперация этнографов и этносоциологов в академический период развития отечественной этносоциологии, на мой взгляд, носила стабильный и взаимопо-

лезный характер. Обычной и повседневной практикой в эти годы стало их совместное участие в разработке и реализации различных научных проектов, а также работа в объединённых научно-методических семинарах, конференциях, ежегодных полевых сессиях, заседаниях ученых советов, совместных полевых экспедициях, выпуске междисциплинарных научных изданий и т.п. Неслучайно в 1970-е гг. у советских этнографов и этносоциологов, работающих в одном исследовательском поле, появился даже общий «фольклор». Вот один из его образцов:

*Этнограф социологу поверил:
Без математики нельзя.
Взял в руки счеты и проверил,
И вот теперь они — друзья.
О, дама нежная и строгая,
Наука этносоциология!
Вокруг тебя туман и споры,
Но стойки этномушкетеры.
Остра, как шпага д`Артаньяна,
Методика Арутюняна.
И покоряет ею он
За регионом — регион.
Нельзя смотреть без оптимизма
На перспективы билингвизма.
И ясно всем, что помогло
Здесь красноречье Губогло.
Как показали наши курсы,
Остра проблема трудресурсов.
Но разрешит ее Госплан,
Ему поможет Шкаратан.*

И все же наиболее полезной формой взаимного научно-практического обучения стала междисциплинарная кооперация в подготовке и проведении масштабных этносоциологических исследований. Как уже неоднократно подчеркивалось в этой работе, все крупные этносоциологические проекты и, прежде всего, исследования в рамках ОСУ, велись этносоциологами не только совместно с этнографами ИЭ АН СССР, но и в постоянном сотрудничестве с учеными, в том числе и этнографами, из других городов, союзных и автономных республик СССР. Так, армянский этносоциолог Р. Карапетян, отмечает, что благодаря этнографам «в армянском варианте ОСУ помимо общих, обеспечивающих сравнимость наших материалов с материалами других республик СССР, а позже и стран СНГ, задач, определился весьма широкий спектр направлений и проблем. Ка-

сающихся современного состояния армянской этнической общности, процессов и перспектив ее развития в своей и инациональной среде». Он вспоминает, что в Армении «состав участников этносоциологических исследований был весьма пестрым. Из 13 человек, когда-либо участвовавших в этих исследованиях, трое получили этносоциологическую подготовку: Р. Карапетян стажировался в секторе конкретно-социальных исследований в ИЭ АН СССР, А. Галстян и Р. Оганджян там же закончили аспирантуру. Все трое успешно защитили диссертации под руководством заведующего этим сектором Ю.В. Арутюняна. Помимо еще трех сотрудников, имевших философское и языковое образование, остальные семь были профессиональными этнографами. Поэтому участие последних в армянских исследованиях определило некоторый этнографический крен разработок этносоциологической тематики. Это выразилось в более подробном рассмотрении элементов традиционной культуры – семейных отношений, свадебной обрядности, праздников и т.п. Армянский вариант опросного листа, особенно в начале 1980-х годов, содержал много вопросов, позволяющих более детально описывать трансформации тех или иных компонентов традиционной культуры. Большой исследовательский опыт профессиональных этнографов позволил сделать более содержательным статистический анализ процессов изменения этносоциальных параметров населения республики, особенно современной армянской семьи» (Карапетян 2008: 299–290).

В свою очередь, чувашский этнограф В.П. Иванов, рассказывая о проведении самого масштабного в Чувашии этностатистического обследования, организованного и осуществленного в 1981–1982 гг. в основном силами этнографов ИЭ АН СССР и ЧНИИЯЛИЭ, подчеркивает большую и неоценимую организационно-методическую помощь в его проведении этносоциологов А.Д. Коростелёва, В.С. Кондратьева и др. «Особое внимание было уделено проекту выборки респондентов. Он был рассчитан известным специалистом в этой области доктором экономических наук, профессором Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Согласно проекту выборки было запланировано опросить (и опрошено) методом стандартизированного интервью 4200 человек в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию (с резервом), составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах – по картотекам паспортных столов. Надо, однако, заметить, что принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных <...> Отряды комплектовались студентами старших курсов исторического факультета, по 15–17 человек в каждом. Отрядами руководили сотрудники

Чувашского НИИ, в качестве консультантов-методистов в отрядах находились сотрудники и аспиранты Института этнографии. Большое внимание было уделено обучению студентов методике и технике заполнения вопросников. В течение двух дней до выезда в экспедицию консультанты-методисты информировали их о целях и задачах исследования, учили вести беседу и проверяли контрольные опросы. Интервьюерам вручалась специальная «Инструкция по заполнению вопросника» (Иванов 2004).

Именно в рассматриваемый период совместное участие этносоциологов и этнографов в проведении массовых обследований населения стало хорошей и плодотворной традицией. Успешному сотрудничеству этнографов и этносоциологов в осуществлении крупномасштабных комплексных исследований по всей стране, безусловно, способствовало то, что концу 1970-х - началу 1980-х гг. кадры этносоциологов уже имелись в Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии. Отделы этносоциологии работали в АН Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана. В 14 из 16 автономных республик РСФСР также вели исследования этносоциологи, подготовленные в основном в ИЭ АН СССР. Крупные комплексные проекты были выполнены этносоциологами в тесном сотрудничестве с этнографами в Татарии, Удмуртии, Башкирии, Карелии, Коми, Мордовии, Чувашии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Марийской республике.

Наиболее ярким примером успешного осуществления комплексных научных обследований, на мой взгляд, служит богатый и разнообразный опыт междисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов Татарстана. Сразу отмечу, что представителей Казанской этнографической школы всегда отличало стремление к поиску новых исследовательских полей и нетрадиционных научных подходов. Именно они одни из первых в отечественной этнографии начали применять количественные методы при сборе и обработке полевых материалов и стали родоначальниками направления, названного ими «статистическая этнография» (об этом пойдет речь в следующем разделе). Ведущие этнографы Казанского университета Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин в соавторстве со своими многочисленными учениками (А.Г. Симонов, Р.К. Уразманова, Е.В. Михайличенко, Н.Н. Кучерявенко, Л.П. Шабалина, Л.И. Зорина, В.И. Яковлев, И.Н. Смирнов, Л.С. Токсубаева, Л.Ф. Банцырева, А.А. Столяров, Г.Р. Столярова, Н.В. Лештаева, А.Н. Зорин и др.) в 1960–80-е гг. проводили разнообразные комплексные исследования по материальной культуре, семье и семейным отношениям, семейной и общественной обрядности, духовной культуре, демографическим процессам. Общеизвестен вклад казанских этнографов в

этнографическое изучение народов и исследование проблем межэтнического взаимодействия в таком полиэтничном регионе, как Поволжье. Но особая заслуга состоит в том, что они сделали русское население Среднего Поволжья самостоятельным исследовательским объектом и долгие годы занимались его многофакторным изучением. Татарские этнографы широко применяли количественные методы при изучении отдельных элементов материальной культуры (Е.П. Бусыгин, А.Г. Симонов), традиционной семьи (Е.П. Бусыгин, А.А. Столяров), свадебной обрядности (Н.В. Зорин), демографических процессов (Е.П. Бусыгин, Г.Р. Столярова), межэтнических контактов (Е.П. Бусыгин, Г.Р. Столярова) и т.п.

Неслучайно именно **Татарстан** стал для отечественных этносоциологов одним из первых научных полигонов. Он был выбран в 1967-68-х гг. для проведения первого комплексного научного обследования, в ходе которого изучались проблемы социальной структуры, семейного быта, культуры, языковых процессов и национальных отношений двух основных этнических групп республики – русских и татар. Позднее, в 1974-75 гг. и затем в 1983 году, этносоциологи совместно с московскими, ленинградскими и казанскими этнографами под руководством О.И. Шкаратана провели исследования образа жизни русского и татарского населения городов ТАССР.

В результате многолетней и разнообразной кооперации московских и татарских этносоциологов и этнографов возникла база для дальнейших самостоятельных этносоциологических исследований республиканских ученых из Института истории, языка, литературы Казанского научного центра АН СССР и Казанского университета. В частности, Я.З. Гарипов, ученик Ю.В. Арутюняна, исследовал особенности воздействия НТР на социальное развитие населения и проблему совершенствования социально-профессиональной структуры в ТАССР. Известный татарский этнограф Р.К. Уразманова, используя наряду с традиционными этнографическими методами социологические методики и статистические данные, подготовила и защитила в 1968 г. диссертацию «Быт нефтяников татар юго-востока Татарии (1950-1960-е гг.)». Татарские этнографы и этносоциологи Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Р.Н. Мусина, З.З. Мухина, Г.Р. Столярова и др., активно занимавшиеся исследованиями проблем семьи, семейных и общественных отношений, обратились к изучению межэтнических отношений, в том числе к исследованию межэтнического взаимодействия в семейно-брачной сфере, проблемам межнациональных браков и образа жизни национально-смешанных семей. Результаты этой деятельности легли в основу научных монографий, сборников, диссертаций и т.д. Этнограф З.З. Мухина подготовила в 1981 г. диссертацию «Изменение положения

татарской сельской женщины в семье и обществе в Татарской АССР за годы Советской власти», а также издала монографию «Сельская женщина в семейной и общественной жизни». Этносоциолог Р.Н. Мусина защитила в 1984 г. диссертацию «Общее и этнически-особенное в современной семье сельских татар». Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Г.Р. Столярова издали книгу «Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье». Г.Р. Столярова в 1985 г. защитила диссертацию «Национально-смешанные семьи в сельских районах Татарской АССР (современные этнокультурные тенденции)». Проблеме развития межэтнической брачности и образа жизни национально-смешанных семей был также посвящен целый ряд других публикаций республиканских ученых. В своей работе они, безусловно, ориентировались на достижения крупнейшего специалиста в исследовании феномена межнациональной брачности в СССР, известного этносоциолога А.А. Сусоколова, который многие явления, связанные с межэтнической брачностью, объяснял информационной концепцией этноса, наличием или отсутствием окружения, контролирующего поведение группы, плотностью или слабостью информационных потоков внутри этноса.

К концу 1980-х гг. тематический круг этносоциологических исследований татарских ученых не только расширился, но и видоизменился. В частности, наряду с изучением проблем этнодемографического, этносоциального, этнокультурного развития Татарстана, а также современных межэтнических отношений среди населения республики и т.д., в рамках научно-исследовательского проекта «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» ученые Татарстана впервые обратились к проблеме формирования и развития национального самосознания. В подготовке и реализации этого проекта участвовали московские и татарские этносоциологи и этнографы под руководством Л.М. Дробижевой, Р.Н. Мусиной, Д.М. Исхакова. В 1989–90 гг. в 12 городских и 63 сельских населенных пунктах республики был проведен опрос 4 тыс. представителей двух основных народов Татарстана: татар и русских. В 1991 г. были также проведены исследования интеллигенции республики: опрос научной интеллигенции проводился под руководством Д.М. Исхакова и Я.З. Гарипова; обследование художественно-творческой интеллигенции – под руководством Д.М. Исхакова и Р.Н. Мусиной.

Особая ценность научно-исследовательского проекта «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» состояла в том, что оно было повторным спустя более двух десятилетий после аналогичного исследования, проведенного в Татарстане сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР в 1967-

68 гг., что позволило изучить не только современное состояние культуры, быта, всей социальной сферы жизнедеятельности основных народов Татарстана, но и проследить динамику этносоциальных, этнокультурных процессов и межэтнических отношений в республике за 1960-80-е гг. (Мусина 2005). Результаты этого исследования нашли отражение в целом ряде научных публикаций, прежде всего в сборниках «Современные межнациональные процессы в ТССР. Программа исследования и инструментарий» и «Современные национальные процессы в республике Татарстан». Как отмечает ведущий казанский этносоциолог Р.Н. Мусина, это этносоциологическое исследование объединило специалистов разной тематики и дало импульс научного творчества для нового поколения республиканских татарских этносоциологов, которое, учитывая достижения отечественной этносоциологии и сохраняя традиции междисциплинарной кооперации, ныне работает очень продуктивно и на высоком современном научном уровне (Мусина 2008). В этой связи необходимо особо отметить большую целенаправленную деятельность татарских этносоциологов и этнологов по исследованию современных проблем межэтнического взаимодействия не только в Татарстане, но и в Поволжье в целом. Особая роль в этом принадлежит ученым Центра этносоциальных исследований, который был создан в 2006 году на базе отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Одним из центральных направлений его исследований является изучение вопросов этнической и религиозной идентификации, межэтнической толерантности на территории Татарстана и др.

Коми АССР. Удачный опыт междисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов в проведении массовых этносоциологических исследований можно продемонстрировать и на примере многих других регионов бывшего СССР, в частности, Коми АССР. Первые этностатистические исследования в Коми АССР связаны с именем В.В. Пименова и его ученицы этнографа Г.П. Белоруковой, которая приобрела навыки использования этносоциологических методов исследований в аспирантуре ИЭ АН СССР. В 1970-71 гг. она провела массовый опрос населения 30 лесных поселков республики, в ходе которого было опрошено более 1300 человек. Но еще раньше (1964–1968 гг.) известный этнограф Ю.В. Гагарин широко применял в своей полевой практике конкретно-социологические методы. В частности, изучая уровень религиозности населения Коми АССР, он провел в 1964 году сплошной опрос взрослого населения Удорского района, обработав вручную огромный массив информации, легшей в основу его докторской диссертации. К великой печали, вскоре после ее успешной

защиты в ИЭ АН СССР, Ю.В.Гагарин скоропостижно скончался от инфаркта, находясь в расцвете творческих сил и научных перспектив.

В начале 1980-х гг., когда в отделе этнографии ИЯЛИ Коми филиала АН СССР сформировалась группа этносоциологов (М.Б. Рогачев, Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко, позднее – О.В. Котов), в республике начались систематические этносоциологические исследования. Их основная тема «Современные этнические процессы в Коми АССР» включала в себя многогранный комплекс проблем. На первом этапе работы изучались этнокультурные процессы среди коми сельского населения. Массовый опрос населения был проведен в 1981-82 гг. в 50 населенных пунктах республики Коми и охватил 1500 человек. Его результаты нашли отражение в целой серии публикаций и послужили основой для кандидатских диссертаций В.Н. Денисенко (1986 г.) и Ю.П. Шабаева (1988 г.). О.В. Котов в 1988 г. защитил диссертацию, которая была посвящена анализу этнокультурных процессов среди коми-ижемцев. В 1991 году многолетние итоги изучения этнолокальных групп коми были обобщены в монографии Н.Д. Конакова и О.В. Котова «Этнолокальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние».

Самым крупным исследовательским проектом этносоциологов и этнографов Коми филиала АН СССР в рассматриваемый период был общереспубликанский опрос 1987–1988 гг., который по замыслу должен был показать, как меняются этнокультурные ориентации населения, какова направленность процесса культурных трансформаций. Особое внимание уделялось анализу языкового поведения и языковой компетенции, этническому самосознанию и характеру культурного потребления. Материалы, полученные в ходе осуществления данного проекта, нашли свое отражение в различных трудах этносоциологов и этнографов Коми НЦ УрО РАН Н.Д. Конакова, О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.Б. Шабаева, В.Н. Денисенко, В.С. Дерябина и др.

Карельская АССР. Как отмечает старейший карельский этносоциолог Е.Н. Клементьев, «этносоциология Карелии обязана своим рождением и развитием сектору конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, руководимым Юриком Вартановичем Арутюняном» (Междисциплинарные исследования 2004:285). Именно Е.Н. Клементьев был одним из первых аспирантов Ю.В. Арутюняна и защитил в 1971 году кандидатскую диссертацию по тематике новейшего в то время научного направления «этносоциология» (Клементьев 1971). Позднее эту же аспирантуру успешно окончили А.А. Кожанов (Кожанов 1978) и В.Н. Бирин (Бирин 1992). Именно они начали проводить систематические этносоциологические исследования в Карелии, находясь в по-

стоянном и в тесном контакте с коллегами, в том числе и с этнографами. В частности, карельский этнограф З.И. Строгальщикова (Етоева), которая также окончила аспирантуру ИЭ АН СССР, где была ученицей этнографа В.В. Пименова, активно участвовала в совместных проектах, всегда широко используя в своей этнографической практике этносоциологические подходы и методики.

Свидетельством тому, в частности, служит высокая оценка профессионального этносоциолога Е.Н. Клементьева результатов многолетних междисциплинарных исследований своей коллеги – карельского этнографа З.И. Строгальщиковой. «Анализ похозяйственных книг по расселению и социально-демографическим характеристикам вепсов в Ленинградской и Вологодской областях (1981 г.) и последующее фронтальное обследование вепсов Карелии, Вологодской и Ленинградской областей (1983 г.), проведенное этнографом З.И. Строгальщиковой по специальному вопроснику, позволило автору сделать ряд важных выводов <...> На основе данных обследования впервые были разработаны и на региональном межведомственном совещании "Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях в условиях перестройки" приняты рекомендации и предложения. Они предусматривали, в частности, создание в районах компактного проживания вепсов национальных районов с последующим образованием Вепского национального округа, восстановление заброшенных сел и деревень, строительство ряда шоссейных дорог, жилья, разработку перечня льгот и преимуществ вепсам, введение изучения в начальных классах и детских дошкольных учреждениях вепского языка и др.

Материалы этого исследования впоследствии сыграли решающую роль в формировании идеологием вепского национального движения, в которой ведущую роль заняли вопросы административно-территориальной организации Вепского национального округа с объединением территорий Карелии, Ленинградской и Вологодской областей с вепским населением (позднее Вепской национальной волости), восстановления вепской письменности, культурно-языковой мобилизации, поисках путей правовой защиты интересов вепского народа» (Междисциплинарные исследования 2004:289).

В Карелии в 1960 – 70-е годы были проведены массовые обследования карельского сельского населения по проблемам социальной структуры, языковым процессам, вопросам национального самосознания (1969 г.), социально-этническим процессам, происходящим в среде карельского городского населения (1972 г.) На основе двух экспериментальных исследований (1974 и 1975 гг.) А.А. Кожанов обобщил первый опыт разработки

методики исследования национального самосознания карел и вепсов в различных типах этнических сред. В.Н. Бирин, используя материалы этносоциологического обследования карельского, русского и белорусского населения Карелии 1979 г., данных переписей населения, похозяйственных книг, текущей статистики, издал книгу, в которой проанализировал различные аспекты брака и семьи основных этнических групп Карелии (карел, вепсов, финнов, русских, белорусов, украинцев), имеющих различное историческое прошлое, длительные межнациональные связи, проживающих в одинаковых социально-экономических и культурно-бытовых условиях сельской Карелии и контактирующих во всех сферах жизнедеятельности.

В 1980-е годы этносоциологи Е.И. Клементьев, В.Н. Бирин, А.А. Кожанов совместно с карельскими этнографами продолжили исследования сельской социальной среды, изучали социально-профессиональную структуру трудовых ресурсов лесной промышленности и сельского хозяйства. Значительное внимание уделялось изучению особенностей и динамики демографического состава населения, основных тенденций развития сельских поселений как системного объекта, культурно-бытовых условий жизни и личного подсобного хозяйства сельского населения. Результатом этой работы были обобщены в ряде статей, двух историко-социологических очерках, написанных на основе анализа данных переписи, похозяйственных книг, статистических материалов, документов более чем 10 архивов.

Карельские этносоциологи и этнографы активно участвовали во всесоюзных научных конференциях, в ежегодных научно-полевых сессиях, в региональных семинарах, в частности в итоговом региональном совещании этнографов и этносоциологов на тему «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР» (г. Устинове, 1985 г.). Его результатом стал обобщающий научный труд по материалам массовых исследований, осуществленных в ряде автономных республик СССР, «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанный с участием исследователей из Москвы, Башкирии, Татарстана, Карелии, Калмыкии, Коми, Мордовской, Марийской, Удмуртской, Чувашской республик. В монографии рассматривались общие закономерности и местные специфические особенности этнокультурного развития народов обширного региона страны. Опыт междисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов в реализации подобных совместных проектов в 1960–80-е гг. был типичной практикой и, как правило, приносил взаимную пользу.

Литовская ССР в 1982 – 1989 гг. стала местом осуществления совместного проекта этнографов и этносоциологов Института этнографии АН СССР и Института истории АН Литовской ССР «Этнокультурные процессы в современной семье у народов Прибалтики». Для его реализации по инициативе зам. директора ИЭ АН СССР Л.Н. Терентьевой в 1981 г. была создана Литовская этнографическая экспедиция. В ее многолетней работе в разное время принимали участие этнографы из Института этнографии АН СССР (Т.Д. Бородкина, Р.А. Григорьева, Н.Г. Демент, Г.А. Комарова, Л.Х. Феоктистова, М.Я. Эндзеле (Устинова) – руководитель), а также многочисленные студенты Вильнюсского государственного университета, аспиранты ИЭ АН СССР, сотрудники Института истории АН Литовской ССР (этносоциологи И.А. Мардоса, П.П. Кальнюс), ученые из Латвии, Марийской АССР, специалисты Института истории АН СССР и многие другие.

Этносоциологическое обследование проводилось в шести административных районах республики, каждый из которых представлял одну из историко-этнографических областей Литвы: Тельшайском (Жямайтия), Паневежском и Зарасайском (Аукштайтия), Швенченском и Варенском (Дзукия) и Вилкавишкском (Сувалкия). Процедура выборки и ее организация были разработаны сотрудником отдела этносоциологии ИЭ АН СССР В.С. Кондратьевым. В ходе обследования были опрошены члены 658 сельских нуклеарных семей, в том числе 443 литовских и 215 литовско-смешанных семей. В каждой семье опрашивались оба супруга и один из детей школьного возраста (от 7 до 18 лет). При опросе детей и подростков использовалась специальная анкета, разработанная Г.А. Комаровой (Комарова 2010). Всего было опрошено 1974 человека.

Однако, по целому ряду причин, не зависящих от рядовых сотрудников экспедиции, огромная по трудовым и финансовым затратам долгосрочная деятельность всей Литовской этнографической экспедиции дала мизерные результаты. Итогом многолетнего совместного проекта этнографов и этносоциологов Института этнографии АН СССР и Института истории АН Литовской ССР стал лишь небольшой коллективный сборник «Современная семья в Литовской ССР». Этот факт служит еще одним печальным примером справедливости слов В.А. Тишкова, сказанных им по поводу излишней грандиозности некоторых научных проектов в отечественной этнографии советского периода, «в которых были заорганизованы сотни ученых, в том числе в республиках, часто в ущерб монографическим исследованиям»: «Многое так и осталось в стадии первичных материалов» (Тишков 2007:57).

Патриарх нашего профессионального цеха С.А. Арутюнов пишет о подобных явлениях: «Случается, что ценнейший, добытый огромными трудами материал или вообще не доходит до публикации или уровень публикации далеко не соответствует возможностям, предоставляемым самим материалом» (Арутюнов 2010: 160). К счастью, в истории междисциплинарной кооперации этнографов и этносоциологов в подготовке и проведении масштабных этносоциологических исследований, в целом, преобладал удачный и взаимопользованный опыт.

4.5. Статистико-этнографические исследования в отечественной этнографии

Междисциплинарная интеграция этнографии и этносоциологии особенно ярко проявилась в исследованиях Урало-Поволжского региона, в котором в 1960 – 80-х гг. Институт этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями этого региона осуществил целый ряд массовых этнографических (статистико-этнографических) обследований населения. Важно напомнить, что в рассматриваемый период не только этносоциологи Института этнографии имели достаточные финансовые и интеллектуальные возможности для проведения крупномасштабных исследований. Помимо обследований под руководством основателя отечественной этносоциологии Ю.В. Арутюняна, в Поволжье в эти же годы были выполнены репрезентативные исследования этносоциальных и этнокультурных процессов под руководством известного советского этнографа В.В. Пименова, который широко использовал массовые анкетные опросы, активно прибегая к этносоциологическим методикам. С именем В.В. Пименова связывают становление статистико-этнографического (статистико-этнологического) подхода в отечественной этнографии (Пименов 1986; Коростелёв 1997; Пименов, Филиппов 1995; Филиппов 2006). Это научное явление заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на нем подробнее.

Как уже говорилось в предыдущих главах, использование статистических данных в этнографии имеет давнюю историю. Отечественные этнографы в 1930-50-е гг. постоянно пытались, по образному выражению М.В. Витова, «ввести Число в свою науку-этнографию» (Витов 1962). Зарубежные исследователи-этологи (например, Т. Friske и др.) начали использовать методы массовых опросов и математико-статистическую обработку данных в своей научной практике еще раньше. Ко второй половине 60-х годов XX столетия в советской этнографической науке возникла особая потребность в более широком использовании количественных мето-

дов. В значительной степени это было связано с тем, что основное внимание немалой части этнографов в то время было направлено на изучение изменений, которые происходили в различных сферах жизни всех народов страны в советский период. И этот опыт, эти тенденции, возникшие в русле самой этнографии, послужили одним из источников нового направления, возникшего в 1960 – 80-е гг. и получившего название статистико-этнографических (Пименов 1985), а позже – статистико-этнологических исследований (далее – СЭИ). Однако применение методов математической статистики и статистического анализа данных в нем в основном произошло под влиянием этносоциологии. И затем, по словам В.В.Пименова, статистическое направление в этнографии формировалось частью во взаимодействии, а частью параллельно с этносоциологией (Пименов 1985:5).

На примере становления и развития статистического направления в этнографии можно наблюдать достаточно типичную ситуацию, когда дисциплина, возникшая в недрах одной или нескольких дисциплин, обычно вызывает дискуссии о предмете появившейся науки, о её принадлежности и статусе. Эти дискуссии становятся особенно острыми в тех случаях, когда вновь возникшая наука является «нетрадиционной» для этнографии. Так, в частности, случилось и со статистическим направлением в этнографии, и с этносоциологией, и с этнической картографией, т.е. с научными направлениями, возникшими в лоне этнографии и связанными с такими науками (статистикой, социологией, картографией и т.п.), которые не изучают объекты, как обычные науки, а разрабатывают методы и выполняют в некотором смысле, обслуживающую функцию. Как известно, статистический метод сложился вначале как метод анализа таких массовых демографических явлений, как брак, развод, рождаемость и т.д. И в рефлексии исследователей, которые не просто развивали и совершенствовали этот метод, но также рассматривали вопрос о том, что такое статистика, как её разместить на «карте» наук, можно выделить, по крайней мере, две точки зрения, свидетельствующие о двух разных тенденциях осознания её сущности и предназначения. Одни считали статистику социально-экономической наукой, наукой об обществе (Сычева 1999:148–149). Другие полагали: «Всё, что исследует статистика, – законная собственность других наук; статистика остается без собственного предмета, и её особенностью является только метод» (Дружинин 1964: 27).

Скорее всего, подобная дискуссия была вызвана различным пониманием дисциплинарных границ самой статистики. К сожалению, представители статистического направления в этнографии также не дают окончательного ответа на закономерный вопрос о том, как они осознают знание –

исследование явлений с помощью статистического метода: как знание об этих явлениях (прежде всего общественных, ибо статистический метод использовался ими при анализе именно этих явлений) или как знание о методе исследования массовых явлений и процессов. В их работах также нет терминологической ясности и определенности.

В 1976 году казанские этнографы, работающие под руководством Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина, предложили называть исследовательское направление в этнографии, использующее количественные (преимущественно статистические) методы сбора и анализа этнографической информации, «статистической этнографией» (Очерки статистической... 1976). Н.В. Зорин в этом сборнике предложил серию конкретных разработок массовых статистических материалов для освещения традиционных аспектов этнографии, что было признано важным этапом в формировании нового методического направления в этнографии. В дальнейшем в работах В.В. Пименова и его последователей речь идет уже о «системном или, точнее, системно-статистическом подходе» (Пименов 1978), затем – о «системно-структурном» подходе (Пименов 1985:156) и т.п. Позднее эти же исследователи в некоторых своих работах (Кондратьев, Пименов 1985) обозначали его то «статистической этнографией», то «системно-статистическим подходом» (Иванов и др. 1987). В 1990-2000-е гг. В.В. Пименов говорит то о «компонентной концепции этноса», то о «компонентной теории этногенеза», то о «системно-статистической (компонентной) теории этноса» или просто «компонентной теории» и т.д. (Пименов 2007:13; 2008:86–87). К сожалению, после своей единственной монографии «Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса», вышедшей в свет в 1977 году, какого-либо другого обобщающего монографического исследования, посвященного системно-статистическому подходу и статистико-этнологическим исследованиям в отечественной этнографии, В.В. Пименов не публиковал.

Между тем проблема целостного (системного) компонентного анализа этноса с помощью статистических методов была поставлена и рассмотрена именно в его работах в 1970-е гг. (Пименов 1975;1977;1978). В.В. Пименов рассматривал исследования подобного рода как попытку дальнейшего развития идей и принципов, ранее сформулированных советскими этнографами, социологами, этносоциологами, психологами. Решая подобные задачи, он, прежде всего, стремился расширить понятийный аппарат этнографии путем введения в научный оборот новых терминов: «компонента этноса», «этнофор», «демосоциальное основание этноса», «социально-этническая ситуация» и др. По определению Пименова, «этнофор» – это личность, выступающая в качестве носителя этнических черт

и характеристик; «компонента этноса» – это его структурная единица высшего порядка, его существенная сторона, имеющая (в свою очередь) сложное строение и членившаяся на элементы (признаки, переменные, факторы) более низкого таксономического порядка; «социально-этническая ситуация» – совокупность характеристик объекта на момент его исследования и т.д.

В.В. Пименов и его сторонники априори определяли теоретическую модель этноса как «относительно обособленную динамическую самовоспроизводящуюся социальную систему чрезвычайно высокой степени сложности, структурные компоненты которой входят в неё «на правах» также весьма сложных подсистем, а последние «подвижно скреплены» между собою многочисленными и разнообразными связями, имеющими характер отношений числа, порядка, направления, силы, координации и субординации» Они считали «...этнос сложным сочетанием следующих компонент: демографической структуры данной общности, её экономики, территориального размещения (расселения), социальной структуры, языка или языков, функционирующих среди членов данной общности, материальной и духовной культуры (фольклорной и профессиональной), быта (иначе говоря, стереотипных форм поведения) членов данной общности, их этнического самосознания и некоторых (этнических) черт психики. Другими словами, этносы суть большие группы людей, “взятые” в реальном контексте социальных, культурных, языковых и иных отношений и характеристик» (Пименов 1978). Структурными образованиями высшего порядка, по мнению Пименова, являются компоненты, имеющие сложное строение: расселение этноса; его воспроизводство как части населения и свойственная ему демографическая структура; производственно-экономическая деятельность; система социальных отношений и институтов; язык; быт; обычаи; обряды; система личностного контактирования. Таким образом, одним из фундаментальных общенаучных методов в работах Пименова служил системный подход к этносу (Пименов 1984:12; Чуваши 1988:87).

При значительном сходстве этносоциологии и статистико-этнографического направления в отношении изучаемых проблем и методов исследования между ними с самого начала существовали и отличия. Статистико-этнографические исследования «(СЭИ) выделялись на фоне большей части работ этнографов тех лет, прежде всего, систематическим использованием статистики и анкетирования. От этносоциологии же, позиционировавшей себя как направление социологии, СЭИ отличались большим вниманием к вопросам, которые были традиционными для этнографии – материальная и духовная культура в том их аспекте, который

обычно интересуется этнографов, обычаи и обряды, фольклор и др. Можно сказать, что это было исследование этнографических проблем методами количественной социологии. Однако при этом значительное внимание уделялось также демографическим и социальным характеристикам населения.

В рамках этих двух направлений при построении выборки с самого начала обращалось внимание на этническую принадлежность респондентов. Однако в дальнейшем алгоритм обработки полученных данных был различным. При том подходе к обработке данных, который практиковался в работах этносоциологов, основное значение придавалось таким демографическим и социальным переменным как пол, возраст, социально-профессиональная группа опрашиваемого, его образование и т.п. и выяснению зависимости от них остальных переменных (языковых, культурных, психологических).

В отличие от этого в СЭИ принят иной подход, в соответствии с которым допускается возможность существования значимых связей между любыми переменными из числа включенных в анализ. Считается, что до опроса исследователь не знает, какие из связей между переменными окажутся для исследуемой группы наиболее существенными. Поэтому рассчитываются значения связи любой включенной в анализ переменной со всеми остальными. При этом наряду с теми результатами, которые получают этносоциологи, становится возможным оперировать и с той частью информации, которая при первом подходе была бы утеряна» (АА 2012).

Подобный алгоритм обработки данных является следствием развиваемой В.В. Пименовым методологии исследования, называемой им системным подходом к этносу (Пименов 1986). Этнос в рамках этой методологии характеризуется как «относительно автономная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся сложная социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации, система, функционирование и развитие которой, в конечном счете, экономически детерминировано» (Пименов 1977: 14). Отсюда следует необходимость исследования взаимосвязи и взаимовлияния компонент этноса между собой, а на операциональном уровне – выявления наличия, направленности и меры связей между переменными, представляющими компоненты в данном конкретном исследовании.

Один из самых последовательных единомышленников В.В. Пименова, А.Д. Коростелёв, проведя комплексное статистико-этнологическое ис-

следование этносоциальных и этнокультурных процессов среди русского населения Чувашии в начале 1980-х годов, развил и дополнил целый ряд теоретических положений Пименова. В частности, в своей диссертации А.Д. Коростелёв делает следующие выводы: «Анализ рассчитанных коэффициентов связи позволяет выделить относительно тесно сплоченные группы переменных, объединяющиеся уже непосредственно на уровне модели в целом. Для каждой переменной, входящей в такую группу, большинство наиболее существенных связей реализуется в пределах той же группы. За этими группами (будем называть их относительно автономными субсистемами) стоят более абстрактные понятия, не поддающиеся непосредственной эмпирической проверке. Относительно автономные субсистемы, по-видимому, соответствуют относительно автономным сферам действительности в реальной системе этноса. При этом два понятия – компонента (вычленяемая в ходе предварительного теоретического анализа объекта) и относительно автономная субсистема (выделенная путем эмпирического изучения реальности) – не исключают, а дополняют друг друга» (Коростелёв 1992:12).

Системно-статистический или системно-структурный подход, родоначальником которого стал В.В. Пименов, получил в советской этнографии 1970-80-х гг. широкую известность. Он был связан с формированием системных представлений об этносе, что определялось распространением системного подхода, идеями общей теории систем, но, прежде всего, господствующей в тот период в СССР «марксистско-ленинской теорией этноса», сформулированной Ю.В. Бромлеем. Как известно, советская этнографическая наука представляла этнические общности реально существующими объектами, которым свойственно диалектическое развитие. Сегодня в зависимости от аспекта исследования и методологического подхода в отечественной этнологической науке выделяют несколько теорий этноса, в том числе и системно-статистическую (компонентную) теорию В.В. Пименова. В соответствии с этой теорией этнос рассматривается как исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой).

Под научным руководством В.В. Пименова с конца 1960-х и до конца 1980-х гг. Институтом этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья был осуществлен целый ряд массовых этнографических (статистико-этнографических) исследований, посвященных изучению современных этнических процессов в республиках Поволжья и Приуралья. Такие исследования проводились в Удмуртии (1968 г. и

1979 – 1980 гг.), в Мордовии (1973 г.), Чувашии (1981 г.), Марийской республике (1984 – 1985 гг.), Калмыкии (1985 г.), Башкирии (1986 г.). В их подготовке, проведении, а также в обработке и анализе полученных материалов помимо этнографов участвовали этносоциологи и представители других наук: историки, филологи, социологи, математики и др. Необходимо особо отметить тот факт, что на становление системного подхода к исследованию этнических процессов, в ходе которого использовались новейшие на тот период времени методы математической статистики, значительное влияние оказали работы А.Ф. Фелингера и В.А. Устинова (Устинов и др. 1973).

В то же время практика построения выборки для статистико-этнографических опросов сложилась благодаря Э.К. Васильевой, проектировавшей выборку для первого статистико-этнографического обследования 1968 года и многих последующих подобных исследовательских проектов отечественной этнографии. Известный советский статистик, зав. кафедрой статистики Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильева в течение долгих лет активно сотрудничала с В.В. Пименовым, его единомышленниками, этнографами, использующими статистические методы в своих исследованиях. Наряду с Э.К. Васильевой огромный вклад в разработку и подготовку научного аппарата, а также в обработку и анализ полученных материалов статистико-этнографических исследований народов Урало-Поволжья внесли этносоциологи А.Д. Коростелёв и В.С. Кондратьев.

Удмуртская АССР была выбрана первым исследовательским полем для осуществления статистико-этнографического обследования. Изучение современных этнокультурных процессов в Удмуртии началось в 1968 году, когда под руководством В.В. Пименова было проведено массовое статистико-этнографическое обследование удмуртского населения. В ходе обследования изучались традиционные культурно-бытовые явления; степень знания их представителями разных социально-профессиональных и демографических групп удмуртского населения республики; а также соотношение традиционного и нового в живом бытовании с целью выяснения устойчивости отдельных компонент этноса и общей тенденции развития удмуртского этноса. Выборку для первого статистико-этнографического исследования (СЭИ) проектировала, как уже сообщалось, Э.К. Васильева. Опрос с использованием формализованного инструментария охватил 1220 сельских и 919 городских жителей удмуртской национальности на территории Удмуртской АССР и 94 представителя удмуртской творческой интеллигенции. Анкета включала 60 вопросов, на базе которых было сформировано 50 переменных, включенных в анализ.

Результаты обследования были изложены в монографии В.В. Пименова «Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса», в его совместной с Л.С. Христюбовой брошюре «Удмурты: этносоциологические очерки» (Ижевск, 1976), двух защищенных диссертациях и ряде статей. В 1970-е годы в Удмуртском НИИ при Совете Министров УАССР (ныне УИИЯЛ УрО РАН) сложилась группа этносоциологов, прошедших аспирантскую подготовку под руководством В.В. Пименова в Институте этнографии АН СССР. В частности, в 1976 году Г.К. Шкляев провел выборочное обследование сельских населенных пунктов УАССР. Проект выборки для этих обследований был также осуществлен проф. Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Цель исследования – изучение истории заселения и типов сельского расселения, планировочной структуры современных сельских поселений, выяснения их типологии, выявления этнических, региональных и хронологических различий. Статьи по его материалам были опубликованы в двух сборниках Удмуртского НИИ: «Этнокультурные процессы в Удмуртии» (Ижевск, 1978) и «Сельские поселения Удмуртии в XIX – XX вв.» (Ижевск, 1981).

В том же 1976 г. была начата подготовка к проведению повторного массового обследования населения республики по сопоставимой с обследованием 1968 г. программе. Для получения сопоставимого материала за основу был взят разработанный В.В. Пименовым инструментарий 1968 года, но с учетом накопленного в Институте этнографии опыта он был значительно дополнен. В 1979 – 1980 гг. повторное обследование с охватом удмуртского, русского и татарского населения республики было проведено совместными силами НИИ при СМ Удмуртской АССР, Удмуртского государственного университета и ИЭ АН СССР под руководством В.В. Пименова и Л.С. Христюбовой. Полученные материалы были переработаны на ЭВМ. Цели повторного обследования состояли в том, чтобы изучить соотношение традиционного и нового в сфере материальной и духовной культуры удмуртов и других народов Удмуртии; выявить региональные и этнические особенности в их культуре; исследовать условия развития общесоветских черт в образе жизни населения УАССР. Это обследование позволило проследить динамику социальных и этнических процессов среди удмуртского населения, а одновременное обследование русского и татарского населения республики – проанализировать аналогичные процессы у разных этнотерриториальных групп нетитульного населения.

По материалам обследования сельского населения в 1983 – 85 гг. было издано три сборника статей, в написании которых участвовали как ижевские, так и московские этнографы – сотрудники Института этногра-

фии Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, Т.П. Федянович. В этих сборниках давалась общая характеристика социальной структуры сельского населения, исследовались новые черты в его культуре и в быту; рассматривалось влияние типов сельских поселений на поведение в быту и сохранение традиций удмуртов, на степень интернационализации общественного сознания, интересы и установки в сфере этнических ценностей, на социальные и демографические характеристики населения, изменения в традиционной обрядности. Предметом исследования также стали взаимодействие этнических культур, общественно-политическая и культурно-досуговая деятельность, территориальная и социальная подвижность сельских жителей, особенности современной сельской семьи и семейного быта, тенденции социального и этнокультурного развития.

В первом сборнике В.В. Пименов дал краткий обзор состояния статистической этнографии как нового раздела (направления) этнографической науки в нашей стране. Л.С. Христюлова проследила этнокультурные процессы у удмуртов в 1970-е годы, а также провела региональный анализ процессов, происходивших в сфере духовной культуры сельских удмуртов. Г.П. Белорукова исследовала социальную структуру сельского населения, межпоколенные и внутрипоколенные перемещения в национальных группах сельского населения. Г.А. Комарова проанализировала особенности этнокультурных ориентаций мужчин и женщин, Т.П. Федянович изучала изменения в семейной обрядности русского населения Удмуртии, Т.С. Гузенкова – особенности межэтнических контактов в Удмуртии и Чувашии. Специальный сборник был посвящен этносоциальным и этнокультурным процессам в среде городского населения Удмуртии. В статьях были прослежены особенности формирования городского населения Удмуртии и общественная активность современных горожан (Г.К. Шкляев), рассмотрены социально-профессиональный состав и межнациональные отношения в среде городского населения (Г.П. Белорукова), свободное время и духовная культура (Л.С. Христюлова, Н.В. Перевощикова), традиционное и новое в материальной культуре городского населения (Г.А. Никитина, Е.Я. Трофимова, Г.К. Шкляев).

Результаты названных опросов нашли отражение в коллективной монографии «Удмурты: историко-этнографические очерки», в книге Л.С. Христюловой «Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления» и в других научных изданиях. Они также были широко представлены и обсуждены в ходе регионального научного совещания этнографов и этносоциологов на тему «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР», состоявшейся в октябре 1985 года в г. Устинов (Ижевск). Его ре-

зультатом стало решение издать обобщающий научный труд по итогам массовых статистико-этнографических исследований в Урало-Поволжье. Коллективный труд «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье» был издан в 1991 году в г. Чебоксары.

Мордовская АССР. В 1973 – 1974 годах в ряде сел и городов Мордовии НИИЯЛИЭ при СМ Мордовской АССР совместно с Институтом этнографии АН СССР по программе, разработанной В.В. Пименовым, провел одно из крупнейших в истории республики этностатистическое исследование. Оно охватило 41 населенный пункт, а также 10 поселков городского типа. Структура репрезентативной выборочной совокупности была следующей: сельское население – 2390 человек и городское – 2580 человек. Выборка опроса была спроектирована проф. Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Программу и вопросник исследования разработал В.В. Пименов. При составлении «Мордовского этнографического вопросника» был использован опыт этносоциологических исследований Ю.В. Арутюняна, Е.И. Клементьева, О.И. Шкаратана. В подготовке и проведении первого в Мордовии обследования с использованием этносоциологических методик, а также в обработке и анализе полученных данных, принимали участие под руководством В.В. Пименова московские, саранские и ижевские этнографы: Л.С. Христолюбова, Т.П. Федянович, В.А. Балашов, В.Ф. Вавилин, А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин, Н.С. Шаляев и др.

В 1985 – 1986 годах было проведено статистико-этнографическое обследование сельского населения Мордовии. Инструментарием сбора первичной информации была анкета, разработанная В.Ф. Вавилиным. В 45 населенных пунктах республики (12 мокшанских, 8 эрзянских, 21 русских и 4 татарских) было опрошено 2000 человек. Итоги этносоциологического исследования этнических процессов в Мордовии, проведенного под руководством В.Ф. Вавилина мордовскими этнографами В.А. Балашовым, Н.С. Беляевой, А.С. Лузгиным нашли свое отражение в их авторских (Вавилин 1989; Балашов 1992) и коллективных монографиях. Монография В.Ф. Вавилина «Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР (сельское население)» стала единственным в своем роде исследованием, выполненным по методике компонентного анализа.

В последующие годы анализ информации, собранной в ходе нескольких этностатистических обследований мордовского и русского населения Мордовии, позволил прояснить целый ряд теоретических вопросов, связанных с функционированием и развитием этнокультурных процессов, а также решить некоторые практические задачи их планирования и управ-

ления. Собранные материалы легли в основу ряда научных публикаций и диссертационных исследований. В 1991 году проводились массовые этносоциологические исследования в Мордовии и в районах компактного проживания мордвы за пределами республики. Они были проведены Мордовским госуниверситетом и НИИ регионологии при участии сотрудников МНИИЭЛИЭ, преподавателей и студентов МГПИ им. Евсевьева под руководством В.А. Балашова, В.Ф. Вавилина, Г.П. Кулешовой. Полученные материалы были обработаны и проанализированы и опубликованы НИИ регионологии в сборниках, посвященных межнациональным отношениям в Мордовии.

Методологические подходы мордовских этносоциологов к началу 1990-х гг. претерпели существенные изменения, основная суть которых заключалась в перемещении фокуса внимания с изучения отдельных этносов на исследования межэтнических отношений в таком полиэтническом районе как Мордовия.

Чувашская АССР. В Чувашии первое массовое статистико-этнографическое исследование было организовано и осуществлено в 1981 – 1982 гг. ИЭ АН СССР совместно с НИИЯЛИЭ Чувашской АССР (ныне ЧГИГН) по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Цель исследования состояла в системном изучении этноса и функциональном анализе его основных компонент: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п., а также в исследовании механизма их взаимодействия. При этом особое внимание было уделено изучению процессов этнической консолидации и межэтнического взаимодействия и разработке на его основе ряда прикладных задач.

В анализе и подготовке к публикации полученных в результате обследования материалов, принимали участие как чебоксарские (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, В.Г. Родионов), так и московские этнографы и этносоциологи (В.В. Пименов, А.Е. Пахутов, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелёв, В.С. Кондратьев, Г.А. Комарова, Т.П. Федянович) и др. Выборку первого в ЧАССР массового статистико-этнографического исследования подготовила д. э. н., проф. Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильева. В результате было опрошено около 4200 человек в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию, составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах – по картотекам паспортных столов. Принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных, вместе с тем поставила перед исследователями весьма сложные проблемы практического

плана. Необходимо было опросить жителей 58 сельских населенных пунктов, разбросанных по всему 21 району республики, 7 городов (Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Алатырь, Шумерли, Козловка, Ядрин) и поселка городского типа – Ибреси. В результате обследование проводилось в три этапа: летом (июль 1981 г.) опрашивалось сельское население, осенью–зимой (ноябрь–декабрь 1981 г.) – городское и в январе–феврале 1982 г. – национальная творческая интеллигенция, которая изучалась в ходе СЭИ и в других республиках Урало-Поволжья.

Технический и логический анализ заполненных вопросников, а также кодировка содержащейся в них информации осуществлялись в основном чувашскими участниками исследования. Сотрудники Института этнографии АН СССР А.Д. Коростелёв и Т.С. Гузенкова занимались вторичной, более детальной проверкой вопросников и особенно качества кодировки, т.е. фактически полной перепроверкой всех массивов обследования. Обработку информации на ЭВМ осуществил А.Д. Коростелёв. Полученный богатейший этностатистический материал предоставил возможность многоплановой разработки разнообразных научных тем, в том числе таких, как социально-демографические процессы (В.В. Пименов, В.С. Кондратьев, А.Д. Коростелёв, Г.А. Комарова), этнические процессы и образ жизни (В.В. Пименов, В.П. Иванов, А.Д. Коростелёв), современные этноязыковые процессы (Р.А. Григорьева, А.Д. Коростелёв), тенденции изменений в современной материальной и духовной культуре (А.Д. Коростелёв, Г.Б. Матвеев, А.Е. Пахутов, Т.П. Федянович), этнические процессы и семья (В.П. Иванов, Г.А. Комарова, П.П. Фокин), религия и обрядность (Г.Б. Матвеев, Т.П. Федянович) межэтнические контакты (В.П. Иванов, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелёв), роль фактора пола в этнокультурных процессах (Г.А. Комарова), вопросы этнопсихологии (С.К. Жидкова) и.д.

Результаты статистико-этнографического исследования 1981 – 1982 гг. впервые обсуждались на научной конференции в г. Чебоксары в 1982 г., но особенно широко и развернуто они были освещены и обобщены на научно-практической конференции «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР», состоявшейся 22 ноября 1983 г. в Чувашском НИИЯЛИЭ. В последующие годы результаты данного исследования были изложены в целом ряде публикаций, тематических сборников, диссертаций. Итогом исследований стала коллективная монография «Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшая в 1988 г. в издательстве «Наука». Следует особо отметить, что программа и инструментарий (вопросники, инструкции, принципы репрезентативной выборки) были опубликованы в виде методических указаний («Современные эт-

нические процессы в Чувашской АССР. Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографических исследований». Чебоксары, 1984).

Кроме двух совместных с ИЭ АН СССР этностатистических исследований Чувашский НИИЯЛИЭ провел несколько массовых обследований с охватом меньшего количества опрошенных. Так, в 1988 г. для выяснения оценки межнациональных отношений в республике было проведено анкетирование лиц нетитульных национальностей (русских, татар, мордвы). Серия массовых обследований была также осуществлена чебоксарскими и московскими учеными в сельских районах Чувашии в 1982 – 1983 и 1987 – 1989 годах. Т.С. Гузенкова по материалам статистико-этнографических исследований в ЧАССР защитила кандидатскую диссертацию. Г.А. Комарова (ИЭА РАН) в 1980-е гг. провела в Чувашии специальный опрос сельских и городских женщин, а также организовала несколько других этностатистических обследований, результаты которых были использованы в диссертационной работе, защищенной ею в 1989 году. А.Д. Коростелёв (ИЭА РАН) в 1980-е гг. широко использовал в своей работе данные статистико-этнологического обследования русского населения ЧАССР и защитил в 1992 году кандидатскую диссертацию на тему «Русское население Чувашии: этносоциальные и этнокультурные процессы в начале 1980-х гг.».

Отметим, что по примеру проведения СЭИ в 1981 году в Чувашской АССР, выборка по каждой исследуемой в дальнейшем республике целенаправленно проектировалась таким образом, чтобы создать пять массивов данных: два по титульной национальности (сельский и городской массивы), два по русскому населению (также сельский и городской массивы), и массив по творческой интеллигенции титульной национальности (НТИ). По такой схеме были проведены исследования в Марийской АССР и в Калмыцкой АССР.

Марийская АССР и Калмыцкая АССР. В 1984 – 85 годах Институт этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья провел сразу два крупных статистико-этнографических исследования, посвященные изучению современных этнических процессов в республиках Поволжья и Приуралья (руководитель – В.В. Пименов). Такие исследования состоялись в Марийской АССР (1984 – 1985 гг.) и Калмыцкой АССР (1985 г.). В их организации и проведении принимали участие этнографы и этносоциологи из Москвы, Йошкар-Олы, Элисты, Уфы и других городов Урало-Поволжья.

В Марийской АССР ко времени проведения статистико-этнографического обследования уже был накоплен определенный опыт

социологических исследований под руководством В.А. Соловьева, кстати, успешно продолжаемых местными учеными и в наши дни (Н.В. Орлова и др.). Однако в целом СЭИ, посвященное изучению современных этнических процессов в МАССР, было по своим задачам и масштабам для республики уникальным. В его подготовке и проведении, а также в обработке и анализе полученных материалов, помимо йошкар-олинских этнографов (Т.Л. Молотова, Н.С. Попов, В.Д. Шаров и др.), самое активное участие приняли их коллеги из Москвы (В.В. Пименов – руководитель проекта, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, А.Д. Коростелёв, Т.П. Федянович), а также аспиранты из Уфы (Н.Ф. Гайнуллина, Ю. Юлдашбаев). На материалах Марийского статистико-этнографического исследования был написан целый ряд статей, разделов в коллективных монографиях, защищены несколько диссертаций. По его итогам вышли в свет два выпуска серии «Археология и этнография Марийского края»: «Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР» (Йошкар-Ола, 1989) и «Современные этнокультурные процессы в марийском селе» (Йошкар-Ола, 1991). Этнографы с позиций системного подхода изучали очень широкий круг проблем: семью и семейно-брачные отношения, пищу, жилище и поселения, одежду, социолингвистическую ситуацию, обрядность, этнодемографические процессы, межэтнические отношения, профессиональные формы духовной культуры.

В организации, проведении, обработке и анализе материалов уникального для Калмыкии массового статистико-этнографического исследования совместно с московскими коллегами (В.В. Пименов, Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, А.Д. Коростелёв, А.Е. Пахутов) участвовали элистинские ученые: Л.С. Бурчинова, Э.-Б.М. Гучинова, А.Г. Митиров, Д.Д. Шалхаков, Т.Б. Бадмаева, Г.М. Красильникова, З.Э.-Г. Гоголданова, В.Д. Дамбинова и др. В ходе Калмыцкого СЭИ было получено 5 массивов информации – 2 сельских (калмыки и русские, соответственно 1200 и 800 человек) и 2 городских (калмыки и русские – 1200 и 800 человек), а также массив по творческой интеллигенции титульной национальности. По результатам обследования в КАССР были изданы научные сборники «Современные этнические процессы в Калмыкии» и «Калмыки. Перепутье 80-х. Проблемы этнокультурного развития». В 1989 году Э.-Б.М. Гучинова с использованием результатов Калмыцкого статистико-этнографического исследования защитила кандидатскую диссертацию «Семейные обряды калмыков».

Башкирская АССР. Массовое статистико-этнографическое исследование «Современные этнические процессы в Башкирской АССР», посвященное изучению современных этнических процессов в Башкирии и

совместно проведенное ИЭ АН СССР и ИИЯЛ БНЦ в 1986 году, стало завершающей частью комплексной программы, осуществляемой в республиках Поволжья и Приуралья с 1968 года под научным руководством В.В. Пименова. И вместе с тем, это было первое для Башкирии столь масштабное междисциплинарное обследование. В ходе Башкирского СЭИ было опрошено 5600 человек (русских, башкир, татар) в 13 городах, поселках городского типа и в 80 сельских поселениях. Выборка обеспечивала представительство трех наиболее многочисленных национальностей (башкир, русских и татар) во всех экономико-географических районах Башкирии. Она позволила получить семь массивов данных: к обычным пяти добавились еще массивы по татарам (по сельскому и городскому населению), что связано с большой долей лиц этой национальности в составе населения республики. В ходе исследования в Башкирии было опрошено 1199 сельских башкир, столько же городских башкир, 799 сельских жителей русской национальности, по 800 – городских русских, сельских татар и городских татар, а также 163 представителя башкирской творческой интеллигенции.

Инструментарий исследования – «Вопросник Башкирской этнографической экспедиции», составленный под руководством В.В. Пименова большим коллективом авторов из Уфы, Казани, Москвы включал 193 вопроса. На базе их, а также с учетом данных «Поселенческого паспорта Башкирской этнографической экспедиции» было сформировано 237 переменных, включенных в анализ.

К моменту проведения массового этностатистического обследования населения в БАССР в 1986 году уфимские этнографы (В.Я. Бабенко, Н.В. Бикбулатов, М.Д. Киекбаев, М.Г. Муллагулов, М.В. Мурзабулатов, Р.Г. Кузеев, С.Н. Шитова, Н.Ф. Гайнулина, Ю.Х. Юлдашбаев и др.) уже имели собственный опыт массового анкетного обследования сельского населения. И среди них особая роль в интеграции социогуманитарных и точных наук принадлежала, несомненно, Раилу Гумеровичу Кузееву – известному отечественному этнографу, член-корреспонденту РАН. Обладая обширными познаниями в общественных науках, он всю сознательную творческую жизнь плодотворно разрабатывал проблемы, лежащие на стыке этнографии с различными научными дисциплинами. Нельзя не отметить, что его научный подход отличался широтой и системностью. Кузеев при анализе любых изучаемых явлений всегда учитывал воздействие на них самых различных изменений, этносоциальных и этнополитических тенденций, миграций, культурных контактов и т.п.

Он уделял огромное внимание этнополитическим, этноэкологическим, этносоциальным, этногеографическим, этнодемографическим фак-

торам, данным источниковедения, археографии, ономастики и других междисциплинарных научных направлений. Применяя комплексный ход к этнографическим исследованиям, Р.Г. Кузеев активно и плодотворно сотрудничал со специалистами в области археологии, географии, языкознания, фольклористики, психологии, социально-политической истории, социологии, политологии, популяционной генетики, физической антропологии, этносоциологии, этноэкологии. Но при этом он всегда рассматривал этот подход лишь как «принцип корреляции фактов и объективности полученных оценок и выводов».

Р.Г. Кузеев принимал самое активное участие в реализации этностатистического обследования населения в БАССР в 1986 году по программе «Современные этносоциальные и этнокультурные процессы в Башкирской АССР». И его роль в организации и осуществлении этого масштабного научного проекта трудно переоценить. Позднее, когда в 1993 году сотрудники ЦИМО ИЭА РАН совместно с башкирскими коллегами (под руководством М.Н. Губогло и Р.Г. Кузеева) длительное время работали в Башкортостане, проводя масштабное этносоциологическое обследование населения республики в рамках международного проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз», Раиль Гумерович вновь оказал огромную научную, организационную, моральную помощь в реализации проекта. При его поддержке были изданы материалы этого обследования, собранные в Башкортостане (Язык и национализм 1994), а также в рамках проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» 3 тома документов, материалов, комментариев и аналитических статей, посвящённых этнополитической ситуации в Башкортостане (Этническая мозаика 1992; 1993).

Р.Г. Кузеев прекрасно понимал ценность и необходимость количественных научных методов, активно способствовал их внедрению, но наряду с этим был одним из первых, кто заметил, что исследования, основанные исключительно на статистических материалах, порой заметно искажают историко-этнографическую реальность. Он неоднократно отмечал «односторонность этносоциологических методов» и подчеркивал «необходимость учёта историко-этнологических аспектов формирования изучаемой проблематики» (Кузеев 1994а:115). Он ратовал за сохранение таких традиционных этнографических методов как включенное наблюдение, длительное пребывание исследователя в изучаемой этнокультурной среде, предлагая сопоставлять данные синхронных этносоциологических исследований с материалами этнографии, данными исторической этнографии и других дисциплин. Он рассматривал комплексный подход в науке не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а

как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов (Кузеев 1974).

Тем не менее, статистико-этнографическое исследование «Современные этнические процессы в Башкирской АССР» 1986 года способствовало развитию в БАССР этнологических исследований с использованием количественных статистических и социологических методов. В результате его проведения были собраны и обработаны уникальные материалы. Впоследствии они легли в основу научных сборников «Современные этнические процессы в Башкортостане: состояние проблемы и перспективы исследования» (1992) и «Вопросы этнографии городского населения Башкортостана» (1992). На основе этносоциологического обследования 1986 года был составлен статистический свод по материальной культуре башкир, татар и русских, служащий источником для сравнительного изучения изменений в культуре этих этнических групп. Проект должен был завершиться изданием коллективной монографии «Башкиры, татары, русские Башкортостана: этнокультурные процессы». Однако наступили очередные переломные годы, и не всем планам суждено было осуществиться. Между тем, в результате массового этносоциологического опроса был сформирован большой корпус научных материалов и статистических данных. Материалы обследования в БАССР были обобщены не только в тематических сборниках, но использовались при написании статей, научных обзоров, а также в ряде диссертаций. В частности, И.Г. Петров проанализировал в сравнительном плане данные обследования сельского массива в своей кандидатской диссертации «Сельское чувашское население Башкирского Приуралья: современные этнокультурные процессы». Позднее, в 1990-2000-е гг., используя количественные статистические и социологические методы, свои исследования провели И.М. Габдрафиков, М.Дж. Киекбаев, Р.И. Якупов, Р.Р. Галлямов, Ф.Г. Сафин, Г.Ф. Ахметова, А.С. Щербаков и другие.

Таким образом, в 1960 – 80-е гг. по методике и инструментарию, впервые апробированным в Удмуртии в 1968 году, статистико-этнографические исследования были проведены почти во всех республиках Урало-Поволжья, а также в других регионах страны. По итогам массовых СЭИ неоднократно проводились региональные рабочие совещания, научные конференции, устраивались секции в ходе научно-полевых сессий, участие в которых принимали и этнографы, и этносоциологи. Итоговое региональное совещание этнографов и этносоциологов на тему «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-

Поволжья и Европейского Севера СССР» прошло в г. Устинове (Ижевске) в 1985 году. На нем было принято решение создать обобщающий научный труд. Материалы статистико-этнографических исследований, осуществленных в ряде автономных республик СССР, нашли широкое отражение в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанной с участием исследователей из Москвы (ИЭ АН СССР), Башкирии, Татарстана, Карелии, Калмыкии, Коми, Мордовской, Марийской, Удмуртской, Чувашской республик и выпущенной Чувашским НИИЯЛИЭ в 1991 г. В монографии рассматривались общие закономерности и местные специфические особенности этнокультурного развития народов обширного региона страны.

В результате этих и последующих обследований советские этнографы сделали попытку изучения очень широкого круга проблем с позиций системного подхода. Этнографы ИЭ АН СССР в сотрудничестве с исследователями из институтов и университетов Казани, Ижевска, Саранска и Чебоксар, Уфы, Йошкар-Олы и некоторых других городов проводили серию массовых многоаспектных обследований, в программах которых учитывались самые различные проблемы: семья и семейно-брачные отношения (Н.Ф. Беляева, В.Н. Бирин, Р.А. Григорьева, Э.-Б.М. Гучинова, В.П. Иванов, Г.А. Комарова, Н.Л. Лештаева, М.В. Мурзабулатов, М.Б. Рогачев, И.Н. Смирнов, Г.Р. Столярова, Т.П. Федянович, П.П. Фокин, Л.С. Христолюбова, Р.К. Уразманова и др.), пища (Н.Ф. Гайнуллина, Р.А. Григорьева, А.С. Лузгин, П.М. Мезин, А.Е. Пахутов, В.Н. Петров, Е.Я. Трофимова, Л.С. Христолюбова), жилище и поселения (В.Ф. Вавилин, А.Д. Коростелёв, Г.Б. Матвеев, Г.К. Шкляев, И.И. Флерова), одежда (Г.М. Красильникова, Г.Б. Матвеев, Т.Л. Молотова, Г.А. Никитина, С.В. Суслова, Л.С. Христолюбова), языковые процессы (Р.А. Григорьева, В.П. Иванов, В.Д. Дамбинова, А.Д. Коростелёв, М.Б. Рогачев), обряды (Э.-Б.М. Гучинова, Н.И. Шатинова, Л.С. Христолюбова, Т.П. Федянович), этнодемографические процессы (Д.М. Исхаков, Г.А. Комарова, Н.Н. Моисеева, Н.С. Попов, Х.Х. Сарв), межэтнические отношения (В.А. Балашов, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов, А.Д. Коростелёв, В.Д. Шаров, Г.К. Шкляев), профессиональные формы духовной культуры (В.А. Балашов, В.П. Иванов, Л.С. Христолюбова, Н.В. Перевощикова, Б.Б. Дякиева). Начиная с 1973 года, в качестве объекта статистико-этнографических исследований, наряду с титульной национальностью республик, выступало и местное население других национальностей. В итоге был накоплен опыт исследования статистическими методами этнотерриториальных групп, живущих в условиях иноэтничного окружения (И.В. Борисенко, Р.А. Григорьева, З.Э.-Г. Гоголданова,

Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов, М.Д. Киекбаев, А.Д. Коростелёв, О.В. Котов, И.Г. Петров, В.Д. Шаров, Г.К. Шкляев).

В период проведения массовых обследований населения Урало-Поволжья раз от разу усложнялся инструментарий обследования, постоянно расширялся круг изучаемых тем и, соответственно, росло число вопросов в анкете. Так, если удмуртский вопросник содержал в себе 60 вопросов, калмыцкий вопросник включал в себя 161 вопрос, то в башкирском было уже 193 вопроса. Усложнялся не только инструментарий обследования, но главное, совершенствовались методика и техника проводимых исследований, уточнялись их теоретико-методологические принципы и т.п. При этом В.В. Пименов и его единомышленники считали, что осуществление «многочисленных и разнообразных исследований, использующих опросы и применяющих статистические процедуры, создает ситуацию, в рамках которой исследователи, сознающие свою научную ответственность, должны ясно и определенно высказать, какие принципы и методы положены в основу их трудов, иначе говоря, сделать свои программы доступными для изучения и научной критики» (Пименов 1984:4). С этой целью они опубликовали и сделали научным достоянием «Программу этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии» (1978), «Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования в Чувашской АССР» (1984) и т.п.

Как уже упоминалось, методике проведения подобных исследований уделялось особое внимание. Инструментарий строился с расчётом на получение как формализованных данных для переработки их на ЭВМ, так и протоколно фиксированной информации, пригодной для традиционной разработки, разнообразия описания и т.п. Переработка данных на ЭВМ позволяла преобразовать информацию и получить её в форме промежуточных и окончательных результатов. Промежуточные результаты давали возможность исследовать связи между переменными (признаками) и охарактеризовать каждый из показателей, заложенных в инструментарий исследования, получить представление о динамике, определить тенденции в развитии изучаемых явлений. После осуществления сбора информации (во время которого особое внимание было обращено на обеспечение достоверности) и её переработки на ЭВМ наступал этап собственно научного анализа. «Разработка данных обследования, таким образом, включала не только получение одномерных и многомерных статистических таблиц, но и исчисление коэффициентов связи между переменными. Важно подчеркнуть, что этот последний прием использовался радикально и в полном

объеме, т.е. исчислялись связи между всеми переменными» (Пименов 1988:15).

Как утверждали сторонники системного подхода в этнографии, «собственно системно-статистический анализ этноса, включающий выявление внутренней структуры отношений между его компонентами и более мелкими таксономическими единицами, образующими “живую ткань” изучаемого этноса, начинается лишь с переходом к его структурному моделированию» (Иванов 1985:89). Такое моделирование осуществлялось путем исчисления т.н. информационных коэффициентов связи, выражающих меру связи каждого фактора со всеми остальными. В результате довольно сложных исследовательских процедур строились «вполне обозримые и пригодные для дальнейшего анализа модели этноса в виде графов». Анализ общей модели этноса, по мнению В.В. Пименова, выявляет её принципиальную структурную композицию. Дальнейший анализ связей, вскрытие их характера и особенностей, определение меры их существенности и ролей в системе отношений, иначе говоря, познание логики отношения между факторами – таков главный путь исследования модели (Иванов 1985:90). Использование структурного моделирования давало возможность исследования общих свойств этноса, выступающего как целостность.

По мнению исследователей, для системно-статистического подхода свойственны такие черты и особенности, как использование статистических процедур при сборе, переработке и анализе этнографической информации, применение соответствующих приёмов, открывающих возможности моделирования структуры этноса, логический анализ моделей, их интерпретация на основе всей суммы этнографических знаний, определение детерминирующих «начал» и выявление системного характера детерминации этнических структур и процессов (Иванов 1985:97). В целом, системный подход в этнографии, по мнению В.В. Пименова, выражал тенденцию к изучению этноса как целостности с её внутренними и внешними связями, отношениями и взаимодействиями (Пименов 1978: 4).

К концу 1980-х гг. в различных этнографических центрах СССР (Москва, Ленинград, Петрозаводск, Новосибирск, Тарту, Минск, Казань, Львов, Саранск, Сыктывкар, Ижевск, Чебоксары, Уфа, Йошкар-Ола, Горноалтайск, Элиста и др.) не только отдельные исследователи, но и целые научные группы работали с применением различных статистических методов и приемов. В это же время при кафедре этнографии МГУ под руководством В.В. Пименова была организована лаборатория этносоциологии, которую возглавил известный этносоциолог А.А. Сусоколов. К сожалению

нию, деятельность лаборатории по независимым от ее руководителя причинам оказалась малоуспешной (Соколовский 2012).

В целом, степень и характер использования различных статистических методов и приемов в этнографических исследованиях имели большой диапазон: от элементарного соблюдения требований статистических методик и арифметических подсчетов тех или иных характеристик до анализа качественных изменений и использования системного анализа и моделирования структур при изучении этноса и его отдельных компонент (Пименов 1985:5). Между тем было немало и таких сторонников применения количественных методов в этнографии, которые считали, что возможности количественных методов не исчерпываются простым привлечением массовых данных или использованием методов изучения статистических связей, корреляционного анализа и другой техники, уже вошедшей в употребление этнографов. Для решения новых содержательных задач, по их мнению, необходимо «накопление эмпирических данных в рамках сходных статистических методик (построение графов связей, конструирование индексов) по различным этносам», что «позволило бы перейти к типологизации» (Старовойтова 1985:87).

Как уже упоминалось выше, среди советских этнографов были те, кто, прекрасно понимая ценность и необходимость количественных научных методов, полагали, что исследования, основанные исключительно на статистических материалах, порой заметно искажают историко-этнографическую реальность. Отмечая односторонность этносоциологических методов, они подчеркивали необходимость учёта историко-этнологических аспектов формирования изучаемой проблематики, ратовали за сохранение таких традиционных этнографических методов, как включенное наблюдение, длительное пребывание исследователя в изучаемой этнокультурной среде, предлагая соотносить данные синхронных этносоциологических исследований с материалами этнографии, данными исторической этнографии и других дисциплин (Кузеев 1974; 1994).

Один из учеников В.В. Пименова – В.Р. Филиппов в статье «Теория этноса Л. Гумилёва», упрекает не только Л.Н. Гумилева в научных ошибках, но и критикует своего учителя: «... такие ошибки присутствуют и в работах оппонентов Л. Гумилева. Например, В. Пименов, трактуя этнос как систему, пишет: «В этом смысле слова, можно сказать, что этнос есть процесс». Далее В. Филиппов отмечает: «Одним из главных достижений своей научной деятельности Л. Гумилев считал применение в этнологии системного подхода. (Заметим, что системный подход пытались привнести в этнологию и до него (С. Широкогоров), и наряду с ним (В. Пименов), однако и в том, и в другом случаях – с отрицательным ре-

зультатом). Именно благодаря системному подходу, как полагал Л. Гумилев, только и можно дать строгое определение понятию «этнoса». К сожалению, мы так и не нашли его на страницах этого исследователя. Так же, как и в трудах его последователей или оппонентов» (Филиппов 2006: 40).

Труды В.В. Пименова имеют также и других оппонентов (Соколовский 1996; Кабо 2006; Напольских 2011 и др.). Критике подвергается как «компонентная» теория В.В. Пименова, так и метод компонентного анализа этноса. С.В. Соколовский, в частности, находит, что «в его (В.В. Пименова) увлечениях системными подходами и теорией информации были случаи надуманности или просто незнания достоверной статистики» (Соколовский 1996:11). В.В. Напольских делает вывод, что «в доперестроечное время "компонентная" концепция, кажется, вполне вписывалась в официальную теорию этноса, выступала просто как исследовательский метод, и не противопоставлялась взглядам Ю.В. Бромлей, которые в те времена, кстати, не называли дуалистическими» (Напольских 2011:162). Оценивая подобные теории, В.А. Тишков справедливо отмечает, что «более социально ориентированными, но от этого не менее эссенциалистскими являются доминирующие в российском общественном знании типологические конструкции этносов, субэтносов, метаэтносов, а темы экзогамии этносов как признака и условия их существования или "компонентные" теории этноса присутствуют на уровне учебной литературы (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.И. Семенов)» (Тишков 2012).

Справедливости ради надо отметить, что и В.В. Пименов, и его единомышленники сами осознавали, что, изучая модели, те или иные статистические тенденции, нельзя забывать, что «за формальными построениями скрыты живые люди и их реальные судьбы» (Иванов 1985). Они отмечали, что системно-статистический подход к этносу имеет не только достоинства, но и значительные ограничения. «Мы научились выявлять и изучать структуры, но ещё плохо умеем воспроизводить движение, процессы (в частности, этнические). Наши модели пока статичны» (Пименов 1988). Вместе с тем, по мнению А.Д. Коростелёва, современным российским этнологам необходимо представлять себе, «что дало статистико-этнологическое направление для понимания сферы этнического для накопления такого знания которое инвариатно по отношению к тому, в рамках какого научного направления мы работаем. Простой пример. Сегодня нередко говорят о том, что культура и идентичность очень мало связаны между собой. Но когда мне нужно обосновать это на конкретном материале, я обращаюсь к материалам пименовских исследований республик По-

волжья и Приуралья, где такой вывод непосредственно следует из анализа статистических моделей, которые демонстрируют это хотя и в несколько иных терминах, но настолько убедительно, как никакой другой материал» (АА 2012).

Критики статистико-этнологического направления, в целом отрицая его общие положения, как правило, не сопровождают свои высказывания и претензии каким-либо детальным анализом и конструктивной критикой «пименовского» подхода в отечественной этнографии. Они солидарны в том, что попытки В.В. Пименова и его последователей применить метод компонентного анализа к изучению этноса были не всегда оправданными и удачными, а стремление привнести в этнологию системный подход имело только «отрицательный результат» (Филиппов 2010). Однако никто из оппонентов В.В. Пименова не рассмотрел по существу и не обосновал на конкретных материалах и фактах их научную несостоятельность. В любом случае, обращаясь к проблеме междисциплинарного взаимодействия отечественной этнографии и этносоциологии, нельзя отрицать, что именно В.В. Пименов был одним из тех советских этнографов, кто в 1960 – 1980-е гг. пытался «раздвинуть рамки исследовательского поля и разнообразить методико-методологические границы исследований», а также настойчиво прививал своим коллегам и ученикам любовь и интерес к изучению современности.

Естественно, что в истории кооперации этнографов и этносоциологов, наряду с успешными результатами, порой встречались и неудачи. Например, недостаточно корректное использование отдельными исследователями математических методов, их чрезмерное увлечение «этническим» моделированием, квазинаучные поиски «ядра этноса», конструирование «структуры наций и народностей» и многое другое, что могло дискредитировать достижения этносоциологии. Однако, подобные экспериментально-исследовательские опыты, как правило, существовали недолго, не получив одобрения, прежде всего, со стороны этносоциологов.

Глава 5

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В первых главах этой работы уже говорилось о том, как в 1960 – 80-е гг. сначала группа московских ученых, а позднее – достаточно большой научный коллектив советских этнографов, социологов, математиков, демографов, социолингвистов, историков, философов, психологов и других специалистов из самых разных городов и республик страны стали работать не в границах своей отдельной дисциплины, а в общем поле этносоциологии. Границы научных исследований представителей разных наук определялись не столько их базовым образованием, сколько используемыми научными методами. В результате между ними разница в исследовательском материале, в постановке проблемы, терминологическом и ссылочном аппаратах и методах порой была намного меньше, чем между представителями одной дисциплины, работающими в разных традициях. Выше уже приводились примеры того, как этнографы, ставшие этносоциологами, и «традиционные» этнографы зачастую также не всегда понимали друг друга и существовали в параллельных мирах, как и этнические социологи с другими учеными, имеющими социологический бэкграунд.

Сильная сторона этносоциологов и этнографов, примкнувших к ним и работающих в общем исследовательском поле по одинаковой методике, абсолютно не типичной для традиционных этнографов, состояла в том, что в ходе их совместных исследований единство методологических подходов определяло и единый понятийно-терминологический аппарат, что исключало серьезные терминологические проблемы. Безусловно, подобная организация научного процесса способствовала человеческому взаимопониманию и профессиональному взаимообогащению, а опыт совместных исследований был взаимополезен и необходим.

Сам характер коллективной работы этносоциологов, в частности, экспедиционные выезды для проведения массовых обследований, способствовали взаимопониманию и сплочению исследователей. В то же время полевые выезды этнографов зачастую строились так, что в рамках одной экспедиции каждый из ее участников собирал свои материалы, работал над своей темой и затем выступал в качестве соавтора коллективной монографии или сборника статей, а то и собственной монографии. В этносоциологическом коллективном исследовании 1960 – 80-х гг. все этапы работы были, как правило, заранее четко продуманы, все роли в общем масштабном проекте, особенно предполагающем количественные иссле-

дования, расписаны. Участники научного проекта были взаимосвязаны рабочим процессом. И хотя каждый из них занимался своим делом, но в силу того, что от качества его работы зависела судьба всего исследования, все виды деятельности были прозрачны и подконтрольны. Таким образом, этносоциологическое исследование, в отличие от этнографического, в целом, обладало более четкой теоретической постановкой, а вопросам методологии уделялось особое внимание. Не только сбор материалов и данных, но и их обработка и даже анализ, носили коллективный характер. Полученные материалы и массивы данных предназначались для их всеобщего использования. Такой подход способствовал взаимопониманию отдельных авторов и формулированию (при этом нередко в дискуссионной форме) более общих выводов.

Конечно же, действительность нередко была далека от идеала. И образ «идеального этносоциолога», описанный в главе 4, скорее всего, не соответствовал реальному исследователю. Однако важно другое. На мой взгляд, в 1960–80-е гг. в лоне отечественной этнографии в процессе постоянной кооперации и междисциплинарного взаимовлияния, в ходе подготовки и проведения многочисленных совместных крупномасштабных исследований, долгосрочных экспедиционных выездов в поле, подготовки и издания коллективных трудов, проведения общесоюзных конференций, полевых сессий, школ-семинаров и т.п. в «головном» институте отечественной этнографии возник особый страт исследователей. Сами себя они называли «этносоциологами», а их коллеги по ИЭ АН СССР – «социологами». Это своеобразное научное сообщество, состоящее из специалистов, имеющих различное профессиональное образование, но работающих в общем поле этносоциологии, безусловно, можно определить как **этносоциологическое научное сообщество**.

Как известно, в отличие от многих других профессиональных сообществ, научное сообщество представляет собою совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания. Важно также подчеркнуть, что поддержание устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри научного сообщества обеспечивается использованием единого профессионального языка и научного аппарата (понятий, инструментов, процедур наблюдения или вывода) и каналов получения или передачи информации (научных изданий, записей на носители, научных симпозиумов, конференций и т.д.), а также достаточно развитыми формами оценки научного труда. Все это без труда можно обнаружить в сообществе этносоциологов образца 1960–1980-х годов.

Вместе с тем, анализируя их различные профессиональные традиции (стереотипы поведения, знаковые системы, мотивы неформального дискурса, структуры межличностных взаимодействий и т.п.), можно говорить о наличии в этносоциологическом сообществе этого периода особой профессиональной культуры. Культура профессиональной группы – это система разделяемых членами группы общих смыслов, основанных на сходной или совместно осуществляемой деятельности, позволяющая им справляться с испытаниями внешней среды, соблюдая внутреннее единство. Проблема того, как конструируется система смыслов, общих для членов группы, поддерживающих основы профессиональной субкультуры, еще ждет своего исследователя. Однако с той целью, чтобы отличить культуру профессиональной группы от более широкой ценностной системы, российская исследовательница Т.Б. Щепанская вводит понятие субкультуры, относя к ней «как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций – т.е. социальных отношения и их культурные коды» (Щепанская 2003: 141). И в этом смысле отечественному этносоциологическому сообществу 1960–80-х гг., как и любому профессиональному сообществу, была присуща своя профессиональная субкультура, особая субкультура профессии. Под субкультурой профессий условимся понимать совокупность стереотипов и норм поведения, форм дискурса, сложившихся в профессиональной среде, пронизывающих все аспекты жизни членов профессионального сообщества, функционирующих, в том числе, на уровне повседневности и транслируемых посредством механизмов традиции в рамках повседневных практик, специальных ритуализированных действий, профессионального фольклора. Как известно, носителем профессиональной субкультуры является профессиональная среда, профессиональное сообщество (в данном случае, это – этносоциологическое научное сообщество), «включающее (по умолчанию) обладателей данной профессии, имеющих соответствующее образование, работающих по специальности, а также разделяющих большую часть символично-нормативного комплекса, в первую очередь, - совокупность культурных кодов, опосредствующих его понимание» (Щепанская 2005:51).

Унифицировать, создать идеальную схему профессий при всем их многообразии достаточно проблематично, скорее невозможно. А вот приблизиться к пониманию жизненного мира представителя отдельно взятой профессии способны помочь антропологические исследования. В контексте активизировавшихся антропологических исследований профессий и профессиональных групп было бы весьма продуктивно предпринять попытку взглянуть на отечественное этносоциологическое сообщество его

отдельным представителям изнутри, основываясь на личных наблюдениях, материалах интервью и т.п. «Чтобы создать наиболее полную этнографическую картину какого-либо вида занятий, – считает Г.Н. Стоянова, – необходимо по возможности погрузиться в эту среду, ощутить все тяготы и преимущества, т.е. максимально сблизиться с ‘полем’, что является обязательным условием для успешного этнографического исследования» (Стоянова 2010:269). Несомненно, что любой вид занятости, профессия формирует свой специфический и неповторимый мир, единство которому обеспечивают ‘свои’ знания, способы их передачи, свои ‘правила игры’, стилевые особенности, принимаемые новичками профессиональной группы. Во всяком случае, мой почти сорокалетний опыт совместных исследований, личного общения, изучения научных трудов, литературных и архивных материалов, сбор интервью, углубленных экспертных опросов и, наконец, результаты включенного наблюдения, на мой взгляд, позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, в 1960–80-е годы отечественные этносоциологи, безусловно, сумели сформировать свой стиль жизни и поведения, выработать не только привычки, но и традиции, свой этический кодекс, все то, что позволяет рассматривать это сообщество, как определенную профессиональную субкультуру, относя к ней как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций – т.е. социальных отношения и их культурные коды.

Во-вторых, для сообщества этносоциологов последней трети минувшего века были характерны своеобразные институты социализации новичков и социального контроля за представителями своей профессиональной субкультуры. Это – чрезвычайно интересная тема для будущих исследований. Кстати, яркие наблюдения и важные сведения о том, как любой новый член этносоциологического сообщества получал и закреплял знание о профессиональной субкультуре, можно найти, в частности, познакомившись с воспоминаниями таких ученых, объединенных в свое время этносоциологией, как психолог В.В. Гриценко, этнографы В.К. Малькова, Н.Р. Маликова, Л.А. Тульцева, С.С. Савоскул, историки М.М. Кумахов, Л.С. Христолюбова и др. (Этносоциология и этносоциологи 2008).

В-третьих, в жизни этносоциологического сообщества важное значение имели такие хорошо известные любому этнографу традиционные социальные механизмы, как мифы, ритуалы, язык; а также такой исследовательский прием, как интерпретация символического, включая объекты, поведение, фольклор и др. Неслучайно рассказывание историй в рам-

как профессионального сообщества рассматривается исследователями как символическое поведение, поскольку рассказы представляют не только события сами по себе, но и репрезентации (представления) этих событий, создаваемые рассказчиками и аудиторией в процессе коммуникации (передачи информации и обратной связи) (Owen 1996). По мнению исследователей, представители профессиональной группы, как правило, также участвуют во многих других традиционных экспрессивных видах деятельности. Они используют жаргон, принятый в данном сообществе, используют особые метафоры, специфические шутки, празднуют чей-нибудь день рождения или научные достижения (Alvesson, Berg 1992).

В-четвертых, этносоциологи, как правило, активнее, чем их коллеги, персонализировали свое рабочее пространство, расставляя и развешивая открытки, фотографии, репродукции, грамоты, вымпелы, объявления, шуточные плакаты, надписи и др. Среди функций символического поведения можно отметить также не только уже упоминавшееся обучение новых членов группы, но и фрейминг (обрамление, оформление) опыта и придание ему смысла, утверждение норм поведения, придание смысла сообществу, изменение сообщества или поддержание сплоченности, смягчение организационных противоречий, выражение эмоций и предоставление возможности сублимации, способность вырабатывать знания и умения, с помощью которых людям удастся совладать как с монотонностью, так и с неопределенностью трудовых операций и многое другое (Owen 1996:13).

Можно было бы привести множество других доказательств того, как этносоциологи в 1960–80-е гг. в своей повседневной жизни создавали специфическую социальную реальность, в процессе ее осмысления присваивая ей некоторые значения; или продемонстрировать различные важные элементы их профессиональной культуры и т.д. Но эта тема не является задачей данного исследования. И затронута она лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть очень важный момент. На первых этапах становления и развития этносоциологического сообщества его представители (как этнографы, так и этносоциологи), даже имея разное базовое образование, порой лучше понимали друг друга, чем представителей своей профессии: этносоциологи – социологов; этнографы/этнологи – «традиционных» этнографов. Они читали одну и ту же научную литературу, пользовались общими исследовательскими данными и материалами, применяли одинаковые научные подходы, их работы были схожи в постановке проблемы, понятийно-терминологическом аппарате и ссылочном оснащении текста, в использовании научных методов и т.д. В результате их научные работы, написанные по итогам совместных проектов, на всех этапах реализации которых этнографы и этносоциологи принимали участие на паритетной

основе, различались между собой меньше, чем с трудами «братьев по профессии», работающих в другом исследовательском поле и в других научных традициях.

Начавшиеся во второй половине 1980-х гг. в СССР процессы перестройки кардинально изменили ситуацию как во всей отечественной науке, так и в этносоциологическом страте. И все же в ее первые годы сотрудничество этносоциологов с этнографами не только укрепилось, но и перешло в равноправное партнерство. При помощи и непосредственном участии этносоциологов (В.С. Кондратьева, А.Д. Коростелёва и др.) продолжались статистико-этнографические исследования в Урало-Поволжье. Напомним, что, начиная с рубежа 1960-70-х гг. и до конца 1980-хх гг. Институтом этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья был осуществлен целый ряд массовых этнографических исследований, посвященных изучению современных этнических процессов в республиках Поволжья и Приуралья (руководитель – В.В. Пименов), чему посвящен раздел 4.5 этой книги.

Безусловно, весьма ценным и взаимопользным стало в эти годы совместное участие этнографов и этносоциологов в общих научных проектах, в частности, в международном проекте Венского научного центра «Направление и тенденции культурного развития в современном обществе, взаимодействие национальных культур». Этнографы и этносоциологи приняли совместное активное участие в разработке темы: «Культурная деятельность в сфере семьи и передача культуры» (Гришаев 1985а). Позднее в этом же научном направлении этносоциологи и этнографы ИЭ АН СССР разрабатывали проект «Семья и семейный быт у народов СССР» (руководители – О.А. Ганцкая и И.А. Гришаев). Напомню, что достижения этносоциологов и этнографов в этом исследовательском поле были высоко оценены представителями других наук социогуманитарного цикла. В результате сотрудники ИЭ АН СССР (И.А. Гришаев, О.Д. Комарова, Г.А. Комарова, Л.Ф. Моногарова и др.) регулярно приглашались на все-союзные междисциплинарные научно-практические школы-семинары (руководитель – А.С. Мацковский), в успешной и взаимопользной работе которых в конце 1980-х гг. принимали участие социологи, экономисты, демографы, психологи, этнографы, этносоциологи.

В эти годы продолжалась совместная работа этносоциологов и этнографов в объединённых научно-методических семинарах, конференциях, ежегодных полевых сессиях, в заседаниях ученых советов, в совместных полевых экспедициях, в выпуске междисциплинарных научных изданий и т.п. В частности, в 1987–1991 гг. в работе нового общепитутского научного семинара «Гендер и возраст в современных этнокультурных про-

цессах» (руководители – Г.А. Комарова и В.А. Шнирельман) активно участвовали не только этнографы, психологи, демографы, антропологи,рики, но и этносоциологи (Комарова 1990).

Процессы перестройки поначалу оказали достаточно благотворное влияние на развитие этносоциологии. Неслучайно ведущие отечественные этносоциологи оценивают эти годы для своего научного направления как «романтические» (Дробижева 2001). Деидеологизация и академическая свобода советской науки, рост общественного интереса и внимания СМИ к деятельности этносоциологов, возрастание удельного веса внебюджетного финансирования (поддержка научных фондов, государственных и частных организаций), компьютеризация (распространение персональных компьютеров, приобщение к электронной почте и Интернету), интеграция в мировую науку (участие в международных научных конференциях; выполнение зарубежных заказов; совместные международные проекты; обмен научными визитёрами; возможность профессионального общения с зарубежными специалистами), активизация грантоискательской деятельности ученых, возможность осуществления интердисциплинарных проектов, крепнущая кооперация с представителями других наук – всё это настраивало этносоциологов на оптимистический лад.

Этносоциологи «впервые за двадцать лет перестали ощущать себя аутсайдерами» и в самой социологии (Дробижева 2003). До этого научные контакты этносоциологов и социологов были минимальными. Работы этносоциологов, как правило, публиковались в исторических изданиях и не выходили на широкую социологическую аудиторию. Социологи не интересовались деятельностью этносоциологов, считая их маргиналами, изучающими социальные проблемы «народов». К тому же специальный курс этносоциологии читался лишь в нескольких вузах, причем нерегулярно. В результате, в 1970 - 80-е гг. этносоциологи постоянно, планомерно и, на мой взгляд, достаточно успешно «вводили» социологию в этнографию, в то время, как «ввести» этносоциологию в сферу социологии им долгие годы не удавалось.

Лишь в годы перестройки, когда национальная проблематика в СССР стала крайне актуальной и вышла на первый план в академических исследованиях, социологи оценили заслуги и достижения своих коллег. Этносоциология была принята в социологию. Этносоциологи установили прочные контакты с социологами, проводили совместные исследования, публиковались в социологических изданиях, участвовали в научных дискуссиях, конференциях, симпозиумах, были приглашены на Первый съезд советских социологов, где впервые открыто говорили о межнациональных конфликтах, о возможности выхода прибалтийских республик из СССР, о

других жгучих проблемах современности. Именно в этот период знания и идеи этносоциологов были широко востребованы обществом на всех уровнях: от ЦК КПСС до национальных движений. «На заседаниях Комитета по этнической социологии Советской социологической ассоциации (председатель Л.М. Дробижева), образовавшегося Комитета по этнополитологии (председатели Г.В. Старовойтова и И.М. Крупник), конференциях этносоциологов в Киеве, Львове, Москве, Бишкеке обсуждались проблемы национальных движений в Прибалтике, на Украине, конфликты в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и др., принимались прямые обращения в Правительство, ЦК КПСС. Этносоциологи Л.А. Арутюнян из Армении и Г.В. Старовойтова, избранная тоже от Армении, социологи М. Лауристин и К. Халлик (от Эстонии) стали народными депутатами СССР и активно выступали с трибуны съездов. Специалисты по этносоциологии приглашались консультантами в Верховный Совет СССР, затем РСФСР и Российской Федерации, в Государственную Думу, Совет Федерации, правительственные учреждения (М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, Э.А. Паин, бывший членом Президентского Совета РФ, А.А. Сусоколов, В.Н. Шамшуров – заместитель министра по делам национальностей и региональной политике и др.)» (Дробижева 2001). Этносоциологи повсюду выступали в качестве экспертов, их охотно печатали, приглашали на телевидение. Они активно участвовали в работе Советской социологической ассоциации, создав свой комитет этносоциологии под руководством Л.М. Дробижевой. Но уже вскоре часть учёных вышла из него и образовала новый комитет этнополитической социологии во главе с Г.В. Старовойтовой и И.И. Крупником. Вызвано это было тем, что наиболее «радикальные» этносоциологи хотели участвовать в перестройке не только в качестве экспертов, но и практически. Позднее некоторые из них ушли из науки в политику, стали народными депутатами, лидерами национальных движений, госчиновниками высокого ранга и т.д.

Эта по-своему уникальная страница в истории не только этносоциологии, но и других советских социогуманитарных наук, до сих пор не освещена и не проанализирована, хотя она, несомненно, заслуживает особого внимания. Между тем, еще в начале 1990-х гг., вынося на обсуждение важную тему – этническая и политическая заангажированность ученого, В.А. Тишков отмечал: «Не ставлю под сомнение искренность и самоотверженность лидеров национальных движений и ученых-политиков, но только хотел бы напомнить коллегам, избравшим ныне вместо академических штудий политический активизм и государственную деятельность, некоторые заповеди из этического кодекса профессиональных этнографов. Возвращая народу полученные от него же информацию и знания, – а) не

навреди ему, б) не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ, в) не бери на себя функции самого народа. Есть пределы знания и включенности ученого в сфере так называемой «антропологии действия» (или прикладной этнологии). В нашей же обществоведческой традиции до сих пор правит бал надменность собственного провидения и мессианство» (Тишков 1992:18).

К сожалению, внутри отечественного этнографо/этнологического сообщества эта актуальная проблематика (за редким исключением: см. Губогло 1996; Дробижева 1994; Тишков 1997; Шнирельман 1996; 2003; 2006; 2012) и ныне почти не обсуждается. Между тем, наши зарубежные коллеги уделяют этосу науки очень большое внимание, пытаются найти ответы на всевозможные животрепещущие проблемы. Так, французский философ и антрополог М. Фуко, отвечая на очень важный для любого этнолога вопрос: «Как Вы видите роль интеллектуала в практике активной политической борьбы?», отметил: «Интеллектуалу не предстоит играть роль советника. Разрабатываемые и принимаемые планы, тактика и цели являются делом тех, кто ведет борьбу. Что может сделать интеллектуал, так это обеспечить инструменты анализа, и в настоящий момент важную роль здесь может играть историк. Что действительно необходимо, так это разнообразное и глубокое понимание настоящего, которое позволяет обозначить линии слабости, сильные моменты, позиции, где инстанции власти утвердили и укрепили себя системой организации, восходящей по времени на глубину, возможно, более полутора столетий. Другими словами, топологическое и геологическое обследование поля боя – в этом заключается роль интеллектуала. Что же касается позиции „Вот, что Вы должны делать“, то она, безусловно, неприемлема» (Foucault 1980:62).

Из этносоциологии в период перестройки шла не только внутренняя (из науки в другие сферы деятельности), но и активная внешняя утечка мозгов. К тому же после распада СССР произошло отделение республиканских учёных. Этносоциологию не миновали и прочие типичные для страны проблемы рубежа 1980-1990-х гг.: разрушение системы научных коммуникаций, плохая обеспеченность информацией, кризис системы воспроизводства кадров, двойная и прочая занятость учёных, падение престижа научного труда и многие другие негативные симптомы, приведшие затем отечественную науку к кризису. Безусловно, всё это не могло не нанести заметный урон российскому этносоциологическому сообществу.

«Существует ли ныне этносоциологическое сообщество в недрах отечественной этнологии?» Эта проблема также еще ждет своего иссле-

дователя. Абсолютно ясно то, что в постсоветские годы ситуация изменилась не только в этносоциологическом страте, но и в самом этнографо/этнологическом сообществе, как впрочем, и во всей отечественной науке. К сожалению, современное научное профессиональное сообщество оказалось разбитым на группы и группки, расколотым на «партии» и «фракции», когда дискуссии внутри партии считаются неэтичными, а между партиями – бессмысленными. Сами эти группы выражены слабо: старые постепенно разваливаются и исчезают; новые создают «свой» круг и держатся за «своих». Полемики, как правило, нет ни внутри них, ни между ними, поскольку нет серьезных идей и научной одержимости, нет дискуссий, нет вопросов: так как среди «своих» их у нас не принято ставить. Хотя истинная наука начинается именно с вопросов и сопровождается постоянными дискуссиями.

В постсоветские годы российская этнология к тому же испытывала большие трудности в конструировании собственного дисциплинарного поля и не без труда отвоевывала свое место в постоянно меняющемся научном мире, где с ней конкурировали смежные науки. В результате отечественная этнография/этнология, как и все гуманитарное знание в целом, переживает сегодня глубокие внутренние трансформации, которые в полной мере проявляются и на поверхности академической жизни: в смене поколений, интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм, языка науки и т.д.

В такой ситуации трудно приходится всем тем, кто предан науке; тем, для кого она – образ жизни, а не способ карьерного роста или обывательского выживания в период кризиса. Трудно молодым исследователям, даже самым динамичным и открытым, начинать свой путь в науке, не имея в научном мире не только твердых позиций и достойного материального обеспечения, но и настоящих научных лидеров – ученых, которые по собственному разумению формируют свой исследовательский мир, выбирают свой путь в науке, а потому могут служить образцом для других и повести их за собой. Сложно всем слоям и группам, но среди них сложнее всего ученым старшего поколения. С одной стороны, – глубоко укоренившиеся догмы и стандарты (ведь даже в собственной работе непросто привычное «мы» сменить на «я»); с другой, – совершенно изменившаяся жизнь и ощущение, что говорить тебе не с кем. Новые люди живут в другом мире, им твои разговоры, опыт и то, что было там, в советском прошлом, не нужно. В итоге научное сообщество постоянно утрачивает свою роль в поддержании устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри НЭС, сохранения его «ядра» и упускает возможности дискуссии, глубокого переосмысления дисциплинарных основ, оформле-

ния новой четкой дисциплинарной программы, выработки стратегии и т.д. с целью упрочения идентичности своей дисциплины в современном российском научном мире. Смена поколений, а вместе с ней и интеллектуальных ориентаций в профессиональном сообществе в периоды общественных кризисов – также процесс сложный и болезненный.

Слова, обращенные редколлегией АФ ко всей российской науке, ярко характеризуют современное состояние этносоциологии и этнографии: «В российской науке последних десятилетий проблема преемственности (точнее, рассогласования) поколений стала особенно острой. Приток молодых исследователей существенно сократился. Среднее поколение оказалось „прореженным“ перестройкой: по финансовым и иным причинам многие уехали преподавать в зарубежных университетах либо предпочли другие виды деятельности. Самым многочисленным стало старшее поколение <...> В результате наука стремительно стареет. Причины произошедшего хорошо известны: снижение престижа науки, появление новых сфер приложения интеллектуального труда, низкая зарплата научных работников и т.п.» (АФ 11:19–20).

Вывод о негативной трансформации современной российской науки уже банален. Одной из ее причин обычно называют плохое финансирование. Можно было бы называть и другие причины, мешающие продуктивной научной деятельности. Но все они лишь производные от основной причины негативной трансформации науки в современной России – глубокого функционального кризиса отечественной науки, главный симптом которого – падение престижа научного труда в современном российском обществе. Проблемы российской науки связаны с теми основными функциями, которые она призвана выполнять в обществе. При всём разнообразии этих функций их обычно сводят к четырем основным: познавательная, образовательная, технологическая, экспертная. Соотношение между основными функциями науки и их конкретное наполнение не постоянны, а зависят от общества и избранной им траектории развития.

Современные проблемы российской науки вызваны её функциональным кризисом, состоящим в том, что прежние, советские функции – оборонная, престижная, идеологическая – не востребованы (или востребованы в незначительной степени), а к потреблению первостепенной (как принято в передовых странах) функции науки – технологической, современное российское общество не созрело. В результате наметился своеобразный «функциональный вакуум». Как отмечают российские учёные, в современной России произошло «переключение отечественной науки с прежней «космической» траектории развития на новую «политическую» траекторию» (Юревич 1999: 118). И в этих новых обстоятельствах поло-

жение любой науки, в том числе и нашей, зависит от социального заказа. И даже не от его характера, а от самого факта существования этого заказа. В советские времена и этнография, и этносоциология достаточно успешно выполняли функции, возложенные на неё обществом, среди которых главными были: познавательная, идеологическая, престижная и др. В условиях перестройки и в последующие годы они (и, прежде всего, этносоциология) оказались востребованными в основном лишь для выполнения экспертной функции. Безусловно, подобный социальный заказ в своё время помог этносоциологии, как и некоторым другим социогуманитарным наукам, справляться с проблемами кризисного периода. Даже в самые сложные годы они сумели осуществить ряд таких важных проектов, как, например, исследования отдела этносоциологии ИЭ АН СССР совместно с учеными из Таллина (1988, 1991 гг.) и Ташкента (1988, 1991 гг.). Наряду с этим, они активно использовали и обширный банк данных предыдущих обследований. Именно в эти годы (благодаря социальному заказу) тематика этносоциологических исследований расширилась и актуализировалась.

Напомню, что в советские времена этносоциология успешно выполняла все функции, возложенные на неё обществом, прежде всего, идеологическую и престижную. В условиях перестройки, переключившись в основном на выполнение экспертной функции, она также оказалась востребованной. Отталкиваясь от подобного функционального подхода к науке, можно представить ранее обозначенную схему развития советской этносоциологии в 1960 – 1980-е годы (период становления; академический период; период перестройки) в виде следующей «функциональной» периодизации:

- 1966 – 1971 гг. – (период становления) – идеологический период;**
- 1972 – 1985 гг. – (академический период) – престижный период;**
- 1986 – 1990-е гг. – (период перестройки) – экспертный период.**

Экспертный период (или период перестройки) этносоциологии, на мой взгляд, продолжается и поныне. Его первый «романтический» этап закончился в конце 1980-х гг., и затем в развитии этносоциологии наметился процесс размежевания. Начало новому этапу положило создание на базе ИЭ АН СССР Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО), который возглавил М.Н. Губогло. Затем выделилась группа О.И. Шкаратана. Вскоре произошло структурное деление отдела этносоциологии ИЭА РАН на два сектора, возглавляемые Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой. Позже от сектора Ю.В. Арутюняна отделилась ещё группа сотрудников (А.И. Гинзбург, С.С. Савоскул, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина), которая затем так же, как и группа Шкаратана, распалась. По сути, этот процесс обозначал не только административное раз-

межевание, но и расщепление самого предмета этносоциологии на субпредметы. И это было бы не только закономерно, но и позитивно, если бы одновременно с делением наук, с их все большей специализацией на их границах возникали бы новые перспективные области знания.

Процесс размежевания в этносоциологии, на мой взгляд, стал вполне естественным и закономерным явлением, ещё и потому, что с конца 1980-х годов востребованность этносоциологов, прежде всего, в качестве экспертов стала особенно очевидной. Безусловно, подобный социальный заказ в своё время помог этносоциологии, как и некоторым другим социогуманитарным наукам, справляться с проблемами кризисного периода. Однако это в целом позитивное явление – выполнение экспертной функции – в постсоветский период вызвало к жизни ряд далеко не однозначных тенденций в развитии науки. В частности, оно привело к росту количества (но, к сожалению, не качества) этносоциологических исследовательских коллективов, в том числе и региональных. Увеличение количества этнологических и этносоциологических подразделений в стране, особенно в отдаленных её регионах, можно было бы воспринимать как факт положительный. Но, к сожалению, нередко это происходит за счет малооправданного и малоэффективного дробления прежних исследовательских коллективов или (что ещё печальнее) в результате волшебного перерождения то бывших преподавателей научного коммунизма, истории партии, бывших партчиновников, а позднее – разного рода философов, культурологов и других «специалистов», чаще всего не имеющих специального базового образования, – в этнографов и этносоциологов. Причем, делается это с единственной целью – для получения экспертных заказов, т.е. для получения денег. И, конечно же, в таких случаях, ни о каких фундаментальных научных исследованиях речь не идёт. Соответственно, результаты деятельности подобных «экспертов и аналитиков» лишь профанируют науку этнографию/этнологию и её междисциплинарные направления.

Но самая негативная тенденция, на мой взгляд, проявилась в том, что, имея лишь один вид оплачиваемого социального заказа на выполнение экспертной функции, даже самые великие ученые, обязанные зарабатывать деньги, причем не только для себя и своей семьи, но и для своего научного подразделения, своего научного коллектива, вынуждены меньше времени и сил отводить анализу полученных данных и научному теоретизированию. Подобная, существующая и ныне, стратегия выживания учёных сказывается и на проведении эмпирических исследований. Они менее тщательно готовятся и проводятся, многие этапы работы перепоручаются аспирантам, студентам, и даже непрофессионалам, хотя общеизвестно, на-

сколько важны в исследовательской работе все ее этапы, прежде всего, по той простой причине, что никакая высокая теория руководителя проекта не исправит те провалы, что были допущены его другими участниками.

К сожалению, различные (не всегда однозначные) тенденции, возникшие в период перестройки, проявляются в современной этносоциологии и по сей день, о чем с горечью напоминают старейшины этносоциологического цеха. М.Н. Губогло в своих заметках о работе IX КЭАР отмечает: «От конгресса к конгрессу расширяется участие этносоциологов в обсуждении проблем идентичности, что говорит о закреплении этого нового междисциплинарного направления в системе этнологии и в лоне современного гуманитарного знания. Молодые исследователи с энтузиазмом добывают новые факты и свежую информацию о текущем моменте и о характере этнической идентичности, выступающей причиной и следствием этнополитических процессов и межэтнических отношений. Вместе с тем порой выводы строятся на песке, без привязки итогов проведенных опросов к конкретным показателям внешней среды, как в местном, так и в региональном масштабе. Воспринятая из романтического периода этносоциологии „цифромания“ не всегда подкрепляется привязкой ее к социально-экополитической и социокультурной инфраструктуре» (Губогло 2011: 507).

«В каких формах происходит сегодня процесс интеграции отечественной этносоциологии и этнологии?» На мой взгляд, если междисциплинарная кооперация между ними и существует, то современное сотрудничество происходит не на уровне дисциплин в целом, а лишь в определенных тематических и региональных областях. Можно привести достаточно редкие примеры современных этнографов/этнологов и этносоциологов, которые и сегодня обращаются к исследованиям друг друга, взаимно используя материалы, научные подходы, методики в своих исследованиях. Однако гораздо чаще встречается не взаимопонимание, а полное непонимание между представителями не только пограничных дисциплин, но и представителями как этнографии/этнологии, так и этносоциологии, работающими в одном исследовательском поле, но в разных традициях. Не секрет, что в нашей науке параллельно существуют «традиционные» этнографы и те, кто чаще называет себя «антропологами». Они не понимают друг друга примерно так же, как «разные» этносоциологи, работающие «бок о бок» будь то в Казани, в Саратове или в Москве. Те, кто пришел в этносоциологию в начале 2000-х гг., и те, кто начал заниматься этносоциологией в 1960 – 80-е гг., зачастую говорят на разных языках. То же самое можно наблюдать и в этнографо-этнологическом со-

обществе. Более того, даже различия между коллегами, десятилетия работающими в одной комнате в общем исследовательском поле, иной раз углубляются. Все более типичной становится ситуация, когдащее большинство участников антропологических конференций не в состоянии оценить материалы друг друга ни теоретически, ни тем более фактически» [Березкин 2009: 22].

В любом случае «казус Ямскова», случившийся несколько лет назад с нашим коллегой, известным ученым трудно себе представить в этносоциологическом сообществе 1960–80-х гг. Этноэколог А.Н. Ямсков, принимавший в 2005–2007 гг. участие в совместном проекте этнографов, этносоциологов и этноэкологов по изучению гастарбайтерства гагаузов, пишет: «В течение трех лет я выезжал для индивидуальных полевых исследований (сбора статистики из похозяйственных книг и интервьюирования жителей) и опубликовал серию статей по временным трудовым миграциям за рубеж гагаузов из трех селений. Выбор обследованных сел был во многом случайным, но ни одно из них не отличалось каким-либо своеобразием на фоне остальной Гагаузии, и к тому же они представляли ее разные административные районы (долаи). В то время в этих обследованных селениях проживали примерно 8 тысяч человек из 97,5 тысяч сельских жителей региона, а всего в Гагаузии насчитывалось тогда 27 селений. Считая свой подход (углубленное исследование феномена гастарбайтерства гагаузов на примере изучения нескольких сел) вполне тривиальным для отечественной антропологии (этнологии/этнографии), я был первоначально весьма удивлен его критикой со стороны коллеги по проекту этносоциолога И.А. Субботиной <...> Она указала на то, что в случае моих исследований не были соблюдены базовые правила организации полевых работ, т.е. не было проведено расчетов того, какая выборка сел и информантов могла бы быть репрезентативной для сельской Гагаузии, и не были сформулированы правила отбора конкретных сел для обследования. Другие замечания И.А. Субботиной, как мне кажется, скорее характеризуют ее личные профессиональные особенности, а не ориентацию на методы полевых социологических исследований. Таким образом, налицо был конфликт представлений о должных методах сбора полевых материалов, хотя мы оба собирали в сущности одни и те же сведения – данные об участии местных жителей во временных трудовых миграциях (преимущественно в Россию или в Турцию), зафиксированные в похозяйственных книгах селений, и мнения самих сельчан и представителей сельских администраций об этом явлении и его социально-культурных и экономических аспектах. Только я, как мне кажется, работал в поле как антрополог (этнолог/этнограф), а И.А. Субботина – как социолог. Кстати говоря,

наши итоговые тексты тоже довольно значительно различаются по тематике и смысловым акцентам, хотя мы и пишем об одном и том же явлении – гастарбайтерстве гагаузов, прежде всего сельских» (АФ 16: 154–155).

Думается, что целая совокупность негативных перемен, произошедших в российской науке за постсоветские годы, привела к ситуации, описанной А.Н. Ямсковым. В качестве ее причин можно назвать ряд обстоятельств. Во-первых, сегодня в силу специфической цеховой организации научной жизни, все реже, в сравнении с 1960–80-ыми годами, встречаются совместные исследования, междисциплинарность которых проявляется во всем, начиная с методологии и заканчивая анализом результатов работы самого широкого круга авторов. И все чаще междисциплинарный характер работы лишь прокламируется, а на практике сводится к механическому объединению представителей разных дисциплин, научных школ, профессиональных уровней. К тому же в самом этносоциологическом сообществе постоянно возникают и собственные внутренние водоразделы.

Во-вторых, для многих российских исследователей характерны такие установки, как исключительная привязанность только к своим материалам и данным; стремление уйти от дискуссионных вопросов; нежелание обсуждать особенности «использованных» методик и т.д. Отсутствие дискуссий и рабочих встреч ведут к недопониманию между коллегами. Впрочем, бесконечные перестройки, реорганизации, забюрократизированность науки, постоянная угроза сокращений, непродуманная грантовая политика и многое другое, конечно же, мало способствуют проведению дискуссий, как внутрицеховых, так и с реформаторами по поводу государственной научной политики.

В-третьих, отсутствие взаимопонимания между коллегами, использующими методологические разработки 1960-х гг., и приверженцами современных методологических подходов возникает уже на уровне дефиниций, поэтому различия в инструментарии определяют и проблемы интерпретации результатов исследований коллег. Недопонимание среди представителей одной и той же дисциплины, определяется также и тем, что многие отечественные исследователи не знают (и не хотят знать) достижений зарубежных ученых, методологий и современных методов исследований в сфере социальной и прикладной антропологии и социологии, что в свою очередь, ограничивает возможности определения репрезентативности выявленной ими информации.

Между тем расширение информационного пространства необходимо для любого научного сообщества, прежде всего для того, чтобы суметь профессионально оценить результаты своего труда. Сегодня отдельные индивиды, слои, группы, представляющие даже одно научное направле-

ние, порой не знают и не «пересекаются» друг с другом, не слышат и не слушают друг друга, в результате утрачивая основное, что характеризует научное сообщество – во-первых, обмен результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания, т.е. обратную связь, столь необходимую в научном творчестве, и, во-вторых, объективную оценку результатов своего научного труда. К сожалению, несмотря на появление в отечественной науке в последние годы разнообразных исследовательских подходов, значительная часть российских этнологов по-прежнему придерживаются эссенциалистских воззрений.

«Казус Ямскова» стал возможен в нашей науке еще и потому, что и сегодня нередко осуществляются такие этносоциологические исследования, в которых, во-первых, заранее формируется свое предметное поле и методический инструментарий по образцу, заданному той или иной господствующей идеологией; во-вторых, процедуры и техники получения эмпирической информации основываются лишь/в основном на количественной методологии; в-третьих, так называемые «маргинальные» практики априори исключаются из анализа. К тому же подобные выборочные исследования зачастую организуются с нарушением разработанных еще в советские времена технологий, а сама выборка проводится формально и даже с использованием устаревших данных.

Безусловно, правы те исследователи, кто, как и М.В.Строганов, считают, что «те дисциплины, которые тяготеют к использованию методов соседних дисциплин, вследствие этого и обогащают, – разумеется, за чужой счет. Те дисциплины, которые существуют и развиваются имманентно, могут богатеть только благодаря внутренним ресурсам, а это менее результативно» (АФ 16:140). Только тот, кто боится соперничества, не пускает «чужаков» в свой огород, сильный, напротив, зазывает их в свое исследовательское поле. В современном научном дискурсе это, несомненно, более выигрышная позиция. Радует, что сам А.Н. Ямсков, кстати, антрополог, включенный в международное научное сообщество, оценивает ситуацию как позитивную. Он пишет: «Боюсь, самый общий ответ на этот вопрос прозвучит банально. Как известно, у разных наук, в том числе у социологии и антропологии, различные задачи и методы, но научная ценность результатов исследования определяется квалификацией выполнивших его людей и их отношением к своей работе» (АФ 16: 156).

От себя добавлю: интерес научной работе придает не узкая специализация, а широта взгляда, личность пишущего человека. «Равновеликие» специалисты, как правило, понимают друг друга с полуслова и находят общий профессиональный язык, независимо от их профессионального

бэкграунда и принадлежности к разным научным и «национальным» традициям. Прав М.Н. Губогло, полагая, что «для развития этносоциологии как самостоятельной науки должны быть новые идеи. Дефицит идей ведет к застою. <...> Преждевременное, на мой взгляд, постарение этносоциологии обусловлено не только сокращением притока свежих сил, но и дефицитом умения и смелости в постановке оригинальных задач и методов их решений. В погоне за грантами и дополнительными заработками перестала играть роль локомотива влюбленность в науку. Вместе с тем с исчезновением творческого энтузиазма и романтической влюбленности в науку ученый перестает быть молодым, он умирает как ученый. Постарение как угроза этносоциологии проявляется в ряде случаев в превышении самовлюбленности в ущерб бескорыстной влюбленности в науку. Между тем самолюбование, самодовольство, самовосхваление в сочетании с ревностью и завистью оказываются несовместимыми с пребыванием в этносоциологическом коллективе и реализацией этносоциологических проектов» (АФ 17: 292).

На пути становления и развития этносоциологии было множество проблем самого разного характера, тем не менее, в 1960–80-е гг. в стране сложилось профессиональное этносоциологическое сообщество, включающее различные механизмы накопления и передачи многообразного профессионального опыта. Однако сегодня есть все основания говорить о существовании внутри этого в прошлом единого сообщества целого ряда коллективов, групп и группок, в чем-то схожих, но и в чем-то и очень различных. Неслучайно на вопрос: **«Как Вы считаете, существует ли в России профессиональное этносоциологическое сообщество?»** основатели отечественной этносоциологии ответили достаточно уклончиво. Ю.В. Арутюнян считает, что такое сообщество существует, но реально уже вне ИЭА РАН (АФ 17: 293). Л.М. Дробижева отметила, что сообщество большей частью разбито между социологическим и этнологическим сообществами (АФ 17: 294). Она также уточнила, что «Научные центры существуют в рамках двух академических институтов – социологии и этнологии. Первый сейчас по численности больше, в нем работают в том числе четыре доктора наук и два ведущих научных сотрудника. Кроме того, это подразделения или группы, центры в рамках ведущих вузов страны (Татарстан, Башкортостан, Северная Осетия, Тыва и др.)» (АФ 17: 294). М.Н. Губогло считает, что самостоятельные этносоциологические центры существуют в Москве, Новосибирске, Омске, Казани, Ижевске, Нальчике, Сыктывкаре, Уфе (АФ 17: 294).

Принципиальным для понимания некоторых процессов, происходящих в современном российском этносоциологическом сообществе, явля-

ется то, что в настоящее время к нему причисляются не только немногочисленные ученые, причастные к становлению и развитию отечественной этносоциологии и их отдельные ученики, оставшиеся не взирая на все проблемы в науке, но и случайные попутчики. Так сложилось, что в этносоциологическом сообществе в постсоветские годы, наряду с большими утратами, уходом его лучших представителей, появилось немало «самовыдвиженцев», абсолютно не обладающих необходимыми знаниями, навыками, подходами, методиками, научно-понятийным аппаратом и всем тем, что необходимо профессиональному этносоциологу для ведения полноценных исследований. Это, как правило, «специалисты», которые, приняв по воле случая участие в проведении какого-либо опроса, подержав в руках пачку анкет, назначают себя «этносоциологами» и представителями этносоциологического научного сообщества «на местах».

И второе, что необходимо отметить, отвечая на вопросы **«Существует ли ныне этносоциологическое сообщество?»** и **«В каких формах происходит сегодня процесс интеграции отечественной этносоциологии и этнологии?»**, – это то, что в последние два десятилетия идет явная **интенсивная социологизация этносоциологии**. С.В. Соколовский, говоря о постсоветском взаимодействии этнологии и этносоциологии, пишет: «С утратой марксизмом командных высот „в одной отдельно взятой стране“ этот дисциплинарный мезальянс практически распался, а вовлеченные в него социологи занялись востребованными к тому моменту исследованиями „этнических конфликтов“, „межнациональных отношений“, „этнических элит“, этничности и национализма, ксенофобии и толерантности, т.е. по большей части прикладными политологическими проектами, в которых нуждались и которые были готовы оплачивать местные и центральные политические элиты или международные фонды. В истории отечественной этносоциологии это был уже новый, самостоятельный этап, в котором собственно антропологи (этнологи, этнографы) уже практически не участвовали. Говоря „не участвовали“, я вовсе не исключаю физического участия отдельных антропологов в совместных проектах, но имею в виду, прежде всего, теоретический и методологический вклад со стороны дисциплины в ту составляющую этносоциологии, которая и обозначена приставкой „этно-“ и которая давала основания рассматривать ее как пограничную и синтетическую субдисциплину. Вклад антропологии в ее развитие в рамках рассматриваемого периода настолько не очевиден, что можно смело утверждать, что этносоциология оставила свое „этнографическое наследство“, вступив в более выгодные и продуктивные альянсы с другими дисциплинами – политическими исследованиями власти, экономическими исследованиями сегментированного рынка труда, историко-

политическими исследованиями национализма и социально-психологическими исследованиями ксенофобии и толерантности» (Соколовский 2012: 134–135).

Родоначальник отечественной этносоциологии Ю.В. Арутюнян называет причиной ослабления этносоциологии в недрах этнографии/этнологии «невнимание руководства ИЭА РАН к развитию этносоциологии, что выражается, прежде всего, в сокращении кадров, отсутствии внимания к масштабным этносоциологическим исследованиям» (АФ 17:298). Особенно убедительно о процессе социологизации этносоциологии говорит Л.М. Дробижева. Она сообщает о том, что в последние 20 лет, «институциональную поддержку массовых исследований в ИЭ в системе Академии наук мы потеряли, это же проявилось и в финансовой и в кадровой политике. В Институте же социологии и при В.А. Ядове и теперь (уже после того, как я перестала выполнять директорские функции), при М.К. Горшкове Отдел этносоциологии и Центр исследования межнациональных отношений остается востребованным. Нам уютно среди социологов и от них мы получаем «подзарядку» в методологии и в методике. Так что, если говорить о важном в самом научном направлении за истекшие 10–15 лет, так это интенсивная социологизация этносоциологии. Отражением данного тренда являются многочисленные по составу секции этносоциологии в рамках Всероссийских социологических конгрессов, специальные научные конференции, которые проводились в рамках Российской социологической ассоциации, наконец, практически постоянная рубрика *Этносоциология* в популярном в России и за рубежом в журнале *Социологические исследования* (СОЦИС), широкая представленность нашей тематики в журнале *Социальная и культурная антропология* и чрезвычайно редкая представленность статей по нашей тематике в журнале *Этнографическое обозрение*. В рамках именно социологического образования читаются курсы по этносоциологии в Высшей школе экономики, РГГУ, в РУДН, в Санкт-Петербургском Университете, МГУ и др. образовательных центрах страны» (АФ 17: 288-289).

Как уже упоминалось, с конца 1980-х гг. специфическая востребованность этносоциологических знаний в стране стала особенно очевидной. Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева пишут об этом так: «В 90-е годы проведено немало исследований межэтнических отношений в республиках, областях, городах. Новым в них был объект – не только русские и титульные национальности республик, но и диаспоры. В содержательном плане выросло внимание к политическим факторам отношений групп. В рамках статьи невозможно представить результаты этих исследований, но отметим интересные данные и выходы на теоретические проблемы: национа-

лизм, соотношение национализма и демократии, эффективность подходов к решению этнонациональных проблем в многосоставных обществах, приоритетность прав человека и прав народа, причины старых и новых фобий и др. Решение этих проблем требует специальных исследований. Проблемы эти лежат на перекрестке предметных областей социологии, этнологии, политологии, психологии. Эти дисциплины демонстрируют сближение интересов в сфере межэтнических взаимодействий. На стыке предметных областей выявляются проблемы, отражающие жизнь современного общества, требующие нового угла зрения на реальность наших дней» (Арутюнян, Дробижева 2000: 19-20).

В результате с конца 1980-х и особенно в 1990-е гг. проблематика этносоциологических исследований изменилась и расширилась. В отечественной этносоциологии разрабатывался целый корпус новых проблем. Вот лишь некоторые из них: «социальные аспекты этноконфликтных и постконфликтных ситуаций, отношение социальных групп к этнополитическим инновациям периода принятия деклараций о суверенитетах республик и новых конституций, реакции на введение государственных языков в республиках и социальные последствия этих актов, влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе проблема участия во власти людей разной этнической принадлежности; новые статусные роли взаимодействующих групп, этнический фактор в социальных перемещениях, социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков (новая этничность), изменяющиеся социокультурные дистанции групп, наконец, формирование новых идентичностей и солидарностей, – прежде всего, изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной и этнической, а также амбивалентной и „дрейфующей“ идентичностей, социальная обусловленность толерантности-интолерантности в разных регионах страны» (Дробижева 2006: 90).

Одним из главных итогов постсоветского периода также следует называть институализацию этносоциологии как направления. Она выразилась не только в создании университетских кафедр и специальных подразделений в академических институтах, но и в расширении преподавательской деятельности этносоциологов, в чтении специальных курсов в рамках общей социологии. И все же важнейшим итогом периода перестройки для отечественных этносоциологов, безусловно, стало то, что самые передовые из них начали изучать этническую проблематику по новому для себя кругу источников. Постсоветские социальные трансформации не могли не заставить членов научного сообщества переформулировать эпистемологические основания отечественных социальных наук, в том числе, этногра-

фии/этнологии и этносоциологии. Традиционные подходы к изучению культур уступали место более современным. Формировался новый методологический инструментарий, более адекватный в современных условиях перехода к полиструктурному социальному и культурному пространству, глобализации социальной жизни и т.д. Все эти годы российские ученые в той мере, в какой они хотели оставаться активными и значимыми в науке, должны были меняться вместе со временем и адаптироваться (по целому ряду параметров и насколько это позволяли их способности и склонности) к новым глобальным условиям, требованиям и технологиям современной академической работы. Причем это относилось не только к конкретным результатам исследований, но и ко многим теоретическим и методологическим подходам. Как уже ранее упоминалось, в связи с необычайно расширившейся тематикой этносоциологических исследований перед учеными, прежде всего, вставали вопросы, связанные с пониманием предмета этносоциологии как направления социологического знания и используемых в ней методов. Фундаментальный пересмотр теоретической базы с конца 1980-х гг. подготовил почву для многочисленных научных дискуссий. Они были вызваны потребностью разработки новых теоретических подходов и особенно активно велись в 1990-е годы, причем в них приняли участие не только этносоциологи, но и представители других научных направлений: политологи, социальные философы, этнологи, социологи, социальные антропологи, культурологи и др.

Одним из результатов дискуссий постсоветских лет стало то, что в современной российской этносоциологии существует большое разнообразие теоретических направлений и течений. Их невозможно представить в виде логично завершенной схемы. Причина заключается в сложности и неоднозначности интерпретации различными учёными природы объекта этносоциологии – этноса. Появились резко отличающиеся друг от друга трактовки предметной области и состояния этносоциологии (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999; Иванов 1996; Сикевич 1999; Трубина 2011; Перепелкин, Соколовский 1995; 2012). Среди них встречаются и достаточно суровые оценки места и роли этносоциологии в отечественной науке: «Социологи так и не стали частью антропологического коммьюнити, а антропологи так и не освоили премудрости социологических методов и грамотной статистической обработки результатов, застряв на χ -квадрате и t -критерии Стьюдента. Рожденный от этого неравного брака гибрид оказался ребеночком с увечьем: советская теория этноса сыграла с этносоциологией плохую шутку» (АФ 2012 № 16:134).

Сегодня принято критиковать всё, что происходило в отечественной науке в советские времена. Уже немало упреков было высказано и в сто-

рону этносоциологии. Обычно это происходит в ходе очередной вспышки дискуссии между «качественниками» и «количественниками». При этом критики этносоциологии не учитывают (или не считают нужным учитывать) тот исторический контекст, те исторические реалии, в которых происходило формирование и развитие нового научного направления. Между тем, И.С. Кон еще 20 лет назад справедливо подметил, что «если оценивать и бромлеевскую теорию этноса в реальном историческом контексте, она заслуживает более уважительного отношения. Введенные им формальные категории давали некоторую отдушину, возможность отойти от священной формационно-эволюционистской схемы: род, племя, народность и т. д. Конечно, Ю.В. Бромлей не понимал условности и ограниченности собственных категориальных схем и постепенно они становились все более схоластическими. Но все-таки уровень теоретического мышления, включая и возможность споров, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера – лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях 1970-х годов (позже ситуация и здесь ухудшилась, но таково было свойство времени). В отличие от „научных коммунистов“ и примыкавших к ним историков, этнографы не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений и многое другое. Со стороны эта разница была очень заметна» (Кон 1993:5).

Некоторые ученые, начавшие работать в области этносоциологии уже после перестройки, к тому же, «зачастую не отличают (или не хотят отличать) академических этносоциологов от „научных коммунистов“, которые не только „заведовали“ в СССР всей национальной проблематикой, но и находились в постоянном латентном конфликте с этносоциологами» (Дробижева 2001).

Не секрет, что напряженность между конструктивистами и эссенциалистами существует и еще будет постоянно возникать во многих исследовательских полях отечественной социогуманитаристики. Похоже, что и многолетний спор между «качественниками» и «количественниками» будет продолжаться и впредь. Следить за его траекторией интересно и весьма полезно. Лишь бы не «выплеснуть вместе с грязной водой ребенка» (возможно не идеального, но, на мой взгляд, талантливого и перспективного). Безусловно, профессиональная критика в любом деле нужна и полезна. Но именно профессиональная конструктивная критика. И при этом очень важно не растерять накопленный опыт, методологию, научные идеи, сохранить школу. Для отечественных этнографов/этнологов представляется весьма перспективным не только сохранять и шлифовать важнейшие, с точки зрения этнографии, методы исследования, но в дополне-

ние к традиционным этнографическим методам шире использовать методики, разработанные в социологии, в этносоциологии, психологии, статистике, демографии и других науках. Но главное - учиться грамотно сочетать их, постоянно используя методологическую рефлексию всей совокупности теорий, парадигм, школ, течений, образующих те или иные научные направления в междисциплинарном исследовательском поле.

Отечественная этническая социология (этносоциология) отметила в минувшем году 45-летие. Это междисциплинарное направление, возникшее в 1966 г. в ИЭ АН СССР на стыке этнографии и ряда смежных наук, уже имеет свою богатую и интересную историю. Вместе с тем, как считают ее основатели, «состояние и исследовательская ситуация в современной российской этносоциологии определяется противоречивостью и растерянностью, отсутствием идейных ориентиров» (АФ 17:291). И все же хочется верить, что современной российской этносоциологии, несмотря на все объективные трудности, удастся достойно преодолеть их. У нее для этого имеются богатый опыт и разработки, выполненные на профессиональном уровне. К тому же по-прежнему бесспорна актуальность комплексных исследований тех фундаментальных перемен, что происходят в современном мире, совместными усилиями этнологов, этносоциологов, этнополитологов, этнопсихологов и др. Впрочем, наши коллеги еще 30 лет назад были уверены в том, что «пока наука воспринимается лишь как средство для решения технологических и, вообще, прикладных проблем, со специализацией можно мириться. Когда же мы обращаемся к науке как к источнику знаний о сущности мира, о природе человека, достижение синтеза знаний представляется той целью, вне которой само знание лишено подлинного смысла» (Методологические проблемы 1981:69).

Между тем интересная и сложная история взаимодействия этнографии/этнологии и этносоциологии в постсоветские годы складывается настолько неоднозначно, что проследить её здесь даже в общих чертах не представляется возможным. К тому же анализ современного состояния междисциплинарного взаимовлияния этнографии и этносоциологии не входит в мою задачу. Однако отмечу, что о значении отечественной этносоциологии и её научном вкладе красноречиво говорит тот факт, что сегодня представители различных наук, причем не только социального цикла (социологи, психологи, философы, историки, культурологи и т.д.), но и врачи, психиатры (Немировский, Тургетов, 1996), математики (Гуц, 1997; Гуц, Паутова 2009) и другие, готовы «породниться» с этносоциологией, широко используя и её достижения, и её методологию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отличительной чертой развития советской этнографии в 1960 – 80-е гг. была активная междисциплинарная интеграция и формирование на её основе новых научных дисциплин. Лучшие фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений этнографии, возникших в рассматриваемый период, даже в условиях идеологического прессинга позволяли изучать реальные процессы развития народов, населявших СССР, что значительно повысило интеллектуальный уровень и престиж советской этнографии, как в нашей стране, так и за рубежом. Этносоциологии в этом ряду принадлежит особое место. К числу ее несомненных достижений можно отнести и разработку оригинальной научной методологии, и проведение масштабных комплексных исследований, и создание ряда фундаментальных трудов. Но особенно существенным в рассматриваемый период стало прогрессивное влияние, оказанное этнической социологией в процессе междисциплинарной интеграции на развитие этнографической науки. Оно выразилось, прежде всего, в том, что этнография преодолела былую традицию деления культуры на материальную и духовную без учёта социального контекста и сложных социальных взаимодействий, во-вторых, начала активное исследование этнических проблем современности и, в-третьих, перестала восприниматься лишь наукой об архаике. В итоге всё это позволило покончить с существовавшей в СССР с 1930-х гг. практикой изоляции этнографии как науки о культуре от наук о человеке и обществе.

The formation of new academic approaches and fields based on multidisciplinary integration was an important characteristic of Soviet ethnography in the 1960s–80s. Fundamental studies within multidisciplinary fields provided a chance to improve knowledge concerning the development of various ethnic groups in the Soviet Union, despite ideological restrictions and pressures. Ethnic sociology, ethnic ecology, anthropology of childhood occupy a special place among those approaches. The development of an original methodology, the organization of wide-scale complex studies, and the production of important books are among their significant achievements. The progressive impact of multidisciplinary studies on ethnography has been especially important. Due to their intervention ethnography has first of all overcome its former ignorance of social context and complex social relationships while studying material and spiritual cultures. Secondly, it has begun intensive studies of contemporary ethnic

issues and shifted away from its former emphasis on studies of traditional cultures. As a result, ethnography has broken away from its former marginal position as knowledge of traditional cultures rather than as knowledge of human beings and their societies.

1960～1980年代におけるソビエト民族誌学（＝ソビエト民族学）の重要な特徴は、学際的統合に基づく新しい研究方法と分野の形成であった。イデオロギーによる制限と圧力が存在したにもかかわらず、学際的分野における基礎的研究は、ソ連内部のさまざまな民族集団の発展についての知識の質を改善させることとなった。民族社会学とは、このようなアプローチにあって特別の位置をしめるものである。独自の方法論の発展、広範囲な複合的研究の開発、さらに重要な書物群の刊行—これらが、民族社会学の有意義な成果である。さらに重要だったのは、民族誌学に対する民族社会学の進歩的インパクトであった。民族社会学からのいわば介入によって、物質文化と精神文化の研究に特化していた民族誌学は、社会的文脈及び複合的社会諸関係に対する無視の態度をはじめて克服したからである。また、現在のエスニックな問題についての集中的研究が開始され、かつての伝統文化研究への重心がシフトした。その結果、民族誌学は、さまざまな人間と社会についての知と対照的である伝統的文化の知識の学という周縁的位置づけから離脱したのであった。

。

БИБЛИОГРАФИЯ

Абузов, С.С.

1935 Комплексная экспедиция по изучению Мордовии//Революция и современность 5.

Академик Ю.В. Бромлей

2003 Академик Ю.В. Бромлей в отечественной этнологии 1960-1990-х годов. М.: Наука.

Алымов, С.С.

2006 П.И.Кушнер и развитие советской этнографии в 1920-1950-е гг. М.:ИЭА РАН. 256 с.

Альтман, В.В., Куманев, В.А. (ред.)

1964 История и социология. М.: Наука. 342 с.

Американская социология

1972 Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс.

Анайбан, З.В.

2008 История этносоциологических исследований в Туве/ Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С.243–248.

Анохина, Л.А., Шмелева, М.Н.

1966 Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения (Опыт изучения городов средней полосы РСФСР). Советская этнография. 1966. № 6: 57-67.

Анохина, Л.А., Шмелева, М.Н.

1967 Опыт применения анкетно-статистического метода для этнографического изучения городского населения// Тезисы докладов Всесоюзной сессии этнографов. Кишинев.

Арутюнов, С.А.

2010 Когда гора рождает мышь. В: Г.А. Комарова (отв. ред.) Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН. 333 с.

Арутюнян, Ю.В.

1968 Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР)//СЭ, № 4: 3–13.

Арутюнян, Ю.В.

1968а Опыт социологического изучения села. М., Наука.

Арутюнян, Ю.В.

1969 Конкретно-социологическое исследование национальных отношений// Вопросы философии. № 12:129–139.

Арутюнян, Ю.В.

1972 Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР. М.: Наука.

Арутюнян, Ю.В.

1972а Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. (Программа, методика и перспективы исследования)// Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19.

Арутюнян, Ю.В.

1972б Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций (Программа этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1972. № 1. С. 3–18.

Арутюнян, Ю.В.(ред.).

1978 Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М.: Наука.

Арутюнян, Ю.В. (ред.).

1979 Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин.

- Арутюнян, Ю.В. (ред.).
1980 Опыт этносоциологического исследования образа жизни: по материалам Молдавской ССР. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В. (ред.).
1981а Духовная общность народов СССР. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В. (ред.).
1986 Современные этносоциальные процессы на селе. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В.
1986а Социально-культурный облик советских наций: по материалам этносоциологического исследования / Автор программы и руководитель исследования - отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В.
1987 Национально-региональная специфика урбанистических процессов в СССР // СЭ 1: 3-10.
- Арутюнян, Ю.В. (ред.)
1986 Население Еревана. Ереван. Наука.
- Арутюнян, Ю.В.
2001 Армяне в Москве// Социологические исследования № 9.
- Арутюнян, Ю.В.
2009 К сорокалетию этносоциологии: некоторые итоги и перспективы. В: Отв. ред.- Р.Н. Мусина. Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань: ИИ АН РТ. СС. 13-22.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М.
1981 Этносоциологические исследования в СССР: Программа, методика, перспективы исследования // Социологические исследования № 1: 64-70.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М.
1986 Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М.
2000 Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования № 1: 11-21.
- иАрутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М.
2010 Этносоциология перед вызовами времени/ Вехи российской социологии. СПб., Алетейя. 2010:195-211.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Кондратьев, В.С., Сусоколов, А.А.
1984 Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А.
1999 Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс.
- Арутюнян, Ю.В. и др.
1986 Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологического исследования. М.: Наука.
- Арутюнян, Ю.В., Карапетян, Э.Т.
1986 Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван: Наука.
- Арутюнян, Ю.В., Сусоколов, А.А.
1983 Переписи населения СССР как источник качественного анализа этнокультурных процессов // СЭ 5:13-23.
- Арутюнян, Ю.В. и др.
1992 Русские: Этносоциологические очерки. М.: Наука.
- АФ
2005 Специальный выпуск журнала «Антропологический форум» к КЭАР. СПб., 2005.

АФ 10

2009 Форум о форуме // АФ № 10: 21–23.

АФ 16

2012 Антропология и социология // АФ № 16: 8–168.

Байбурин, А.К.

1982 Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта) // Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1982. Т. 38. Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. С. 5–15.

Басилов, В.Н.

1992 Этнография: есть ли у неё будущее? // ЭО 4: 3–17.

Басилов, В.Н.

1993 Письмо в редакцию // ЭО 6: 161–163.

Басилов, В.Н.

1995 С.А. Токарев как представитель русской культуры. В: Козлов С.Я. (ред.) Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 31–40. М.: ИЭА РАН.

Батыгин, Г.С. и др. (ред.)

2005 Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект. 416 с.

Бирин, В.Н.

1992 Этнические аспекты брака и семьи сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Автореферат ... канд. дисс. М.

Бирин, В.Н.

1992а Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы.

Петрозаводск, 1992.

Бойко, В.И.

1973 Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука.

Бойко, В.И.

1977 Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука.

Бойко, В.И., Еремин, С.Н., Белошапкина, В.Н. (ред.)

БАМ и народы Севера. Новосибирск: Наука, 1979.

Бондарчик, В.К. (ред.)

1980 Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования населения городов БССР). Минск: Наука и техника.

Бондарчик, В.К., Иванов, В.Н., Браим, И.Н., Белявина, В.Н.

Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника.

Бородкин, Л.И., Соколов, А.К.

1984 Структурный анализ таблиц сопряженности. По материалам обработки анкет делегатов съездов Советов // Тезисы докладов совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Москва, 20–22 февраля 1985 г.». М., 1984. С. 31–32.

Бородкин, Л.И.

1986 Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: Изд-во МГУ.

Бромлей, Ю.В.

1973 Этнос и этнография. М.: Наука.

Бромлей, Ю.В.

1981 Современные проблемы этнографии. М.: Наука. 390 с.

Бромлей, Ю.В.

1982 Очерки теории этноса. М.: Наука.

- Бромлей, Ю.В.
1983 Этнографические исследования современных национальных процессов в СССР // СЭ 2: 4–14.
- Бромлей, Ю.В.
1987 Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука.
- Бромлей, Ю.В. (ред.)
1977 Сближение социально-классовой структуры советских наций. М.: Наука.
- Бромлей, Ю.В. (ред.)
1977а Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука. 562 с.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
1969 О соотношении истории, этнографии и социологии // СЭ 3: 3–19.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
1977 О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // СЭ 4:3-18.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
1983 Национальные трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования № 2.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
1983 Национальные традиции в социалистической экономике // Вопросы экономики 4.
- Брук, С. И. (ред.)
1978 Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука.
- Брук, С.И., Козлов, В.И., Левин, М.Г.
1963 О предмете и задачах этногеографии // СЭ 1:11–25.
- Брук, С.И., Рабинович, М.Г.
1964 Историко-этнографические атласы // СЭ 4:102–117.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В.
1973 Межнациональная семья в национальных республиках Среднего Поволжья // Доклады на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 г. М.: Наука. 14 с.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В.
1976 Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ.
- Бусыгин, Е.П., Столярова, Г.Р.
1981 Межнациональная семья: тенденции развития // Коммунист Татарии. Казань, 2:88-92.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В., Мухина, З.З.
1986 Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В., Столярова, Г.Р.
1991 Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье. Казань: Издательство Казанского университета. 128 с.
- Бусыгин, Е.П., Столярова, Г.Р.
1993 Русские: этнодемографические процессы // Татарстан. Казань, 2:21–26.
- Бусыгин, Е.П., Столярова, Г.Р.
1993 Русское население Республики Татарстан // Российский этнограф. Этнологический альманах. Вып. 2. М.: ИЭА РАН. С. 41–68.
- Бурдые, П.
1994 Начала. Choses Dites // Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos.
- Вавилин, В.Ф.
1989 Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР (сельское население). Саранск. 168 с.
- Васильева, Э.К., Пименов, В.В., Христюкова, Л.С.
1970 Современные этнокультурные процессы в Удмуртии // СЭ. 1970:2.

- Витов, М.В.
1962 Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ.
- Гарипов, Я.З.
1987 К проблеме совершенствования социально-профессиональной структуры трудящихся (на материалах Татарской АССР) // Проблемы совершенствования социально-классовых отношений в советском обществе. М.: Наука. С. 53–55.
- Гарипов, Я.З.
1989 Тенденции национального языкового развития // Социологические исследования. 2:3–13.
- Гарипов, Я.З.
1991 Этноязыковые процессы в Татарской АССР // Современные межнациональные процессы в ТССР. Казань. С. 26–38.
- Гарфинкель, Г.
2006 Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2006.
- Гинзбург, А.И., Кондратьев, В.С.
1988 К методике этносоциологического исследования городского населения // ПИИЭ М.: Наука. С. 200–206.
- Гришаев, И.А.
1984 Международный проект „Культура” // Общественные науки 2:164–169.
- Гришаев, И.А.
1985а Некоторые вопросы этнокультурного исследования семьи // Нация и культура. Таллин. С. 93–108.
- Гришаев, И.А.
1985б Всесоюзная научная конференция „Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества” // СЭ 3:153–157.
- Губогло, М.Н.
1979 Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения) // Расы и народы 9:9–31.
- Губогло, М.Н.
1979а Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинёв.
- Губогло, М.Н.
1984 Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука.
- Губогло, М.Н.
1993 Переломные годы. М.: ИЭА РАН.
- Губогло, М.Н.
1994 Язык и национализм в постсоветских республиках М.: ИЭА РАН.
- Губогло, М.Н.
1998 Языки этнической мобилизации. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Губогло, М.Н.
2002 К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России // Отечественная история 6:110–129.
- Губогло, М.Н.
2003 Идентификация идентичности. М.: Наука.
- Губогло, М.Н. (ред.)
2004 Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука.
- Губогло, М.Н. (отв. Ред.)
2006 Курсом развивающейся Молдовы. Т. 1. М.: РУДН.

- Губогло, М.Н.
2011 Опрос о IX КЭАР // Антропологический форум. СПб., № 15: 505–508.
- Губогло, М.Н., Шамшуров, В.Н.
1972 Организация опроса в этносоциологическом исследовании // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М.: Наука. С. 292–297.
- Губогло, М.Н., Дубова, Н.А.(ред.)
2011 Феномен идентичности в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука. 670 с.
- Гуц, А.К.
1997 Глобальная этносоциология. Омск.
- Гуц, А.К., Паутова Л. А.
2009 Глобальная этносоциология. Омск: Либроком.
- Девятко, И.Ф.
1997 Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во УГУ.
- Демидова, А.И.
1977 Социологическое образование // Социс 3:201–205.
- Джарылгасинова, Р.Ш., Садокова, А.Р.
1995 Р.Л. Садовков и проблемы музыкальной археологии//ЭО 1:102–113.
- Дзадзиев, А.Б.
1989 Социально-этническая структура автономных республик Северного Кавказа (1959–1979 гг.) В: Проблемы перестройки: социальные аспекты. М.:МГУ. С. 62–81.
- Дробижева, Л.М.
1972 Усиление общности в культурном развитии советских наций // История СССР. № 4.
- Дробижева, Л.М.
1976 Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы 6:64–73.
- Дробижева, Л.М.
1979 Конкретно-социологическое изучение наций и национальных отношений. В: Основные направления изучения национальных отношений. М.: Наука. С. 246–276.
- Дробижева, Л.М.
1981 Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль.
- Дробижева, Л.М.
1981a Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.
- Дробижева, Л.М.
1993 Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х–начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М.: ИЭА РАН.
- Дробижева, Л. М.
1994 Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах. Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука.
- Дробижева, Л.М.
2001 Я всегда находилась в процессе самообучения. Интервью Л.М. Дробижевой, данное Г.С. Батыгину (<http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj4-01drob.html>).
- Дробижева, Л.М.
2004 Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований. В: М.Н. Губогло (ред.). Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. С. 14–25.
- Дробижева, Л.М.
2006 Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал № 3-4:90–102.

Дробижева, Л.М.

2009 Этносоциология перед вызовами XXI века. В: Р.Н. Мусина (отв.ред.)

Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань: ИИ АН РТ. С.22–25.

Дробижева, Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева, В.В., Солдатова, Г.У.

1996 Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов.

М.: Мысль.

Дружинин, Н.К.

1964 Некоторые вопросы теории статистики. М.: МИНХ. 91 с.

Дубова, Н.А

2011 Антропологические и этноэкологические исследования на рубеже тысячелетий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика

В.А. Тишкова. М.: Наука. 670 с.

Дубова, Н.А., Ямсков, А.Н.(ред.)

2004 Этноэкологические исследования. М.: Старый сад.

Елфимов, А.Л.

1996 Размышления о судьбах науки // Этнографическое обозрение. 5:3–24.

Жданко, Т.А., Крупянская, В.Ю., Терентьева, Л.Н.

1956 Об организации и методике полевых этнографических исследований // Советская этнография. № 3:25–34.

Иванов, В.П. и др. (ред.)

1987 Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары.

Иванов, В.П.

1981 Современная чувашская городская семья. М.:НАИЭА.

Ильин, В.И.

2006 Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Изд-во «Интерсоцис».

Инкельс, Алекс

1972 Личность и социальная структура // Американская социология М.: Прогресс: 37–53

Кабо, В.Р.

2008 Дорога в Австралию: воспоминания. М.: Восточная литература. 296 с.

Кабо, Е.О., Кабо, В.Р.

1964 Методологическая роль статистического метода в этнографических исследованиях // Научные доклады Высшей школы. Философские науки 6.

Какх, Ю. Ю.

1973 Черты сходства. Таллин: Наука.

Калмыки

1993 Калмыки. Перепутье 80-х. Проблемы этнокультурного развития. М.:ИЭА РАН.

Карапетян, Р.

2008 Армянская этносоциология // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С. 289–292.

Касперович, Г.И.

1985 Миграция населения в города и этнические процессы: на материалах исследования городского населения БССР. Минск.

Клементьев, Е.И.

1971 Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР). М.

Клементьев, Е.И.

1971а Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения)//СЭ 6:38–44.

- Клементьев, Е.И., Кожанов, А.А.
1988 Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука. 212 с.
- Ковалев, Е.М., Штейнберг, И.Е.
1999 Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос.
- Ковалевский, М.М.
1904 Этнография и социология. М.
- Ковалевский, М.М.
1910 Социология. Т. I. СПб.
- Ковальченко, И.Д.
1987 Методы исторического исследования. М.: Изд-во МГУ.
- Кожанов, А.А.
1978 Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР). Автореферат ... канд. дисс. М.
- Кожанов, А.А.
1977 Внешность как фактор этнического сопоставления // СЭ 3:14–21.
- Кожанов, А.А.
1978 Методика исследований национального самосознания. М.: Наука.
- Козенко, А.В.
1978 О стандартизации методик изучения национально- смешанной брачности // СЭ. № 1.
- Козенко, А.В., Моногарова, Л.Ф.
1994 Эпистемология этнологии // Этнографическое обозрение. 4:7–15.
- Козлов, В. И.
1977 Этническая демография. М.: Статистика.
- Козлов, В. И.
1994 Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.:ИЭА РАН.
- Козлов, В. И. и др. (ред.)
2006 Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М.:ИЭА РАН. 250 с.
- Количественные методы
1984 Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Изд-во МГУ.
- Комарова, Г.А.
1980 О понятии „этнопедагогика” в советской этнографической и педагогической науке. В: И.И. Крупник (ред.) Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.:ИЭ АН СССР. с.202–213.
- Комарова, Г.А.
1985 Рец. на: И.С. Кон (ред.) Этнография детства // СЭ 2: 158–161.
- Комарова, Г.А.
1985а О роли фактора пола в этнических процессах. В: Статистико-этнографические исследования в ЧАССР. Чебоксары. С. 184–201.
- Комарова, Г.А.
1987 Женщина и мужчина: отношение к традиционной культуре // Расы и народы. 17:123–139.
- Комарова, Г.А.
1987а Об отношении современных чувашей к межнациональным бракам: (По данным службы брачных объявлений г. Чебоксары) // Вопросы истории и этнографии города, 87–94. Чебоксары.
- Комарова, Г.А.
1987б Этнические установки при выборе брачного партнёра (по материалам Службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах) // СЭ 3:80–90.

- Комарова, Г.А.
1989 Современная чувашская женщина в семье и в обществе (на материалах массовых обследований в ЧАССР). М.:НАИЭ АН СССР. 25 с.
- Комарова, Г.А.
1990а Традиции и инновации в семейно-брачных отношениях чувашей // Семья: Традиции и современность. М.: Наука. С. 66–79.
- Комарова, Г.А.
2002 Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала). М.:НАИЭА.
- Комарова, Г.А.
2005 Этнический аспект экологизации гуманитарного знания. В: М.Н. Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии 120–153. М.: Наука.
- Комарова, Г.А.
2005а Роль междисциплинарных исследований в советской этнографии 1960–1980-х гг. СПб.: МАЭ РАН.
- Комарова, Г.А.
2005б Этническая социология как междисциплинарное направление в советской этнографии // Bulletin of the National Museum of Ethnology 30(1):121–139.
- Комарова, Г.А.
2007 Адаптивные функции гуманитарного знания на рубеже XXI века. В М.Н. Губогло (ред.) Курсом развивающейся Молдовы. М.:РУДН. 532 с.
- Комарова, Г.А.
2008 Роль русского языка в системе интеграции. В: Этносоциология и этносоциологи. М.: Старый сад. С. 51–63.
- Комарова, Г.А.
2009 Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии и этносоциологии. В: Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Отв. ред. – Р.Н. Мусина. Казань: ИИ АН РТ. С. 42–52.
- Комарова, Г.А.
2009а Опыт функционального подхода в изучении истории научного междисциплинарного направления // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века». Краснодар: КГУ.
- Комарова, Г.А.
2010 Этнография детства: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН. 134 с.
- Комарова, Г.А.
2011 Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции. В: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию акад. В.А. Тишкова. Отв. ред. – М.Н. Губогло; Н.А. Дубова. М.: Наука.
- Кон, И.С.
1964 Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л.:ЛГУ.
- Кон, И.С.
1981 Этнография детства (проблемы методологии) // СЭ 5:.
- Кон, И.С. (редактор и соавтор)
1983а Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 232 с.
- Кон, И.С. (редактор и соавтор)
1983б Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 192 с.

- Кон, И.С.
1985 Этнография детства: состояние и перспективы // Вестник АН СССР 8.
- Кон, И.С.
1987 Психология ранней юности. М.: Просвещение, 255 с.
- Кон, И.С.
1988 Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 270 с.
- Кон, И.С.
1993 Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО 1:3–8.
- Кон, И.С.
2006 Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс. 605 с.
- Кон, И.С.
2008 80 лет одиночества. М.: Время.
- Кон, И.С. (ред. совм. с А.М. Решетовым)
1987 Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 190 с.
- Кон, И.С. (редактор, совместно с Ч.М. Таксами, и соавтор)
1988 Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Сборник статей. Ленинград: Наука. 250 с.
- Кон, И.С. (редактор, совм. с Н.А. Бутиновым, и автор предисловия)
1992 Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 191 с.
- Кондратьев, В.С.
1970 Эксперимент “Ex post facto” в этносоциологическом исследовании // СЭ 2:130–132.
- Кондратьев, В.С. и др. (ред.)
1986 Статистика в этнографии. М.: Наука. 189 с.
- Коростелёв, А.Д.
1978 Об одном возможном применении коэффициента этнотерриториальной общности // Советская этнография. № 2. С.63–71.
- Коростелёв, А.Д.
1984 Методика и техника обработки информации // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984. С.81–84.
- Коростелёв, А.Д.
1984а Русские в Чувашии: некоторые черты языкового и культурного поведения // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары. С.150–162.
- Коростелёв, А.Д.
1984б Об одной оптимизационной задаче в детерминационном анализе. В: Математические методы в социологических исследованиях. М. С.164–182.
- Коростелёв, А.Д.
1988 О некоторых особенностях социальной структуры чувашского и русского городского населения // Вопросы истории и этнографии города. Чебоксары, С.52–61.
- Коростелёв, А.Д.
1988а Русские в Чувашии (об основном этническом партнере чувашей). В: Чуваши. Современные этнокультурные процессы. В.В. Пименов и др. (ред.). М.: Наука. С.185–211.
- Коростелёв, А.Д.
1992 Русское население Чувашии: Этносоциальные и этнокультурные процессы в начале 1980-х годов (На правах рукописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИЭА РАН. 29 с.

- Коростелёв, А.Д.
1993 Русское население Чувашии // Российский этнограф. № 2. С.100–144.
- Коростелёв, А.Д. и Дамбинова, В.Д.
1993а Этноязыковые процессы у калмыков // Калмыки. Перепутье 80-х. Проблемы этнокультурного развития. М., 1993. С.84–117.
- Коростелёв, А.Д.
1997 Рец. на: В.В.Пименов, В.Р.Филиппов. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995//ЭО 2:146–147.
- Коростелёв, А.Д.
2005 Локальные особенности этнокультурных взаимодействий в Урало-Поволжском регионе // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М. 2005:54–61.
- Коростелёв, А.Д.
2006 Историко-статистические источники компьютерного атласа. В: Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М.:РУДН С.28–48.
- Коростелёв, А.Д.
2008 Межэтнические и межконфессиональные браки в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия - Балканы - Поволжье: Труды междунар. науч. конф. (Самара, 11–13 сентября 2008 г.). Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2008. С.113–118.
- Коростелёв, А.Д.
2008а Изучение межэтнических браков в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 26–28 июня 2008г.). Ч.2. Казань, 2008.
- Коростелёв, А.Д.
2010 Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007, 2008 гг.) // ЭО, 2010:6.
- Косвен, М.О.
1946 Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала // СЭ. № 2:2–27.
- Котов, О.В., Шабаетов, Ю.П.
1990 Этнокультурная ситуация у коми-пермяков (Серия препринтов «Научные доклады», Вып. 254). Сыктывкар.
- Кром, М.М. (отв. Ред.).
2006 История и антропология. СПб.: Алетейя. 315 с.
- Крупник, И.И.
1977 Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: к методике изучения этноэкологических систем. М., НА ИЭА РАН.
- Крупянская, В.Ю.
1960 К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса//ВИ 4.
- Кузеев, Р.Г.
1974 Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука.
- Кузеев, Р.Г.
1992 О национальных движениях, суверенитете и федерализме. Очерки. Документы. Хроника. // Этнополитическая мозаика Башкортостана. Том.2. Башкирское национальное движение. Составитель и отв. ред. М.Н. Губогло, М., 1992, с.27–40

- Кузеев, Р.Г.
1994 Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // Язык и национализм в постсоветских республиках, М., 1994:115–130.
- Кузеев, Р.Г.
1994а История и социология в понимании современной этнокультурной ситуации // Доклад на конференции по бывшим социалистическим мусульманским обществам (Турция, Анкара, 15–18 сентября. 1994 г.) (препринт). Уфа.
- Кузеев, Р.Г.
1997 Программы «возрождения и развития народов»: опыт анализа конфликтогенного и миротворческого потенциала в межэтнических отношениях // Ресурсы мобилизованной этничности. Навстречу Второму конгрессу этнологов и антропологов России. 1-5 июня 1997, г. Уфа. Отв. ред. М. Губогло, М., 1997, С. 53–70.
- Кузеев, Р.Г.
1999 Демократия. Гражданственность. Этничность. // Отв. ред. М.Н. Губогло, М. 371 с.
- Кузнецов, И.Д., Кутяшов, С.С.
1934 Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Чебоксары.
- Кукушкина, Е.И.
2002 Университеты и становление социологического образования в России // Социс, № 10, СС.130–137.
- Кукушкина, Е.И. (ред.)
Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М.:МГУ.
- Куличенко, М.И. (ред.)
Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М.: Наука.
- Кумахов, М.Г.
2008 40 лет: много это или мало? (Юность этносоциологии в воспоминаниях) // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С.340–345.
- Кушнер (Кнышев), П.И.
1951 Этнические критерии и этнические границы. М.: Наука.
- Кушнер (Кнышев), П.И.
1952 Об этнографическом изучении колхозного крестьянства//СЭ, № 1.
- Кушнер (Кнышев), П.И. (отв. ред., автор)
1958 Село Вириатино в прошлом и настоящем. М.: Наука.
- Лашук, Л.П.
1977 Введение в историческую социологию. М.: Изд-во МГУ.
- Летурно, Ш.
1995 Социология, основанная на этнографии. СПб.: Изд-во О.Н.Поповой.
- Малькова, В.К.
1973 Вопросы интернационального воспитания на страницах республиканской прессы//СЭ 3.
- Малькова, В.К.
1977 Применение контент-анализа для изучения материалов о сотрудничестве советских народов//СЭ 5.
- Малькова, В.К.
1984 Интернациональное и национальное в республиканской прессе. В: Язык и массовая коммуникация. Социолнгвистическое исследование. М.
- Малькова, В.К.
1991 Этнические образы в республиканских газетах: Опыт этносоциологического исследования. ИЭА РАН. М. 182с.

Методологические проблемы

1981 Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М.: Наука.

Методы количественного анализа

1983 Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М.: Изд-во МГУ.

Марков, Г.Е., Соловей, Т.Д.

1990 Этнографическое образование в Московском государственном университете // Советская этнография 6.

Маркс, К.

1941 Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». М., 1941. т. 9.

Маторин, Н.Н.

1934 Мордовия на путях культурной революции // СЭ 3.

Милитарёв, А.Ю., Пейрос, И.И., Шнирельман, В.А.

1988 Методические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза // СЭ 4:24–38.

Миронов, Б.Н.

2002 Социология и историческая социология: взгляд историка // Социс. № 10:55–62.

Мусина, Р.Н.

1983 Изменения в добрачном поведении и брачности сельских татар // Синхронные и диахронные методы исследования в этнографии. М., 1983.

Мусина, Р.Н.

1983 Мусина Р.Н. Социально-этнические аспекты современной духовной культуры сельских татар (по материалам) этносоциологического исследования в Татарской АССР // Советская этнография. №5, 1983.

Мусина, Р.Н.

1985 Нормы внутрисемейных отношений и стабильность семьи (на примере современной татарской сельской семьи) // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера. Устинов (Ижевск). С.146–150.

Мусина, Р.Н.

1986 Структура внутрисемейных отношений сельских татар: новое и традиционное // Современные этносоциальные процессы на селе. М.: Наука. С.200–204.

Мусина, Р.Н.

1990 Дети в татарской сельской семье // Историческая этнография татарского народа. Казань. С.110–129.

Мусина, Р.Н.

1990а Татары // Семейный быт народов СССР. М.: Наука. С.234–243.

Мусина, Р.Н.

1992 К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в республике Татарстан. Вып. 1. Казань

Мусина, Р.Н.

2008 Этносоциологические исследования в Татарстане // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С.262–278.

Мусина, Р.Н.

2009 Этносоциология в Татарстане // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Отв. Ред. – Р.Н. Мусина. Казань: ИИ АН РТ. С.33–42.

Напольских, В.В.

2011 Проблемы создания вузовского учебника этнографии (размышления по поводу

- книги: Основы этнологии: Учебное пособие. Под ред. В.В. Пименова. М., 2007.) //
- Этнографическое обозрение. 2011. №6: 158–177.
- Немировский, Д.Э., Тургетов, Д.И.
Этносоциология и психогигиена (опыт взаимодействия). Харьков.
- Новикова, С.С.
2002 Особенности развития социологической мысли в России//Социс, №10:122–129.
- Остапенко, Л.В.
1970 О некоторых методах изучения духовной культуры. В: С.Б.Рожественская (ред.). Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований. М.: Наука. С.31–47.
- Остапенко, Л.В.
1983 Женщина и профессия (результаты опросы общественного мнения в Кишиневе и Тбилиси)//ПИИЭ 1979. С.81-88 М.: Наука.
- Остапенко, Л.В.
2006 К вопросу об изучении социальной структуры народов. В: Губогло, М.Н. (отв. ред.). Курсом развивающейся Молдовы. Т.1. М.:РУДН. С.48–67.
- Остапенко, Л.В., Сусоколов, А.А.
1983 Этносоциальные особенности воспроизводства интеллигенции//Социс 1:31–47.
- Остапенко, Л.В., Сусоколов, А.А.
1985 Межрегиональные перемещения и национальный состав трудовых ресурсов. В: Сто наций и народностей: этнодемографическое развитие СССР. М.: Мысль.
- Очерки
1976 Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань. 1976.
- Паин, Э.А.
1983 Этносоциальные условия развития сельского расселения. М.:НАИЭА.
- Паин, Э.А., Попов А.А.
1990 Межэтнические конфликты в СССР//СЭ 1.
- Перепелкин, Л.С.
1987 Этнические аспекты трудовой деятельности рабочего в современном промышленном производстве. М.:АИЭА.
- Перепелкин, Л.С. и др.
1987а НТР и национальные процессы. М.: Наука.
- Перепелкин, Л.С.
1996 Этническая социология (соавт. С.В.Соколовский), М., 263 с.
- Перепелкин, Л.С.
1990 Этнопсихология современного производства // Человек. №6:104–109.
- Першиц, Ю.И.
1967 О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности // СЭ. 1967. № 4.
- Пименов, В.В.
1977 Удмурты. Л.: Наука.
- Пименов, В.В.
1979 Урало-Поволжская историко-этнографическая область (к проблеме изучения) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С.39–48.
- Пименов, В.В., Христюкова, Л.С.
1976 Удмурты. Этносоциологические очерки. Ижевск.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1976а Археология и этнография Удмуртии. Ижевск.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1978 Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск.

- Пименов, В.В., Васильева, Э.К., Мартянов В.Н. и др.
1978а Программа этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии//Материальная и духовная культура мордвы в XIX–XX вв. Саранск. 1978:3–14.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1983 Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1984 Статистика в этнографии М.: Наука. 189 с.
- Пименов, В.В.
1985 О статистической этнографии//Статистико-этнографические исследования в Удмуртии (Материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985. С.3–18.
- Пименов, В.В. и др.
1986 Системный подход к этносу (к постановке проблемы)//Расы и народы. Вып.16. М.: Наука. С.12–30.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1988 Чуваши. Современные этнокультурные процессы. М.: Наука.
- Пименов, В.В. и др. (ред.)
1991 Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье. Чебоксары: НИИЯЛИЭ.
- Пименов, В.В., Филиппов, В.Р.
1995 Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М.:МГУ.
- Полухина, Е.В.
2012 Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях. М. 147с.
- Преображенский, П.Ф.
1929 Курс этнологии. М.-Л.: Госиздат.
- Птуха, М.В.
1971 Вибраш праш. К и т. С. 183–251.
- Пучков, П.И.
2007 Конфессиональное картографирование в России // ЭО 4:37–43.
- Рогачев, М.Б., Шабает, Ю.П., Денисенко, В.Н.
1982 Этнокультурные процессы у современного коми сельского населения (Серия препринтов «Научные доклады», Вып. 80). Сыктывкар.
- Рожанский, М.
2002 Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование. Иркутск, 2002.
- Романов, П.В.
1996 Процедуры, стратегии, подходы „социальной этнографии“. Социологический журнал. №№ 3/4: 138–149.
- Романов, П.В., Ярская, Е.Р.
2005 Антропология профессий. Саратов. 2005.
- Романов, П.В., Ярская-Смирнова, Е.Р.
1998 „Делать знакомое неизвестным...“: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. №1/2. С.161.
- Савоскул, С.С.
1970 Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., Наука.
- Савоскул, С.С.
1978 Социально-культурное развитие народов советского Севера// Расы и народы. М.: Наука. 8:112–129.
- Савоскул, С.С.
1977 Культура сельского населения Татарской АССР. М.:НА ИЭА.

- Савоскул, С.С.
1982 Некоторые аспекты развития культурной среды в союзных республиках СССР (1950–1970-е годы). В.: Ю.С.Кукушкин (ред.) Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М.: Изд-во МГУ. С.200–218.
- Савоскул, С.С.
1989 Урбанизация и этносоциальное развитие народностей Крайнего Севера// Расы и народы. М.: Наука. 19:178–194.
- Савоскул, С.С.
2008 Из воспоминаний этносоциолога «второго призыва»/ Этносоциология и этносоциологии. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С.315–330.
- Семёнова, В.В.
1997 Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет.
- Сикевиц, З.В.
1994 Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб.
- Современные межнациональные процессы в ТАССР
1991 Современные межнациональные процессы в ТАССР. Программа исследования и инструментарий // Отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань. С.7–11.
- Современные национальные процессы в Республике Татарстан
1992 Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. /Отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань.
- Современные национальные процессы в Республике Татарстан
1994 Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. /Отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань.
- Согрин, В.В.
2011 Ученый и гражданин в меняющейся стране // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова М.: Наука. 670с.
- Соколовский, С.В.
1993 Этнографические исследования: идеал и действительность// ЭО 2–3.
- Соколовский, С.В.
2003 Четверть века российской антропологии: 1975-2000//Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9. С. 136–159. М.
- Соколовский, С.В.
2003а Российская этнография в конце XX в.: Библиометрическое исследование//ЭО. 2003. № 1:3–54.
- Соколовский, С.В.
2012 Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики»//АФ. 16:130–139.
- Соколовский, С.В., Перепелкин, Л.С.
1996 Этническая социология. М., 263с.
- Социально-этнические аспекты
1984 Социально-этнические аспекты развития села. Ижевск, 1984.
- Социальные исследования
1978 Социальные исследования: построение и сравнение показателей. М.
- Социологические очерки
1979 Социологические очерки о советской Эстонии. Таллин: Периодика, 1979.
- Статистико-этнографические исследования
1985 Статистико-этнографические исследования в Удмуртии (Материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985.
- Статистические методы
1979 Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М.

- Старовойтова, Г.В.
1976 К исследованию этнопсихологии городских жителей // СЭ 3.
- Старовойтова, Г.В.
1987 Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука.
- Стоянова, Г.Н.
2010 Этнолог: от повседневных практик к профессиональным традициям// Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т.2 / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН.
- Степанов, В.В.
2006 О методах этнического картографирования высокой подробности. В: Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М.:РУДН С.49–62.
- Степанов, В.В.
2007 Место введения. В защиту этнической статистики//ЭО 5:32.
- Столярова, Г.Р., Титова, Т.А.
1992 Культура и этническое самосознание // Татарстан. №№ 9/10:88-96.
- Столярова, Г.Р., Титова, Т.А.
1992а Этническая культура как индикатор самосознания (по материалам изучения русско-татарских семей г. Казани) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып.1. Казань. С.45–87.
- Субботина, И.А.
1985 Миграции и изменение национального состава населения союзных республик // Расы и народы 15:120–133.
- Сусоколов, А.А.
1979 Переписи населения СССР как источник при изучении межэтнических отношений. М.: НАИЭА.
- Сусоколов, А.А.
1987 Межнациональные браки в СССР. М.: Наука.
- Сусоколов, А.А.
1990а Национально-смешанные браки и семьи в СССР. М.:ИЭ АН СССР, 1990. Ч. 1. С. 78–93.
- Сусоколов, А.А.
1990б Структурные факторы самоорганизации этноса// Расы и народы 20:5–39.
- Сусоколов, А.А.
2008 Технология социологического исследования. М.: Русская панорама. 288 с.
- Сусоколов, А.А., Новицкая, А.П.
1992 Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам Отдела ЗАГС Кишинева в послевоенный период)//СЭ 6.
- Сычева, Л.С.
1999 Формирование научных дисциплин и «социальная наследственность»// Науковедение 2:144–157.
- Татунц, С.А.
1999 Этносоциология. М.: МГУ.
- Тер-Саркисянц, А.Е.
1974 Этносоциологические исследования в Северной Осетии в 1973 году. Полевые исследования ИЭ АН СССР. М.: Наука.
- Тишков, В.А.
1985 Тишков В.А. История и историки в США. М.: Наука.

- Тишков, В.А.
1990 Национальное и социальное в историко-антропологической перспективе// Вопросы философии 12:3–16.
- Тишков, В.А.
1992 Советская этнография: преодоление кризиса//ЭО 1:5–20.
- Тишков, В.А.
1992а Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий// Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.2.М.:ИЭА РАН.
- Тишков, В.А.
1993 Количественные методы в советской и американской историографии: материалы советско-американских симпозиумов в г.Балтиморе в 1979 г. и г. Таллине в 1987 г. /Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. М.: Наука, 1983.
- Тишков, В.А.
1994 С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков//ЭО 1:118–122.
- Тишков, В.А.
1995 Нелишне узнать из первоисточника (с бывшим зам. директора ИЭ АН СССР С.И. Бруком беседует В.А. Тишков)//ЭО 1:89–101.
- Тишков, В.А.
1997 Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир.
- Тишков, В.А.
2001 Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV (16). СПб. С.13.
- Тишков, В.А.
2001а Интервью с профессором В. Тишковым//Этнопанорама 4:68–75.
- Тишков, В. А.
2001б Общество в вооруженном конфликте. Этнография Чеченской войны. М.: Наука.
- Тишков, В.А. и др. (ред.)
2002 Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.:ИЭА РАН.
- Тишков, В.А.
2003 Реквием по этносу. М.: Наука.
- Тишков, В.А.
2003а Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследования//ЭО 5:3–23.
- Тишков, В.А.
2004 Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения// Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука. 716с.
- Тишков, В.А.
2008 Размышления об итогах жизни: беседа с С.И. Вайнштейном. ЭО 2:70–86.
- Тишков, В.А.
2008 Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя. 175с.
- Тишков, В.А.
2012 <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html>
- Токарев, С.А.
1999 Избранное. М. т. 1: 232 с.
- Толстов, С.П.
1927 Русские крестьянские постройки (Критический обзор литературы)// Этнография 2:362–363.
- Толстов, С.П.
1957 Сорок лет советской этнографии// СЭ 5:31–55.

- Трдзелидзе, Р.К.
1980 Межнациональные отношения в Грузинской ССР. Тбилиси.
- Тульцева, Л.А.
2008 "Журавль у ветхого колодца"// Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. С. 237–242.
- Устинов, В.А., Фелингер, А.Ф.
1973 Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М.: Наука.
- Устинова, М.Я.
1980 Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука.
- Утехин, И., Рис, Н.
2005 Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.:НЛО.
- Фирсов, Б.М.
2011 Две жизни одной науки: традиции и роли социологии в России и СССР// Антропологический форум. СПб., 15:221–240.
- Филиппов, В.Р.
Теория этноса Л. Гумилёва// Этнопанорама 3–4:36–44.
- Харвей, Пенни
2005 О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии//ЭО, 2005. 2:25–31.
- Христолюбова, Л.С.
1992 К вопросу о возможности применения метода экспертных оценок в этнографии// Статистика в этнографии М.: Наука. С. 50–59.
- Христолюбова, Л.С.
2004 Этносоциологические и этнокультурные исследования в Удмуртии. В: М.Н. Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. С. 330–345.
- Чистов, К.В.
1999 Послесловие / Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.: Лимбус Пресс. С. 196–203.
- Чистов, К.В.
2006 Забывать и стыдиться нечего. СПб.
- Чистов, К.В., Комарова, Г.А.
1981 Цікаве монографічне дослідження// Народна творчість та етнографія. Київ: Наукова Думка. 4:73–77.
- Членов, М.А.
1973 Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии. В: Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука.
- Шамшуров, В.Н.
1978 Опыт использования похозяйственных книг для изучения сельского населения//ПНИЭ АН СССР М.: Наука. С.246–254.
- Шанин, Т.
1999 Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни// Качественные методы в полевых социологических исследованиях. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. – ред. М.: Логос. 1999. С.329.
- Шанин, Т.
2010 Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни <<http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm>>
- Широкогоров, С.М.
1923 Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: Сиб-пресс, 1923.

- Шкаратан, О.И.
1970 Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР// Советская этнография 3:3–16.
- Шкаратан, О.И.
1986 Этносоциальные проблемы города. М.: Наука.
- Шкаратан, О.И.(отв. Ред.)
1987 НТР и национальные процессы. М.: Наука.
- Шнирельман, В.А.
1980 Происхождение скотоводства. М.: Наука.
- Шнирельман, В.А.
1984 Этноархеология – 70-е гг.// СЭ 2:100–113.
- Шнирельман, В.А.
1989 Этнокультурные заимствования и лингвистический процесс (некоторые методологические аспекты) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.
- Шнирельман, В.А.
1989а Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука.
- Шнирельман, В.А.
1991 «Диффузия идей», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (к постановке вопроса)// СЭ 2:17–28.
- Шнирельман, В.А.
2003 Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига.
- Шнирельман, В.А.
2006 Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ.
- Штомпка, П.
1996 Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс.
- Щепанская, Т.Б.
2003 Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. № 1. С. 139–161.
- Юревич, А.В.
1999 Новая траектория развития российской науки: из космоса в политику. М.: Наукоедение.
- Этнография
Этнография: Учебник для студентов исторических специальностей вузов /Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М.: Высшая школа.
- Этносоциология в России
2009 Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Отв. ред. – Р.Н. Мусина. Казань: ИИ АН РТ. 386с.
- Этносоциология и этносоциологи.
2008 Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад. 360с.
- Ядов, В.А. (отв. Ред.)
1998 Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН. 722с.
- Ядов, В.А. (в сотрудничестве с В.В. Семёновой)
2001 Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет.
- Ямсков, А.Н. и др.
2006 Междисциплинарные исследования долгожительства абхазских сельских популяций

- на рубеже 1970–1980-х гг. и в начале 2000-х гг. В: Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М.: ИЭА РАН. 250с.
- Ямсков, А.Н.
2008 Гастарбайтерство в гагаузских селах Бешалма, Кириет-Лунга и Чишмикиой (по данным этнографических и статистических исследований 2005–2007 гг.) // Гастарбайтерство. Факторы адаптации / Сост. Н.А. Дубова. Ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад. С.63–120.
- Ямсков, А.Н.
2012 Форум «Антропология и социология»// АФ 16:150–157.
- Ярская-Смирнова, Е.Р.
1997 Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 3:38–61.
- Ярская-Смирнова, Е.Р., Романов, П.В., Круткин, В.Л.
2007 Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов.
- Alvesson, M., Berg, P.
1992 Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate. Hawthorne, NY: Wolter de Gruyter.
- Clifford J., Marcus G.G., ed's.
1986 Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley; Los Angeles; L, 1986.
- Comaroff, John, Comaroff, Jean
1992 Ethnography and the Historical Imagination// Boulder: Westview Press, 1992. (Ch.1. *Ethnography and the Historical Imagination*. PP.3–48).
- Elfimov, A.
1994 The State of the Discipline in Russia: Interviews with Russian Anthropologists// American Anthropologist. New Series, vol. 99, # 4 (Dec., 1997): 775–778.
- Ethnosociology
1988 Ethnosociology. N.Y.
- Filstead, W.J.
1979 Soziale Welten aus erster Hand. In Gerdes K. (Hg.). Explorative Sozialforschung, SS. 29–50. Stuttgart.
- Foucault, M.
1980 Power and Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1979. N.-Y., 1980. P. 62.
- Gellner, E.
1973 Cause and Meaning in the Social Sciences. L.; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973.
- Gellner, E.
1974 The Soviet and the Savage. Current Anthropology 16 (4):595–601.
- Gellner, E.
1977 Ethnicity and Anthropology in the Soviet Union. Arch. Eur. Sociology 18:201–220.
- Gellner, E.
1979 Review of M. Matthews and T.A. Jones Soviet sociology 64–75 Slavic East Europa Review 57:473–490.
- Greenfeld, L.
1988 Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. Annual Review Sociology 14:99–123.
- Hammersley, M., Atkinson, P.
1995 Ethnography. Principles in Practice. Second Edition. London. P. 88–104.
- Inkeles, A.
1964 What is Sociology? An Introduction to the Discipline and Profession. Prentice Hall: Englewood Cliffs. 120 p.
- Inkeles, A. (with D. Smith, K. Miller, O. Singh, V. Bengston, J. Dowd)
1981 Exploring Individual Modernity. N.Y.: Columbia University Press.

- Keith, Thomas.
1963 History and Anthropology// Past and Present. 1963. #24. P.3–24.
- Levi-Strauss, C.
1963 Structural Anthropology. N.Y.; L.: Basic Books Inc.
- Malinowski B.
1922 Argonauts of the Western Pacific. L.: Routledge and Kegan Paul.
- Marvasti, A.B.
2004 Qualitative Research Sociology. SAGE Publication. 2004. P.37–41.
- Miller D., Jackson P., Thrift N., Holbook B., Rowlands M.
2001 Methodology. Ethnography. Vol. III. Alan Bryman. SAGE Publications. P.61–66.
- Owen, M.J.
1996 Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage.
- Plotkin, V.I., Howe, J.E.
1984 The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography// Dialectical Anthropology 2:1–4.
- Shnirelman, V. A.
1996 Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington D.C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.
- Thomas, W.I., Znaniecki, F.
1918 The Polish peasant in Europe and America. Vol. 1. # 4. N.Y.: Knopf.
- Valsiner, J.
1988 Developmental Psychology in the Soviet Union. Bloomington: Indiana University Press. P.303–306.
- Voronitsyn, S.
1983 Who Is Afraid of an Educated Sociologist?// Radio Liberty Res. RL 183/86
- Voronitsyn, S.
1986 New Center Created for the Study of Public Opinion// Radio Liberty Res. RL 82/83
- Voronitsyn, S.
1988 A Directory of Prominent Soviet Economists, Sociologists and Demographers by Institutional Affiliation// Radio Liberty Res. RL 183/87.
- Wissoker, K.
2000 Negotiating a Passage between Disciplinary Borders // Chronicle of Higher Education. 2000. 14 Apr. P. B5.
- Wolfe, T.
2000 Cultures and Communities in the Anthropology of Eastern Europe and the Former Soviet Union// Annual Review Anthropology 29:195–216.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	—	архив автора
АРАН	—	Архив Российской академии наук (СПб.)
АФ	—	Антропологический Форум
БАССР	—	Башкирская автономная Советская социалистическая республика
БФ СИ РАН	—	Биографический фонд Социологического института Российской академии наук (СПб.)
ВАН СССР	—	Вестник Академии наук СССР
ВИ	—	Вопросы истории
ИИ РАН	—	Институт истории Российской академии наук
ИИЯЛ БНЦ РАН	—	Институт истории, языка, литературы Башкирского научного центра Российской академии наук
ИК	—	информационные карты
ИМП.	—	Императорское Русское географическое общество
РГО	—	Институт социологии Академии наук СССР
ИС АН СССР	—	Институт социально-экономических и правовых наук Академии наук Республики Татарстан
ИСЭПН	—	Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР
ИЭ АН СССР	—	Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук
ИЭА РАН	—	Институт языка, литературы, истории Казанского научного центра Академии наук СССР
ИЯЛИ КНЦ АН СССР	—	Казанский государственный университет
КГУ	—	журнал «Культурологические исследования в Сибири»
КИС	—	Коми автономная советская социалистическая республика
Коми АССР	—	Краткие сообщения ИЭ АН СССР
КСИЭ	—	Кунсткамера.
КЭТ	—	Этнографические тетради

ЛЧ ИЭ АН СССР	—	Ленинградская часть Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР
МАПРЯЛ	—	Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы
МАССР	—	Марийская автономная советская социалистическая республика
МАССР	—	Мордовская автономная советская социалистическая республика
МГПИ	—	Мордовский государственный педагогический институт
МГУ	—	Московский государственный университет
МКАЭН	—	Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МОНФ	—	Московский общественный научный фонд
МТС	—	машинно-тракторная станция
НАИЭА	—	научный архив ИЭА РАН
НИИЯЛИЭ	—	научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики
НТИ	—	национальная творческая интеллигенция
ОИ	—	Отечественная история
ОмГУ	—	Омский государственный университет
ОСУ	—	программа «Оптимизация социально- культурных условий развития и сближения советских наций»
ПМА	—	полевые материалы автора
ПИИЭ	—	Полевые исследования Института этнографии АН СССР
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	—	Российский государственный научный фонд
РГО	—	Русское географическое общество
Сб. МАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР

СИ РАН	—	учреждение Российской академии наук «Социологический институт» (СПб)
СМИ	—	средства массовой информации
СОЦИС СПбГУ	—	Социологические исследования Санкт-Петербургский государственный университет
СПб Ф ИС РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН
СЭ	—	Советская этнография
СЭИ	—	статистико-этнографические (статистико-этнологические) исследования
ТАССР	—	Татарская автономная советская социалистическая республика
УАССР	—	Удмуртская автономная советская социалистическая республика
ЧАССР	—	Чувашская автономная советская социалистическая республика
ЦИМО	—	Центр по изучению межнациональных отношений
ЦК ВКП(б)	—	Центральный комитет Всероссийской коммунистической партии (большевиков)
ЦНСИ	—	Центр независимых социологических исследований (СПб.)
ЦСИ	—	Центр социологических исследований МГУ
ЦСПГИ	—	Автономная некоммерческая организация «Центр социальной политики и гендерных исследований» (Саратов)
ЭВМ	—	электронно-вычислительная машина
ЭО	—	Этнографическое обозрение

КОМАРОВА Галина Александровна

**ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ:
междисциплинарное взаимодействие
этнографии и этносоциологии
(1960 – 80-е гг.)**

Научное издание

**Компьютерная верстка – В. В. Комаров
Технический редактор – Е. Е. Беляева
Макет обложки – Арутюн Самуэлян**

На обложке – «Композиция № 8» В.В. Кандинского

Подписано к печати 11.11.2012 г. Формат 60х84 1/16. Усл. печ. 14,0.
Уч.-изд. л. 17,0. Заказ № 298. Тираж 300 экз.

Типография ООО Интер-принт